

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ НЕ ПЛАЧУТ

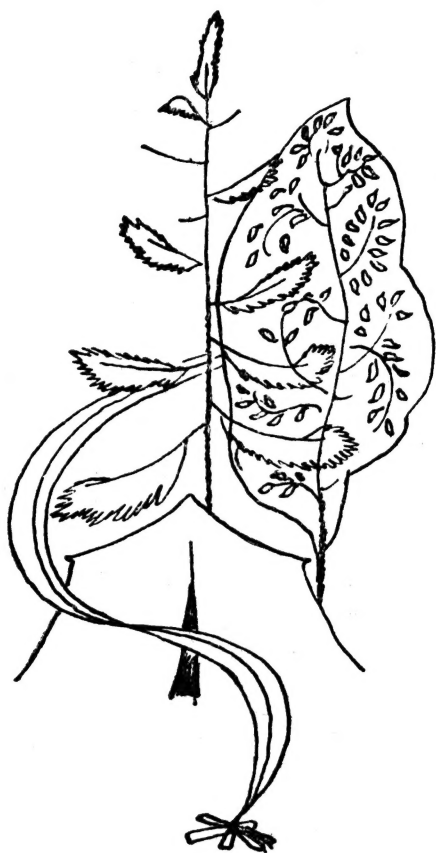
ВЛАДИСЛАВ
КРАПИВИН

Владислав Крапивин

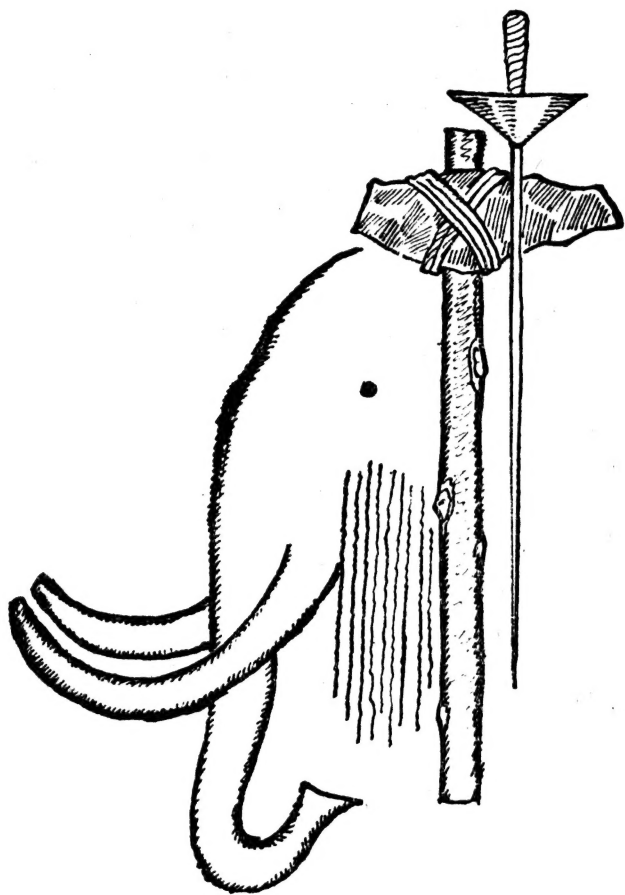
ПУТЕШЕСТВЕННИКИ НЕ ПЛАЧУТ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СВЕРДЛОВСК, 1968

Принимая!
Создавая
с гению
гению
ноу
пробити
жизнь
лето. Я
жизнь
хорошо
подружа
Сина

БЕЛЫЙ
ЩЕНОК
ИЩЕТ
ХОЗЯИНА

Всем мальчишкам с Уктусских гор,
где лес подходит к самым окнам
Свердловска

ПРЯМАЯ СТРЕЛА

Хребет, покрытый сосновым лесом, врзается в город с юга. Он разрубает на две части самую солнечную окраину. Слева раскинулся новый район восточных улиц. Справа белеет многоэтажный поселок химкомбината.

Горы небольшие. Но все-таки это горы. Есть там и острые каменные зубцы, и гранитные обрывы, хоть встречаются они не часто. Зато много круглых вершин, на которые могут подняться даже совсем маленькие мальчишки. На одной из самых высоких гор сосны расступаются и открывают поляну. Здесь, в метелках высокой травы, среди глазастых ромашек греются под солнцем валуны, похожие на спящих слонят. Сухой зеленоватосерый мох покрывает спины слонят узорчатыми чешуйками.

Если взойти на эту вершину да еще подняться на самый большой валун, то можно увидеть, как горы плавными волнами уходят к юго-западу. Волны, сначала темно-зеленые, вдали окутываются синевой и, наконец, сливаются на горизонте с морем совершенно синего леса.

Это если смотреть на юг...

А если повернешься к северу, то сквозь поредевший лес у подножия

зеленых склонов увидишь дома под цветными крышами, и ленточку асфальта, и синий троллейбус на этой ленточке... Там лежит поселок Стрелогорск.

Это имя дали ему не зря. Сам хребет называется странно и красиво — Прямая Стрела. Так называли его древние жители гор, смелые всадники в острых лисьих шапках, с луками, выгнутыми, как маленькие коромысла. Говорят, по берегам ручья, который бежит вдоль западного склона, рос удивительный кустарник с прямыми и крепкими ветками. Всадники делали из этих веток стрелы.

Стрелогорску тесно внизу. Некоторые улицы уже заползают на горы, подобрались к самому лесу.

На самой высокой улице, на той, за которой уже поднимается березовый подлесок, как раз и живут герои этой повести. Вообще там живет много людей: рабочие с химкомбината и фабрики «Металлист», почтальоны, учителя, шофер дядя Саша, лейтенант милиции Сережа, мальчишки и пенсионер Гурьян Кириллович.

О Гурьяне Кирилловиче стоит рассказать подробнее потому, что мы с ним еще встретимся. Мальчишки не любят этого почтенного человека. Называют его не иначе, как Курьян

Курилыч. Впрочем, чаще зовут его просто Курилычем. А все из-за того, что Гурьян Кириллович каждый день рассказывает соседям, будто бросил курить. Ему вредно курить. У него гипертония и большое сердце. Поговорив о гипертонии и больном сердце, Курилыч обязательно попросит папироску — последнюю, будь она проклята. И уйдет, тяжело покачивая животом, подхваченным снизу прочным ремнем.

Лицо у Курилыча мясистое и красное, будто он каждый день трет его спелой свеклой. Мальчишкам это не нравится. Они говорят, что у инва-

лидов не бывает таких здоровых мор... то есть лиц. Не ценят они и мужества Курилыча. Ведь он, несмотря на большое сердце, копается целыми днями на своем огороде, в малиннике или среди кустов крыжовника. А то еще возьмется дрова колоть. Кубометров пять за один прием наколет и в поленицу сложит. Жизнью рискует человек, а мальчишки смеются. И всякие обидные слова говорят. Придумали даже, что свою инвалидную мотоколяску Гурьян Кириллович приобрел незаконным путем. Мол, у него две ноги, и коляска не нужна. Не соображают, что грузному человеку, да еще с таким животом, трудно пешком ходить...

В Стрелогорске смешались деревянные старые домики и новые здания из крупных панелей. Поэтому рядом с домом Курилыча поднимается трехэтажный корпус. Новый, светло-розовый, с большими веселыми окнами. Здесь-то и живут враги почтенного владельца мотоколяски... Впрочем, хватит о нем. Речь главным образом пойдет о мальчишках.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО. ХУДОЖНИК ВОВКА РИСУЕТ С НАТУРЫ

— Боря-а! Бори-и-ска!

Слышишь? Нам повезло. Сейчас мы и познакомимся с главным героем повести. Борискина мать зачем-то зовет сына. Она открыла окно и с третьего этажа своим певучим голосом зовет:

— Борис! Ну, где ты, наконец?!

А правда, где он? Ага, вот...

Знакомство придется начинать не совсем обычно. На середине двора стоит коричневый «москвич». Из-под «москвича» торчат четыре ноги. Две ноги — в желтых туфлях сорок третьего размера и узких синих штанах, две другие — в старых маленьких сандалиях и в разных царапинах. Особенно интересна одна царапина, украшающая левую ногу. Длинная, зигзагообразная, словно молния.

После каждого крика нога с царапиной-молнией досадливо дрыгается. Значит, она принадлежит Борису. И, значит, Борис помогает шоферу.

Ноги, конечно, не голова. Но и по ним судить о человеке можно. Царапины говорят о том, что человек презирает гладкие дороги. Левая санда-

лия с протертой насквозь подошвой доказывает, что ее хозяин любит скорость: ведь левой ногой толкаются, когда мчатся на самокате. На правой ноге обувь просит каши. Подошва оторвалась. Все знают, что сами подошвы отрываются редко. А вот если садануть как следует по мячу...

— Бориска! Уголек! Долго мне ждать?!

Две ноги начинают выползать из-под машины. Появляются на солнце вымазанные автолом колени. Потом вельветовые штаны, загорелый живот и сбитая на грудь рубашка в красную и желтую клеточку.

И вот он на ногах.

Ты думал, что Бориска черный, как цыганенок? Ничего подобного. Волосы у него не светлые, но и не темные, а самые обыкновенные. А почему же тогда все зовут его Угольком? Может быть, из-за глаз? Они у Бориски и вправду словно блестящие угли. Но ведь ему девять лет. А когда человеку девять лет, кого интересуют его глаза? Просто фамилия такая у Бориски — Угольков. Потому и дали это прозвище. И Угольком его зовут гораздо чаще, чем настоящим именем.

Он стоит посреди асфальтового двора, щурясь от солнца и прикусив нижнюю губу. Прикусил губу он от досады: так и не дали ему помочь дяде Саше до конца.

— Уголек! — закричала мама. — Появился, слава богу! Ну-ка скажи, куда ты дел ручку от мясорубки?

— Хорошенькое дело, — обиделся он. — Я ее и не видел.

— А где веревка для белья? Тоже не видел? Кто учил Вьюна через нее прыгать?

— Это была другая веревка! — крикнул Уголек. — Маленькая! — Он не стал уточнять, что маленькая веревка была проводом от электроутюга. — А про большую я не знаю...

Певучесть окончательно исчезла в мамином голосе.

— Вы посмотрите! Он ничего не знает!.. А кто Гурьяну Кириллычу пистоны в замок сунул, тоже не знаешь, да? А он почему-то знает!

— Какие пистоны? — сказал Уголек и стал разглядывать палец, который вылез из правой сандалии.

— Вот приди домой! Узнаешь, какие! — рассердилась мама.

Она обязательно сердилась, если не могла что-нибудь найти или если у нее что-нибудь не получалось. Тогда Угольку вспоминались все

грехи, и ему попадало. Бывало даже, что не совсем справедливо попадало...

От упоминания о пистонах вполне могло испортиться настроение. И оно уже начало портиться. Угольку не захотелось возвращаться под машину. Уголек грустно задумался. Он вздохнул и повернул голову, чтобы почесать плечо о подбородок.

И тогда он увидел Белого Щенка.

В двадцати шагах от Уголька тянулся забор, опутанный вверху колючей проволокой. Его построил Курилыч, чтобы отгородить свои грядки, парники и малинник от шумного и опасного двора соседей. Новых досок он не нашел, забор получился кривой и разношерстный. И вот на сером и скучном заборе кто-то нарисовал мелом Щенка.

Щенок был веселый. Он припадал на передние лапы, улыбался и тявкал. Правое ухо у Щенка торчало, как стрелка, а кончик левого загибался вниз.

Уголек подходил к забору медленно, широко раскрыв свои большие черные глаза. Будто оказалось перед ним невиданное чудо. Щенок смотрел на него с забора и улыбался, словно звал поиграть.

— Ты как сюда попал? — спросил Уголек. — Тебя кто нарисовал?

Но собаки, нарисованные на заборе, не умеют разговаривать. Щенок улыбался и молчал. Уголек тоже заулыбался и протянул к забору ладонь. Рука сама потянулась, словно хотела погладить Щенка. Но как погладить, если под ладонью только шершавые доски...

— Уголек, здравствуй! А я на дачу еду.

Бориска оторвал глаза от Щенка. Дядя Саша вылез из-под машины и теперь заталкивал в багажник огромный рыжий чемодан. Рядом стоял приятель Уголька Вовка Ларионов, Вовка-художник. Несмотря на жару, он был в длинных бархатных штанах и такой же куртке, похожей на колокол. Говорят, это обычный костюм художников. Сверху Вовку накрывала широченная войлочная шляпа, которую в прошлом году он привез из Сочи.

Счастливо блестя круглыми очками, Вовка повторил:

— Мы на дачу едем.

Уголек молчал. Подумаешь, на дачу едет! Какой интерес ехать на

дачу в августе? И вообще, зачем дача, когда лес в двух шагах от дома, где живут Уголек и Вовка.

Уголек снова глянул на забор.

— Слушай, Вов, не знаешь, кто его нарисовал?

— Щенка? Я, — сказал Вовка так спокойно, словно речь шла о какой-нибудь обыкновенной обезьяне или, скажем, крокодиле.

— Ух, Вовка, — выдохнул Уголек, — замирая от проснувшейся надежды. — Ты просто так рисовал, из головы, или срисовывал?

— Я всегда рисую с натуры, — солидно сказал Вовка. — Утром я вышел подышать свежим воздухом. Ты, конечно, еще дрыхнул... Я вышел, а он сидит. Потом стал какой-то щепкой играть, развеселился. У калитки, где лужа. Я посмотрел и набросал для разминки... Ничего?

— А где он сейчас? Вовка! Где? — отчаянным голосом спросил Уголек.

— Ушел, — развел руками Вовка и снова между прочим кивнул на рисунок: — Ну как?

— Ушел. Эх ты...

Вовка, видя, что Уголек воздерживается от оценки его произведения, надул губы.

— Славная псина, — грустно сказал Уголек. — Чья же она?

— Может быть, ничья. Ведь без ошейника.

— Правда! Вдруг ничья? Может, потерялась...

Полыхнув нарядным цветастым платьем, к машине проплыла Вовкина мать.

— Вовочка, мы едем.

— Ну, пока, — сказал Вовка-художник.

— Ты не знаешь, как его звать? — глупо спросил Уголек у захлопнувшейся дверцы.

Машина выпустила синий дымок и укатила со двора.

СОБАК ВОСПИТЫВАЮТ С ДЕТСТВА. ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ВЬЮНА

Уголек шел домой с опаской. Но мама уже отыскала и ручку от мясорубки, и веревку. А порванный провод от утюга она еще не видела. Поэтому она не вспомнила о пистонах, и Уголек не получил ни шлепков, ни подзатыльника. Мама весело велела ему смыть с себя мазут и садиться обедать. А сама стала собираться в клуб. Она спешила на занятие опер-

ной труппы. Мама всегда куда-нибудь спешила: то на работу, то в вечерний институт, то на репетицию.

— Не хочется есть, — сказал Уголек. Он и думать не хотел о еде. Он думал о щенке.

Уголек вздохнул и позвал:

— Кис! Вьюн! Иди сюда, морда.

— Бедное животное, — жалобно сказала мама. — Ты, Уголек, ненормальный...

Но это была неправда. Голова Уголька работала отлично. Он даже закончил второй класс без «троек». «Тройку» вывели только по рисованию. Уголек не меньше других любил гонять футбол, прыгать с сарая и лазить за малиной в огород Курилыча. То есть он был вполне нормальным человеком.

Но у него была страсть: он бредил собаками.

Конечно, есть люди, которые равнодушны к собакам. Есть даже такие глупцы, которые боятся собак. Эта повесть не для них. Им не понять человека, в груди которого бьется сердце, полное любви ко всем собакам на свете: к лохматым городским дворнягам, к мужественным пограничным псам, к смелым караульщикам овечьих стад, к благородным представителям охотничьих пород и даже к бесприютным динго — жителям австралийских степей.

Конечно, если бы имел Уголек свою собаку, он излил бы любовь на нее одну.

Но не было собаки.

В прошлом году, летом, Уголек чуть не стал самым счастливым.

Он шел с мамой в соседний гастроном и у крыльца магазина увидел пса.

Пес был большой и пегий. Он линял, и шерсть висела клочьями на худых боках. У него была добрая розовая пасть и чудесные коричневые глаза.

— Ох, какой ты... — выдохнул Уголек. Он медленно поставил на асфальт сумку с банкой для сметаны. Он сел перед псом на корточки.

— Боря! — воскликнула мама и певуче застонала.

Сидя на корточках, Уголек был ниже собаки. Пес перестал зевать. Веселыми глазами он посмотрел на Уголька и, поднимая пыль, заколотил по асфальту тяжелым хвостом.

— Псина. Милая,— сказал Уголек. Он протянул к себе мохнатую голову с полувисячими ушами и прижал ее к плечу. Милая псина облизала Уголька ухо. Сердце Уголька от радости запрыгало, словно крышка на кипящем чайнике.

— О-о,— проговорила мама издалека, потому что боялась собак больше, чем мышей и скара-тины.— О-о... Не прижимай это чудовище.

Чудовище облизало Уголька второе ухо.

Пока сын обдумывал, какой угол в квартире лучше подойдет для собаки, а мама выбирала место, чтобы упасть в обморок, на крыльце раздавалось постукивание. Из магазина вышел человек с седой щетиной на подбородке и деревяшкой вместо левой ноги.

— Балалай, — сипло позвал он.

Балалай бросил Уголька, медленно поднялся и описал вокруг хозяина ленивую орбиту. Как большая планета вокруг светила. Светило, что-то бормоча, прятало в кармане зеленое горлышко поллитровки.

Уголек молчал. Но в его черных глазах, наверно, была такая тоска, что человек решил снизойти до разговора.

— С тобой Балалай не пойдет. Н-не пойдет, — сообщил он, уперев в Уголька мутноватый взор. — Ты собаку с детства... воспитывай с детства. Тогда пойдет. Потому что преданность в ней. Вот я последние штаны... отдам. А собаку н-ни за что...

Видимо, он собрался произнести длинную речь о собачьей преданности, но мама, оправившись от потрясения, схватила Уголька за локоть и увлекла от опасного места...

Итак, собаки не было. Был только пожилой кот Вьюн, прозванный так за то, что в молодости отличался изяществом и грациозностью.

Собачья жизнь не для котов. Коты созданы для того, чтобы по ночам дурными голосами орать на крышах, днем спать на солнце, утром и вечером воровать на кухне молоко и рыбу, а в свободное от этих занятий время изредка ловить мышей. Вьюн считал такой образ жизни совершенно правильным. Уголек считал иначе.

У него не было верного пса, который бы вытаскивал хозяина из кипящей морской пучины, шагал с ним по ледяным арктическим пустыням, помогал в охоте на носорогов и ловил шпионов. Зато у нашего Уголька было богатое воображение. А с помощью воображения нетрудно сделать из кота собаку.

Начались для Вьюна тяжелые дни. Через неделю он похудел и стал тонким, как в юности. Он сопротивлялся. Он показывал когти. Но через месяц Вьюн понял, что для собственного благополучия следует ходить на цепочке, не упираясь, и становиться на задние лапы, как только этого захочет упрямый хозяин. В общем, он многое понял.

Но ничего не понял Митька Шумихин. И его друзья не поняли.

Когда Уголек первый раз вывел кота на цепочке от старых ходиков, во дворе раздался восторженный вой пяти глоток. Даже Витька-Мушкетер, которого Уголек считал человеком благородным и умным, поддался общему настроению. Он подскочил к Угольку, вежливо помахал перед ним бумажной шляпой и задал вопрос:

— Позвольте узнать, что за порода у вашей великолепной собаки?

— Верблюд, — сказал Уголек.

— Очевидно, иностранная порода? Удивительное название...

— Ты верблюд, — уточнил Уголек, отойдя поближе к дому...

Ты думаешь, с тех пор он бросил дрессировать Вьюна? Уголек упрямый. Если смеются над ним или не получается что-нибудь, он только прикусывает нижнюю губу. Даже глаз не прищуривает, как это делают другие упрямые люди. Он лишь прикусит губу, а глаза открывает еще шире, будто удивляется чему-то.

УГОЛЕК НЕ ХОЧЕТ БЕЖАТЬ. ДВОЕ И ОТЧАЯННАЯ ТЕТКА

В доме, где живет Уголек, в каждом подъезде — сквозной коридор. Одна дверь ведет на улицу, другая во двор.

Во двор Уголек не пошел: там он мог встретить Митьку и других своих недоброжелателей. А друзей Уголька в городе не было. Разъехались на лето кто куда. Вовка-художник оставался, но и тот сегодня уехал на дачу.

Уголек перехватил покороче цепочку и вывел кота на улицу.

Эх и не повезло же ему! Вся Митькина компания двигалась навстречу. Впереди приплясывал маленький веснушчатый Сережка. Он с Угольком учился в одном классе. Только там его звали не Сережкой, а Шурупом. Шуруп — вот и все. Это за вертлявость.

За Шурупом шли шеренгой сам Митька Шумихин и толстощекие неповоротливые братья Козловы — Глебка и Валентин. Они очень похожи, но Валентин отличается более высоким ростом и глупостью.

Сережка-Шуруп крутился перед ним и что-то рассказывал писклявым своим голосом. Шурупа слушали, и сначала никто не увидел Уголька.

Немного в стороне от компании шагал Витька-Мушкетер. Он не обращал внимания на Шурупа, потому что презирал его. Уголька он тоже не заметил. Тонкой сосновой шпагой, изящно выгибая талию, Витька рубил головы ромашкам. Эти ромашки цвели у тротуара. Ветер принес семена из леса, и они проросли у асфальта. Не думали, что погибнут от клинка легкомысленного Мушкетера.

Лишь одну ромашку пощадил — самую большую, приютившую на себе черно-золотистую пчелу. Узкий клинок вздрогнул и замер у самого стебля. И уткнулся в траву. Витька-Мушкетер вздохнул и поднял задумчивые глаза.

И он заметил Уголька.

— О-о, — сказал Витька. — Взгляните, почтенные дамы и господа.

«Дамы и господа» тоже увидели Уголька. Братья Козловы радостно завопили. Шуруп завертелся вокруг оси. Митька замотал своим казацким черным чубом и сделал вид, что боится Вьюна.

— Тише, — сказал Митька. — Оно кусается...

После этого они двинулись навстречу Угольку. И ничего хорошего такая встреча не обещала. Мушкетер еще помнил «верблюда», Митька вообще любил дразниться, братья Козловы были с ним за компанию. А Шуруп всегда был за тех, кого больше — на всякий случай.

Уголек стоял. Сзади была открытая дверь, но он стоял, потому что бежать ему мешала гордость. А может быть, это была не гордость, Уголек и сам не знал. Если бы за ним гнались, кричали, свистели, он бы, конечно, удирал без оглядки. Но мальчишки подходили медленно. Они ухмылялись. Будто испытывали нервы Уголька. И он не двигался, стоял, прикусив губу.

— Я ведь к вам не лезу, — сказал наконец Уголек.

— Пусть он прыгнет через огненное кольцо, — потребовал Митька и показал концом ботинка на Вьюна. Вьюн сидел, лениво щуря желтые глаза. Ему было все равно.

— А где мы кольцо-то возьмем? — спросил глупый Валентин.

Витька-Мушкетер вытянул шпагу и пощекотал ею кошачьи усы. Вьюн сморщился и зевнул. Это всем, кроме Уголька, понравилось. Витька повторил опыт. Вьюн вдруг размахнулся и трахнул лапой по шпаге.

— Презренный, — холодно сказал Мушкетер. — Ты оскорбил священный клинок. Ты умрешь.

— Они умрут оба, — решил Митька. — Взять их!

— Взять их! — завертелся Шуруп.

Братья Козловы с сопением потянулись к Угольку. Он отступил на крыльцо, а потом в дверь. Братья не отвязывались, и Уголек прошел спиной вперед весь коридор. Он отступал молча и думал, что все равно поймают. Завернут назад руки, дадут в лоб пару шалабанов. Это ничего, но Вьюна жалко. Начнут сами «дрессировать» кота — замучают. Он хоть и дурак, а все-таки...

Уголек пятился и забыл, что сзади есть ступенька. Он сорвался с крыльца. На ногах удержался, только пришлось пробежать задом наперед несколько шагов.

А когда он остановился, — случилось неожиданное.

Уголек увидел, что стоит ~~между~~ двух мальчишек, одетых в одинаковые белые рубашки и сатиновые трусы. Но сами мальчишки были неодинаковые. Тот, что стоял слева, был ~~высокий~~, даже повыше Мушкетера, и красивый. То есть, может быть, и некрасивый, но Угольку понравился, лицо понравилось и ~~волосы~~ — густые такие, светлые и курчавые, прямо целая шапка. А ~~справа~~ стоял мальчишка весь какой-то круглый. Толстоватый, низенький, голова стриженная, и уши торчком.

Они враз устались на Уголька.

— Держите его! — заорали с крыльца братья Козловы, Митька Шумихин и Шуруп. Незнакомые мальчишки враз положили ладони на плечи Уголька.

— Держим, — весело сказал старший. Уголек не двигался. Ясно, что попался. Эх, была бы настоящая собака!

— Толик, а зачем держать? — вдруг спросил круглый.

— Зачем держать? — спросил Толик у Митьки. Митька прищурился, разглядывая незнакомцев.

— Надо, — ~~сказал~~ он, — вот и держите.

Круглый мальчик снял с плеча Уголька ладонь и поглядел на Вьюна. Вьюн сидел с безразличной мордой.

— Киса, — осторожно сказал круглый и погладил Вьюна. Кот неожиданно выгнул спину и ласково муркнул. Мальчишка взял его на руки и почесал за ухом. Вьюн потерся щекой о белую рубашку. Наконец-то с ним обращались не как с собакой.

Уголек удивился. Разве не удивительно? То поймали, а то ласкают его кота. А дальше что? Он по очереди смотрел то в одну, то в другое лицо. Но высокий Толик разглядывал Митьку, а его круглый приятель гладил Вьюна.

— Дай-ка нам кошку, — велел Митька.

— Это их кошка? — удивился круглый.

— Мой кот, — сказал Уголек. — Правда, мой.

— Это его кот,— объяснил Митьке Толик.

Митька через плечо глянул на свою армию. Потом поинтересовался:

— А если по зубам?

— А если обратно? — улыбнулся Толик.

Круглый мальчик отпустил кота. Митька сказал:

— Мушкетер, дай саблю.

Но Витька не дал: благородное оружие — не для уличных потасовок. Он прислонил шпагу к стенке.

— Дать им? — хором спросили братья Козловы.

— Дать им! — завертелся Шуруп.

— Дать или не дать... — задумчиво произнес Мушкетер и скрестил руки.

— Вы откуда? — хмуро поинтересовался Митька. — Откуда два таких?..

— А что?

— А у нас закон: кто нахальный, того все сразу бьют, без правил.

— Получается?

— Щас покажем.

Братья Козловы с готовностью за- сопели.

Уголек рывком снял с Вьюна ошейник. Уноси ноги, Вьюн! Сейчас здесь будет веселая жизнь! Отчаянная смелость зазвенела в Уголке: он был не один. И он до конца будет защищать новых друзей.

— Славка, — сказал Толик, — позови тетушку.

Круглый Славка сложил рупором ладони. Ну и голос! Угольку почудилось, что в доме дрогнули стекла.

— Тетка, к бою!!

Прошла секунда изумленного молчания. Потом вторая. Когда кончалась третья, в первом подъезде раздался drobный грохот и вырвалось что-то непонятное — зеленое и голубое.

Оно ударило Митьку в живот. Митька прижал к желудку ладони и стал медленно сгибаться, будто простреленный навывлет. Глаза у него таращились, а рот беззвучно открывался и закрывался. В это время братья Козловы, с большой силой трахнутые друг о друга лбами, безуспешно пытались понять, что случилось. Шуруп лежал на земле и верещал на всякий случай. Ему не попало, он успел упасть заранее. Уголек, сбитый на асфальт, покатился под ноги Толику. Мушкетер стоял рядом с дверью на цыпочках и не шевелился, будто его приклеили.

Тут шум затих, и Уголек понял, что никакой тетюшки нет. Была девчонка. Ростом с мушкетера, в зеленой кофточке и синей юбке. У нее были толстые, как у негра, губы, румяные щеки и отчаянные глаза. А еще были косы, торчащие вверх от затылка и загнутые, как рога на шлеме викинга.

Уголек сел.

— Совершенно бестолковая ты, Тетка, — сказал Славка, — его-то за что?

Толик молча поставил Уголька и отряхнул.

— И вообще! — возмутился Славка. — Всегда одна. А мы тоже хотели...

Митька наконец распрямился и сипло пообещал:

— Встретимся еще.

На него не смотрели. А чего на него теперь смотреть? Сгибаясь, он ушел. Ушли за ним, потирая лбы, братья Козловы. Исчез Шуруп. Только Витька-Мушкетер не исчез. Он зацепился штанами за гвоздь, когда тетка мимоходом шарахнула его. И отцепиться не мог. Рвать штаны Витька не хотел и с философским спокойствием ждал решения своей судьбы.

Толик подошел и отцепил Мушкетера.

— Благодарю, — сказал Мушкетер.

Высокий красивый Толик промолчал.
— Ну, я пойду,— вздохнул Мушкетер.
— Ну, иди.

Уголек спросил у Толика:
— Вы сюда к кому пришли?
И Толик сказал:
— Жить.
— В шестую квартиру? — догадался Уголек. — Там раньше полковник Карпов жил.
— Вот это да! Полковник... — удивился круглый Славка. — А ты кто?
— Я? Просто... Борька. Угольков.
— Толик, — сказал Толька и протянул тонкую ладонь, — Селиванов.
Уголек нерешительно подержал пальцы Толика. Он впервые здоровался за руку.

Славка тоже сказал:
— Селиванов. Славка.
Второе рукопожатие получилось лучше.
— Селиванова, — буркнула Тетка и дала Угольку руку, украшенную боевой ссадиной. — Пока. У меня дела.

Уголек смущенно поглядел вслед.
— А чего у нее... имя какое-то не такое. Так Каштанку звали, когда она у Дурова жила. Тетка...
— А это и не имя, — объяснил Толик. — Она в самом деле наша тетка. Папина сестра. Вообще ее Надеждой зовут.

Славка спросил:
— А почему у тебя кот на цепочке? Дрессированный?
Это были друзья, Уголек сразу понял. Понял, что смеяться не станут. Они сели на крыльцо, и Уголек рассказал все. И про веселого пса Балалаю, у которого хозяин с деревяжкой вместо ноги. И про дрессировку Вьюна. Вьун хороший. Но он все-таки кот, а не настоящая собака. На цепочке его водить неудобно. И мальчишки смеются.

— Мне бы щенка, — сказал Уголек. — Чтобы с детства его воспитывать. Собаку обязательно надо воспитывать с детства. Только где ее взять? Утром бегал тут один щенок, да и тот...

И Уголек рассказал про щенка, которого нарисовал Вовка.

— Не мог уж поймать,— снова обиделся он на Вовку.— Все равно он, наверно, беспризорный. Здесь таких щенков нет, я же знаю. И без ошейника он.

Угольку стало грустно. И чтобы утешить его, Толик сказал:

— Может, врет он, твой художник.

И Славка добавил:

— Может, не было щенка совсем...

НО БЕЛЫЙ ЩЕНОК БЫЛ

Он и сам не помнил, откуда взялся. Помнил только нагретый солнцем деревянный пол, который немного качался. С одной стороны пол ограживала железная сетка, и на ней висели большие красно-белые кольца. Внизу за сеткой плескалась вода. Много воды. А с другой стороны тянулась белая стена с окнами.

А еще он помнил дом на колесах, длинный коридор и кругом полки, а на полках люди. Пол в коридоре все время дрожал, и под ним что-то стучало. Щенок сначала боялся, а потом привык.

Он привык, потому что его успокоили Руки. Это были большие и добрые Руки. Щенок помнил их с тех пор, как помнил себя. Он узнавал их сразу: Руки пахли дымом, смолой, рыбой и маслом, которым мажут ружье. Щенок знал ружье. Он его побаивался, хотя и скрывал это. Ружье умело грохотать так, что земля подпрыгивала, а в ушах долго звенело.

Но сейчас ружье спало в узком черном чемодане. Оно ехало рядом с пузатым зеленым мешком, в котором лежало мясо и сухая рыба. Иногда Руки давали мясо и рыбу щенку. Потом Руки гладили щенка, играли с ним, ласково ерошили шерсть на загривке. Играя, он мягко хватал Руки губами.

Однажды Руки сняли с него ошейник с цепочкой, пустили побегать. Щенок побегал и лег под лавкой. Но мимо проплыла большая корзина, и она пахла мясом. Щенок тихо пошел за корзиной. Открылась дверь, ударил ветер, и щенок попятился. Но корзина пахла мясом, и он пошел за корзиной туда, где сильно гремело.

Корзина опустилась на пол. Рядом с ней остановились две ноги в сапогах, но сапоги щенка не интересовали. Он ткнул носом корзину.

И тогда один сапог страшно ударил щенка в живот.

Навстречу помчалась зеленая земля, и в уши набился воздух. Потом стало темно.

Долго было темно. Когда щенок открыл глаза, у него болели лапы и голова. Он заскулил и стал ждать, когда Руки поднимут его. Но Рук не было. Кругом только тихо качалась трава. Щенок поскреб лапами землю и встал. Он хотел пить и есть. Впереди виднелись дома. Они казались очень маленькими. Щенок уже понимал, что такое дома. Он пошел к ним сквозь густую пахучую траву.

Он шел долго и оказался в городе, когда солнце спряталось за домами.

СОЛНЦЕ И НЕ НАДО УБИВАТЬ МАМОНТОВ

У сосен мохнатые зеленые лапы. Они закрывают небо. Только отдельные клочки неба можно увидеть сквозь ветки. Зато эти клочки синие-синие, в них гораздо больше синевы, чем в целом небосводе.

Солнце в лесу тоже особенное. Оно висит, запутавшись в вершинах сосен, и похоже на большую золотую звезду с тысячью лучей. Лучи прорежают темный зеленоватый воздух леса. Каждый луч что-нибудь находит для себя. Один зажег искры в желтых каплях смолы на оранжевой коре дерева, другой сквозь черный глазок влетел в дупло — прямо в беличью квартиру — и светлым пятном улегся на рыжую спину хозяйки. А еще один луч отыскал на земле удивительный лист какого-то растения. Уже август, и этот листок, услышав о недалекой осени, поспешил сделаться красно-желтым. Он пятиконечный и похож на яркую морскую звезду. Много деревьев с каплями смолы и гнездами лесных жителей. Много цветных листьев. Много маленьких чудес. Уголек умеет находить их не хуже солнечных лучей.

— Пошли,— сказал он друзьям.

Братья Селивановы и Тетка быстро подружились с лесом. Они примолкли сначала, когда сосны окружили их и сделался слышным ровный и негромкий шум. Но Уголек сказал:

— Это ветер вверху.

Толик посмотрел на вершины деревьев, оглянулся и предложил весело и громко:

— Давайте охотиться на мамонтов!

— На мамонтов! — отчетливо сказало на просеке эхо, и все мамонты в лесу, наверное, сразу узнали про опасность.

Отчаянная Тетка сверкнула глазами, почти такими же черными, как глаза Уголька.

— Мы будем племенем охотников за бивнями.

Они смастерили оружие. Взяли палки, расщепили их Славкиным ножом и в развилку вставили длинные узкие камни. Камней и палок много на склонах лесистых гор.

Камни крест-накрест прикрутили к рукояткам проволокой, которая нашлась в Славкиных карманах. Получились топоры, как у настоящих первобытных людей.

Только Витька-Мушкетер отказался от топора.

Витька тоже был здесь. Великодушные Толика Селиванова покорило благородную мушкетерскую натуру. Через полчаса после нападения Тетки Мушкетер обругал Митьку и Козловых гнилыми кочанами и мимоходом, не теряя достоинства, помирился с Угольком и Вьюном.

Участвовать в охоте на мамонтов Мушкетер согласился, но только отказался сменить шпагу на топор. Это было не по правилам, но Толик сказал:

— Пусть. Это будет самая первобытная шпага.

Угольку топор сделал Толик. Сам Уголек не умел. Зато он знал, где пасутся мамонты.

Уголек шел впереди. Он руками и коленями раздвигал высокий влажный папоротник, и кругом колыхались листья. Они медленно качались, большие кружевные листья, и на них из-за сосен падали пятна солнца. Многие листья уже стали желтыми.

— Правда, они похожи на перья Жар-птицы? — сказал Толику Уголек.

— Или на перья желтого страуса, — ответил Толик.

— Такие разве бывают?

— Не знаю.

— А разве бывают Жар-птицы? — удивился круглый Славка. Он всегда удивлялся и всегда спрашивал.

— Бывают Жар-птицы, — серьезно сказал Толик. А Витька-Мушкетер сорвал одно такое перо и украсил им свою кепку.

— Чучело, — хмыкнула Тетка.

— О, сеньорита, — сокрушенно протянул Мушкетер.

— Олух, — сказала тогда сеньорита. — Как дам! Пообзывайся еще...

Мушкетер как-то сник. Он стал отставать и скоро оказался совсем рядом с Теткой, которая шла позади всех.

— Ты чего? — тихо спросил Мушкетер. — Я могу еще один лист сорвать... тебе.

Тетка с презрением мотнула загнутыми косами.

— Ну и наплевать, — изящно выразился Мушкетер. Тетка насупилась... Мушкетер сорвал самый большой и самый золотой лист. Молча показал Тетке. Она косо взглянула на Витьку.

— Ну, давай...

И никто не заметил, когда в черных волосах отчаянной девчонки появилось яркое перо Жар-птицы.

Уголек вывел охотников к поляне, где из травы поднимали свои круглые спины валуны-слонята.

Это были маленькие слонята, а не мамонты, и в душе Уголька шевельнулась жалость. Он лежал в молодом колючем сосняке рядом с Толиком и жалел слонят, будто они были живые, а не из камня. Он всегда так играл — забывал, что в игре не все настоящее. А сейчас Уголек привел охотников к поляне, где паслись знакомые слоновьи детеныши, и его слегка мучила совесть.

И когда охотники вскочили и бросили камни, и хотели добить топорами загнанных в ловушку зверей, Уголек выбежал на поляну. Он выбежал и крикнул, подняв свой топор:

— Стойте! Не надо убивать мамонтов!

Все остановились и замолчали, и только удивленно покачивали головами сосны. Толик опустил свое оружие. Он был вождем племени. Его выбрали вождем, потому что он все время что-нибудь придумывал. Это он умел. Кроме того, Толик был самый старший. Мушкетеру, правда,

тоже исполнилось двенадцать, но его не сделали вождем. Тетка сказала, что он оболтус.

Толик опустил топор, и другие охотники тоже опустили топоры. Даже Тетка.

— Почему не надо убивать мамонтов? — удивился Славка.

— Почему не надо? — подумав, спросил Уголька вождь охотников.

— Можно приручить их, — сказал Уголек. — Они сильные, они будут помогать нам... Это добрые звери...

Он стоял с опущенным топором среди больших круглых камней, и Толику вдруг показалось, что камни сейчас оживут. Шевельнутся и поднимутся на толстых ногах, вскинут хоботы и выставят желтые кривые бивни... И по приказу Уголька встанут на дыбы. Все разом.

Толик подошел к Угольку, а охотники остались у края поляны.

— А если мамонты растопчут тебя? — тихо спросил вождь. Уголек поднял на него черные задумчивые глазищи.

— Не растопчут. Звери меня не трогают. Я их люблю.

Он только не сказал, что больше всех зверей любит собак.

— Ты мог бы стать укротителем, — раздумывая, произнес Толик. — Правда, мог бы.

— Зачем?

— В цирке.

— В каком цирке? — удивился Уголек, потому что знал, что мальчишек не берут в укротители. Но Толик уже придумал.

— В нашем, — сказал он. — Сами устроим цирк. Ведь идея?

Если бы знал Уголек, сколько неприятностей случится из-за этой идеи! Но про неприятности потом...

ПОХИЩЕНИЕ БЕРТЫ. ИНОГДА ХОЧЕТСЯ БЫТЬ ОТКРОВЕННЫМ

— А как же охота? Эй вы, дрессировщики! — начала злиться Тетка. Ей не терпелось испробовать в деле настоящий каменный топор.

— Я знаю, где живет старый мамонт. Он злой, — сказал Уголек.

Он повел охотников к вывороченному пню. Самый большой корень этого пня был похож на хобот, а два корня по бокам торчали, как острые бивни.

Шли гуськом, и сзади всех шагал Витька-Мушкетер. Он собирал букет из ярких листьев папоротника. Витька забыл, что через час желтые перья увянут и свернутся в сухие коричневые трубочки.

Но охотники не дошли до старого мамонта. Недалеко от дома, где кончается хвойный лес и шелестит невысокий березняк, они услышали противное бление.

— Берта,— определил Уголек.— Курьянова коза.

Братья Селивановы и Тетка уже знали про Курилыча. Они выразили сожаление, что козу почтенного пенсионера нельзя тут же пустить на похлебку.

— Вся в хозяина, ведьма, — пожаловался Уголек. — Бодается, как бешеная.

— Тетка, оставь топор,— строго сказал Толик.— Это все-таки не дикая коза.

Но если топоры охотников не грозили гнусной козе Курилыча, то ее поджидала другая неприятность: Витька-Мушкетер со зловещей медлительностью вытягивал из-за ремня шпагу. У него с козой были особые счеты.

Мягким шагом Витька двинулся туда, где раздавалось бление...

И вдруг послышался Витькин призывный свист.

— Тихо,— зашептал Мушкетер, когда все залегли рядом.— Смотрите, что делает, гад.

Среди тонких березок гулял Курилыч. Он гулял в синей рубашке навыпуск, брюках галифе и тапочках. Из-под брюк торчали белые завязки кальсон. Круглое брюхо медленно колыхалось под рубашкой. Остатки шевелюры и розовую лысину Курилыч защитил газетным коллапом.

— Что он делает здесь? — удивился Славка.

— Что? — дернул Толик Мушкетера за штанину.

— Не видите?

Курилыч подошел к березке и зажал в большом волосатом кулаке вздрогнувшую ветку. Он стал откручивать ее. Старательно, не торопясь. Лежа в кустах, ребята видели, как трепетали мелкие листья, лопалась тонкая кожица коры и перекручивались белые волокна. Потом Курилыч рванул ветку, и она оторвалась, потянув за собой кору узким ремешком...

Толик даже вздрогнул. А может быть, это лишь показалось. Но он тихо и медленно сказал:

— У нас бы за это просто убили.

— Где? — прошептал Уголек.

— В степи... У нас там три тополька прижились, так за ними знаешь как ухаживали... Один пьяный дурак машиной тополек зацепил и сломал. Знаешь что с ним за это сделали? Со строительства прогнали.

— Уволили? — шепотом спросил Уголек.

— Наверно, уволили потом. А сперва просто его чемодан папка наш в самосвал кинул — и катись на все четыре...

— А если бы не покатылся?

— Он покатылся. Если папа скажет, значит, точка.

— Он у вас сильный, наверно, — сказал Уголек. С уважением сказал, но без зависти. А чего ему завидовать? У него самого отец такой, что лучше не найти.

— Сильный? — переспросил Толик. — Ну... да. Ну и что? Ты думаешь, он драться стал бы? Он не руками сильный. Просто справедливый.

— Тише вы, — прошипел Славка. — Смотрите, он всю верхушку открутил.

Во время короткого разговора Уголек перестал следить за Курилычем. А за эти полминуты Курилыч согнул и обезглавил тонкую аккуратную березку. Теперь она стояла жалкая, некрасивая. Протянула куда-то наугад оставшиеся длинные ветки, как человек протягивает руки, если внезапно ослепнет.

Тетка сжала зубы, и ноздри у нее вздрагивали.

— Целую кучу веток наломал, — удивился Славка. — Жрать, что ли, будет?

— Видишь, веники вяжет, — объяснил Уголек. — У него в огороде баня своя. Париться будет.

— Давайте все выскочим и заорем, — предложила Тетка. — Он убежит. Вредители всегда трусливые.

— А потом опять придет, — сказал Толик.

Уголек решил:

— Надо Сереже рассказать. Есть такой милиционер. Лейтенант.

Мушкетер задумчиво покусывал травинку, вспоминая одну умную фразу из рыцарского романа.

— Черная злоба опутала ваши сердца,— наконец сокрушенно сказал он.— И нет в них милосердия... Пусть парится человек, жалко вам, да? Пусть парится. Только надо в каждый веник добавить несколько веток боярки.

Боярка — это кусты боярышника, растущие на склоне у камней. Шагах в сорока. Шипы у боярки длиной в палец Уголька, острые и крепкие, как сталь. Говорят, их можно использовать вместо граммофонных иголок. Если такие шипы да в веник...

— А как? — прошептал Толик и показал на Курилыча, который трудился над четвертым веником.

— Он уйдет, — с демонической улыбкой произнес Мушкетер. Передав Тетке свою шпагу, он скользнул туда, где рогатая Берта объедала с березок листья.

Через минуту в отдалении раздался вопль козы. Это было даже не блеяние, а какой-то козлиный вой, полный невыразимой тоски и безнадёжного ужаса.

Курилыч заволновался. Он бросил веник и, раздвигая животом ветки, тяжело двинулся в направлении ужасных звуков. Звуки удалялись. Курилыч надал ходу. Затрещали сучья.

— Бежим за бояркой, — крикнул Уголек.

Через несколько минут Тетка цепкими пальцами развязывала веники, а остальные маскировали в березовых листьях ветки с шипами.

— А вот если он нас поймает...— сквозь зубы сказал Славка. Он перетягивал веник шпагатом и даже вспотел от усердия.— Если он нас поймает...

— Пусть,— сказала отважная Тетка и придвинула топор.— Пусть он поймает. Браконьерская рожа...

Они торопились. И Уголек очень испугался, когда в кустах послышались шаги. Но это был не Курилыч, а Витька. Он сел на

траву и усталым взглядом скользнул по веникам.

— Готово?

— Уходим, — командовал Толик.

— Не торопитесь, он вернется не скоро, — сказал Мушкетер. — Ему еще надо лезть на дерево. Оно высокое.

Славка удивленно захлопал глазами.

— Зачем Курилыч полезет на дерево?

— Зачем на дерево? — спросил Толик.

— За козой, — скромно сказал Мушкетер.

Уголек от восторга лег на спину и взбрыкнул ногами. Славка согнулся от беззвучного хохота и сел. Он сел

на веники и тут же с воем вскочил. Тетка поправила в волосах желтый лист папоротника и подарила Мушкетеру восхищенный взгляд.

— Руку! — сказал Толик, и они с Витькой обменялись железным рукопожатием.

— А Курилыч все равно будет ломать, — заявил упрямый Уголек. — Я Курилыча знаю. Надо сказать Сереже. А то Курилыч все березы изведет. Для него они, что ли, растут?

— Мы сами можем караулить, — решил Толик. — Мы патруль организуем! Идея?

Это была вторая идея Толика. В отличие от первой, она потом помогла Угольку избавиться от многих несчастий.

В этот день больше не играли в охотников. Да и не было уже дня. Солнце скатилось за сосны, и в воздухе стала растекаться фиолетовая краска. И снизу, со двора, все чаще слышались примерно такие возгласы:

— Бори-иска! Марш домой!

— Толя-а! Надя-а!

— Витька! Долго я **орать** буду! Ну, приходи только!

Тетка, Славка и Мушкетер спустились домой.

— Подождем чуть-чуть, — попросил Толик Уголька.

Стало темнее, и розовый месяц над черными соснами посветлел, сделался желтым. А внизу до самого горизонта рассыпались огни: квадратики окон, звезды фонарей...

— Мы жили в степи, — тихо сказал Толик, — папка работал там. Канал рыли. В палатках жили да в вагончиках. И школа была в вагончике. А кругом ровная степь. Ни города, ни леса...

— Только те три тополька, да?

— Два. Третий погиб.

— А мама у тебя кто?

— Врач. У нас в палатке медпункт был.

— А у меня отец капитан, — сказал Уголек. — Самоходку водит.

Он хотел сказать ему многое. О папиной смелости, о его долгих рейсах. О том шторме в устье Иртыша, когда папа хотел уже выбрасывать груженную кирпичом баржу на берег, чтобы не перевернуло. О шраме на подбородке — это память о том случае, когда папина самоходка, уходя от столкновения с дряхлым пассажирским пароходиком, врезалась в песчаную косу. О просторах нижней Оби, где летом не бывает ночей и, как в море, не видно берегов. О долгих переходах по обмелевшим фарватерам извилистых маленьких рек, когда капитан никому не может доверить штурвал... Но об этом Уголек не стал рассказывать. Может быть, потому, что сам он ни разу не плавал на отцовском транспорте и на других судах тоже не плавал. И подвигов никаких не совершал — не то, что Толик, который вместе с отцом жил в голой степи и учился в школе-вагончике... А может быть, Уголек просто не нашел подходящих слов. И сказал другое:

— Только летом он дома не бывает. Здесь реки нет подходящей. Мы с мамой ждем его все лето. Я поэтому люблю осень... Ты любишь осень?

— Хороший ты, Уголек, — задумчиво сказал Толик.

Уголек растерялся в первую секунду. Он почувствовал на плече тонкую ладонь Толика, и ему стало радостно. Будто с головой накрыла его теплая веселая волна.

— Почему? — прошептал он.

— Так...

Уголек взглянул на Толика, но было уже темно.

— Не такой уж я хороший, — сказал Уголек серьезно и доверчиво. Ему вдруг захотелось быть очень откровенным. Он почувствовал, что с Толиком начинается дружба. — Вот ты не знаешь. А я боюсь... когда темно.

— Почему? — спросил Толик. Он не удивился. Спросил даже немного рассеянно.

— Сам не понимаю. Хорошо, когда светло. А вот сейчас я бы здесь ни за что не остался. Без тебя...

Он вдруг испугался: Толик мог засмеяться. И как тогда Уголек объяснит? Ведь он не трус. Он не бегал от Митьки Шумихина и глупых братьев Козловых, он не боялся драк. Это он догадался заложить во французский замок Курилыча бумажные пистоны. И он мог подойти к любому свирепому псу...

Толик молчал.

— Я не знаю, — прошептал Уголек. — Может, это пройдет? Вот доучусь, как ты, до пятого класса, и пройдет. А?

— Пройдет, — сказал Толик.

— Мне бы собаку достать хорошую, — вздохнул Уголек. — С ней нигде не страшно.

Словно услышав его, где-то внизу загремел цепью и загавкал чей-то пес. И его поддержали собаки из соседних дворов.

— На месяц твякают, — засмеялся Толик.

— А зачем?

— Наверно, на щенка. Кто их знает.

— На какого щенка? — встревожился Уголек.

— Который на луне. Разве не видно? Смотри сам.

На светлой половине луны и вправду темнела фигурка щенка. Он сидел, свесив на бок голову, и, наверно, с грустью разглядывал землю.

— Ищет хозяина, — сказал Толик. — Правда?

— Это же темнеют лунные долины, — вздохнул Уголек. — Горы светлые, а равнины в тени. А щенок только кажется.

— Ну и что? Собаки этого не знают.

Уголек подумал про белого щенка. Если он ничей, то ему сейчас очень грустно. Может быть, он тоже боится темноты и для храбрости лает на желтую половину луны...

Но месяц не хотел, чтобы на него лаяли. Он рассердился и нырнул головой в ближайшее облако.

ЩЕНОК НАХОДИТ ДОМ

— Пош-ш-шел! Ш-шкура! Ш-шпана! — яростно шипел старый взерошенный кот. Он стоял на откинутой крышке мусорного ящика. Спина у кота выгнулась, а глаза так и сыпали зеленые искры.

Щенок не отступал. Он уже три раза прыгал на ящик, три раза получал по носу когтистой лапой и с визгом летел на землю. Но из ящика пахло рыбой, а щенок хотел есть.

На четвертый раз кот не выдержал натиска и перелетел на забор. Он долго шипел и ругался, глядя, как щенок жует селедочные головы.

Голов было много. Кроме того, щенок нашел хлебную корку и почти наелся. Он прыгнул на траву, пролез в дыру под забором и побежал к низкому кирпичному складу.

У задней стены склада возвышалась груда пустых ящиков. Под ящиками было немного стружки, и щенок там устроил свой дом. То есть он, конечно, ничего не устраивал, а просто стал здесь жить.

Щенок отыскал это жилье в тот же вечер, когда пришел в город. Он тащился по окраинной улице, едва передвигая разбитые лапы. Ему не хотелось ни пить, ни есть. Хотелось только упасть и заскулить. Но падать было страшно. Нельзя падать, когда кругом все незнакомое. Страшно рыча и сердито сверкая глазами, прополз тяжелый грузовик. Шли мимо люди, и громко стучали их тяжелые сапоги. Разве тут ляжешь?

У низкого кирпичного дома без окон, среди светлых фанерных ящиков увидел щенок черную дыру и залез туда. Упаковочная стружка, которая высыпалась из ящиков, была мягкой и сухой. Щенок вытянулся, поскулил и заснул.

Сначала этот дом не понравился щенку. Ветер залетал в щели, и дождь ночью громко и страшно барабанил по крыше. Щенок просыпался и дрожал.

Но на следующий вечер щенок снова забрался под ящики: все-таки это была крыша. Под открытым небом щенок спать не умел и боялся.

Потом он привык к своему жилищу. К любому дому привыкнешь, даже к плохому, если он единственный и если долго живешь в нем. А щенок прожил там долго. Сколько дней? Но ведь он не умел считать дни. Только не забудь, что для трехмесячного щенка неделя — все равно, что для тебя год.

Никто не тревожил щенка в его доме. Иногда приходил человек, открывал скрипучие двери склада. Приходила рыжая лошадь и тащила за собой телегу. Человек вытаскивал из склада тяжелые ящики, грузил телегу, и лошадь увозила их. А через некоторое время она привозила их обратно, уже пустые.

С лошадью щенок познакомился, это была добрая старуха. А человека он боялся — на человеке были тяжелые сапоги. И щенок поскорее уползал в свое укрытие, когда слышал стук сапог.

Заведующий складом хватал с телеги пустые ящики и швырял их в

кучу. Куча росла, но внизу, в доме щенка, ничего не менялось. Все так же пахло отсыревшей фанерой и было полутемно. Заведующий складом не берет пустые ящики. Они могли бы еще пригодиться, а вместо этого гнили под дождем и рассыхались на солнце. Но щенок ничего, конечно, не понимал и радовался, что его не трогают.

В общем, он полюбил это место и уходить никуда не собирался. Он даже притащил под ящики обмусоленную кость, которую подарил ему большой и веселый Балалай.

С Балалаем щенок познакомился недавно. Это серый с рыжими клочьями пес. Ноги и хвост у Балалай тонкие и длинные, уши не то стоят, не то висят, а на бегу качаются, словно крылья.

Увидев такое чудовище, бедный щенок опрокинулся на спину и задрал все четыре лапы. Он всегда так делал, чтобы взрослые собаки его не трогали. И собаки не трогали. Балалай тоже не тронул. Обнюхал его и сказал слова, которые на человеческий язык можно перевести примерно так:

— Брось валять дурака, старик. Не маленький. Как звать?

— Не знаю, — робко сказал щенок и сел.

— Ну и глупый же! — удивился Балалай. — Как тебя хозяин зовет?

— Меня никто никак не зовет, — ответил щенок. — Хозяин — это кто?

Балалай удивился еще больше. Он высунул язык и наклонил голову. Одно ухо у него совсем поднялось, а другое совсем повисло и закрыло глаз.

— У тебя нет хозяина?

— Нет, — смутился щенок. Он не знал, хорошо это или плохо, когда нет хозяина.

— Везет парню, — с завистью заметил Балалай. — Вольная жизнь. А кормишься где?

Щенок был рад, что хоть на один вопрос может дать толковый ответ. Он рассказал, что еду находит во дворах, в мусорных ящиках. Научился носом откидывать крышки. Один ящик особенно хорош. Крышка совсем легкая, и еды много. Только вредный серый кот все время ссорится со щенком. Дерется.

— Это Филимон, — сказал Балалай. — Подлая натура. Я его знаю... Прогуляемся, что ли, пока мой живодер меня опять на цепь не посадил?

— Живодер — это кто? — спросил щенок.

— Человек такой. Поймает собаку, шкуру сдерет и сошьет рукавицы. Тявкнуть не успеешь. А вообще-то я так хозяина зову. Хозяин не лучше живодера.

— Он в сапогах? — спросил щенок и даже зажмурился от страха.

— Конечно. Только у моего хозяина один сапог. Вместо другого деревяшка. Еще хуже, если деревяшкой попадет. Ну да я, ничего, живу!

Балалай был жизнерадостным псом. И хоть он совсем взрослый, перед щенком не задибался и зубов не показывал.

Они повалялись в траве, потаскали друг друга за шиворот, побегали по улицам, заглянули во двор, где стоял ящик с легкой крышкой, нашли большую кость. Повстречался им кот Филимон и сохранил об этой встрече самые горестные воспоминания.

Но потом Балалай стал грустным.

— Пора мне. Наверно, будет вздрючка. Я ведь с цепи сам сорвался... А кость ты забирай. Я еще достану.

— Зачем ты идешь к хозяину? — сказал щенок. — Там плохо. Живи один. Или давай жить вместе.

Балалай поскреб задней лапой за ухом и грустно вздохнул:

— Не умею я. Не привык жить без человека. Ты привык, ты счастливый. Ну, бывай...

После этого щенок не видел Балалаю и скучал. Другие собаки не подпускали щенка, рычали;

— Пр-рочь, шантр-рапа!

А люди не обращали на него внимания. Кто посмотрит на тощего грязного щенка? Ребра торчат, белая шерсть на груди скаталась и висит грязными сосульками...

Иногда щенок вдруг пускался бежать за каким-нибудь человеком, если только на человеке не было сапог. Бежал просто так, сам не понимал, зачем. Хотелось, чтобы человек его позвал.

А если позовет, что будет потом? Становилось страшно. Вдруг это окажется Хозяин — страшный злодей. Лучше всего вернуться под ящики.

Щенок забрался в свой дом и закрыл глаза. Тогда к нему подкрались Воспоминания.

Ты удивляешься: какие могут быть у щенка Воспоминания? Бывают.

Он вспомнил Руки. Человека щенок вспомнить не мог, а Руки его помнил. Щенок закрывал глаза, и ему казалось, что Руки совсем близко. Они пахнут смолой, рыбой и ружейным маслом. Они трогают шерсть. Вот они пощекотали затылок, весело взъерошили загривок, пригладили спину... Щенок от удовольствия прижимал уши и вытягивался на стружке.

Иногда ему даже казалось, что он видит Руки. Большие, коричневые, с голубыми жилками и почерневшим разрезанным ногтем на большом пальце. Тяжелый нож ударил однажды по пальцу, когда Руки отрезали мясо для щенка, и оставил этот след... А может быть, и сейчас Руки кормят щенка? Нет, они уже исчезли. Но все равно щенок доволен. Руки успокоили его, и он заснул.

Проснулся щенок от жажды. Селедочные головы были солеными, и от них пересохло горло. Щенок знал, где есть вода. Надо было до конца пробежать улицу, а потом еще одну — вверх, почти до леса. Там есть розовый дом и зеленый забор с калиткой. У калитки блестит большая лужа. Она осталась после дождя. Раньше были и другие лужи, но они высохли, и сохранилась только эта — самая широкая и самая дальняя. Щенок один раз уже пил там.

БОЛЬШИЕ ПЛАНЫ, БОЛЬШИЕ САПОГИ И БОЛЬШИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Цирк устроили у пустого сарайчика, где во время ремонта помещалась прорабская. Сначала Толик начертил на земле круг. Потом все обкладывали этот круг обломками кирпича. Их отдала артистам веселая комендантша дома тетя Клава. За это она потребовала билет на представление.

Витька-Мушкетер притащил ведро с песком. Он тащил его с другого конца улицы, где строилось общежитие химкомбината. Ведро было тяжелое, но Витька шел быстро и все время оглядывался.

— Выпросил наконец! — обрадовался Славка. Он был цирковым завхозом.

— Выпросишь там, — сказал Мушкетер. Брякнул на землю ведро и, обессиленный, брякнулся рядом. Мушкетера отнесли в сторону, а песок разровняли внутри круга. Получилась арена.

Потом Славка притащил старое одеяло и повесил на дверь сарая. Тетка пришила к одеялу вырезанного из бумаги разноцветного клоуна. Таким образом был готов парадный выход для артистов.

Программу обсуждали с утра до вечера. Наконец решили, что братья Селивановы покажут акробатический этюд, а затем проведут на арене показательную встречу по классической борьбе. Тетка сказала, что продемонстрирует искусство фигурной езды на велосипеде.

— Не пойдет, — возразил Толик. — Места мало.

Тетка предложила другой номер: пройти по канату над головами зрителей.

— У нас хорошая веревка есть, — вспомнил Уголек. — Она все равно каждый день теряется. Принести?

— Зрителей жалко, — вздохнул Славка.

Тогда Тетка решила прочитать с выражением басню о пьяном зайце. Витьке предложили стать фокусником. Толик спросил:

— Шпагу свою можешь проглотить?

— Не жуя?

— Искусство требует жертв, — сказал Толик.

Мушкетер подумал и заявил, что лучше станет клоуном. Но из клоунов его скоро прогнали: эта роль была явно не для возвышенной натуры Мушкетера. Тогда он стал жонглером и на первой же репетиции с успехом превратил в осколки три стакана и фарфоровый чайник.

Таким образом, все шло отлично...

Стой, скажешь ты, что же отличного? Какой-то акробатический этюд, басня про пьяного зайца да еще немного такой же ерунды? И это цирк? Подожди. Готовился коронный номер. Он-то и был настоящим искусством. Он-то и требовал жертв...

Первой жертвой стал оранжевый петух Курилыча, носивший пышное имя Георгин. Он был красив и безнадежно глуп даже с куриной точки зрения. Кроме того, как все красивые дураки, Георгин был самоуверен.

Это и стало причиной его несчастья. Заметив с забора, как девчонка с черными косами приглашает его угоститься хлебными крошками, Георгин возомнил, что покори́л сердце незнакомки.

Он шумно спланировал на чужую территорию, снисходительно прокудахтал приветствие и направился к угощению. Увы! Он попал в сети вероломства и жестокости. Три пары цепких рук ухватили Георгина за крылья, и куриный рыцарь в ту же секунду лишился лучшей половины блистательного хвоста.

Когда истощно орущий Георгин был переброшен в свой огород, завхоз Славка любовно расправил атласные перья.

Тетка принесла довольно потрепанную соломенную шляпу. Витька прикрепил к ней перья. Он сначала примерил шляпу сам, а потом со вздохом отдал Угольку. Уголька снаряжали для главного номера.

Костюм выдумал, конечно, Витька. Никто не слыхал, чтобы дрессировщики наряжались в мушкетерскую одежду, но это было красиво, и с Витькой согласились.

Только одной шляпы мало. Нужен был плащ. И Уголек пошел на отчаянный риск. Из нижнего ящика гардероба он извлек нарядную скатерть, тяжелую, всю в черно-золотых узорах. Любитель пышных нарядов знаменитый мушкетер Портос, увидев такой великолепный плащ, потерял бы от тоски аппетит. Но пока терял аппетит Уголек. От тяжелых предчувствий. А вдруг в выходной, когда намечалось представление, мама не уйдет в клуб на репетицию? Вдруг она увидит, в каком прекрасном наряде выступает ее дорогой сын? Конечно, мама любила искусство. Но и скатерть она очень любила...

Чтобы костюм был полный, Славка притащил старые отцовские сапоги. Витька со знанием дела отогнул им голенища. Получились почти мушкетерские отвороты. Сапоги были страшно большими. Когда Уголек влез в них, его ноги сделались похожими на лучинки, торчащие из черных ведер. Но других сапог не было. Славка почесал свою круглую голову и взглянул на Толика. Толик подумал и сказал:

— Сойдет.

А раз Толик сказал, что сойдет, Уголек не спорил.

Наступил день представления. Зрители устроились на стульях вокруг арены. В билетах так и было сказано: «Вход свободный со своими сиденьями».

Впереди сидели малыши. Их много живет в большом трехэтажном доме. До сих пор о них не было сказано ни слова лишь потому, что в поведи они не принимали участия. Народ это не очень сообразительный, и толку от них никакого, один шум.

Но сейчас малыши сидели притихшие и ждали начала, как в настоящем цирке.

За малышами устроились их родители. Кроме того, там был отец братьев Селивановых — очень серьезный, очень загорелый и очень высокий человек.

Перед тем, как сесть среди зрителей, он зашел за «кулисы». Внимательно и без усмешки осмотрел снаряжение артистов, сухими коричневыми пальцами расправил перья Георгина, прилаженные к шляпе Уголька. И спросил мимоходом:

— Готов, дрессировщик?

Почему-то не у своих сыновей спросил, а у него. Уголек поспешно кивнул. Конечно, готов. Правда, от волнения сосет под ложечкой, но про это ведь не станешь говорить. И неожиданно для себя Уголек сказал, искоса глянув на Селиванова:

— А у меня отец — капитан грузового теплохода. Он на Севере.

— Повезло тебе, — заметил Селиванов и пошел на свое место во втором ряду.

Была в числе зрителей и комендантша тетя Клава. А позже всех пришел лейтенант милиции Сережа. Сережу, пользуясь давним знакомством, пригласил Уголек. Он пообещал:

— Ты там такую вещь увидишь! Спасибо говорить будешь.

— Знаю я эти вещи, — усомнился лейтенант милиции. — В Лесном переулке тоже цирк устраивали. Пришлось вызывать пожарную команду, врача и плотника.

— Нам Клава разрешила, — успокоил Уголек. — Она тоже придет, — добавил он между прочим. Услыхав это сообщение, Сережа сделал задумчивое лицо и сказал, что, пожалуй, стоит прийти посмотреть представление...

А пока представление не началось, лейтенант милиции Сережа смотрел на комендантшу, которой было двадцать два года и которую все, кроме малышей, звали просто Клавой. Он смотрел искоса, но так внимательно, будто хотел сосчитать все веснушки на Клавином лице.

Наконец из сарая донеслась музыка. Это играл Толик. Играл на баяне, который почему-то называл «полбаяна». Одеядо с клоуном заколыхалось, и появилась Тетка в желтом платье, густо обсыпанном елочным блеском. С загнутых кос тоже сыпался блеск легкими искрящимися струйками.

Тетка с достоинством подождала, когда стихнет восторженный гвалт малышей, и объявила первый номер.

Полбаяна умолкли, и на арену вырвались братья Селивановы в красных трусиках. Они с разбегу встали на головы и заслужили аплодисменты. Потом братья прошлись по арене колесом и показали еще несколько таких же интересных штук. Малыши начали подвывать от восторга.

Митька, братья Козловы и Шуруп, проникшие в цирк для подрывной деятельности, пробовали свистеть. Но лейтенант Сережа посмотрел на них очень серьезно, а Клава пообещала выставить с музыкой.

Едва Толик и Славка скрылись за одеялом, как снова появилась Тетка, с ватным зайчиком. Она заявила о своем намерении читать басню про пьяного зайца.

Толик взял свои полбаяна и на базах начал изображать за одеялом львиное рычание. Получалось здорово.

- Он все умеет,— с восхищением прошептал Уголек в Славкино ухо.
- Ага,— рассеянно отозвался Славка.
- Хороший у тебя брат...
- Ничего... Только принципиальный очень.
- Как это?
- Ну, упрямый. Хочет, чтобы все были такие же, как он.
- Разве это плохо?— удивился Уголек.
- Как когда...

В сарай вернулась довольная Тетка. Снаружи гремели аплодисменты. Тетка швырнула в угол зайца и велела Мушкетеру готовиться к выходу.

— Собирай свои склянки, Витенька. А потом ваша борьба, акробаты. Не копайтесь!

Но борьбу пришлось пропустить. Из-за Витьки.

Мушкетер успешно жонглировал стаканами и блюдцем. Упало только два стакана, да и те не разбились на песке. Но вот появился Славка. Мушкетер стоял на одной ноге. На другой ноге и на руках у него вращались картонные обручи. Мушкетер покосился на Славку и сказал:

— Алле!

Славка прицелился и размахнулся...

Целился он точно. Он должен был швырнуть пластмассовую чашку, чтобы она красиво наделась на мушкетерскую голову. Но в последний момент Славка не нашел пластмассовую посудину и прихватил тяжелую металлическую миску. Впопыхах Славка не подумал о Витькиной голове.

О ней подумала Тетка. Славка говорил потом, что если бы дело коснулось чьей-нибудь другой головы, Тетка бы не крикнула. Но опасность грозила Мушкетеру. Серебрясь на солнце, тяжелая миска снижалась на голову жонглера.

— Ви-ить! — истошно заорала Тетка. Мушкетер поднял глаза, ловко извернулся и вовремя ушел от гибели. Миска стукнула по ногам пятилетнюю зрительницу Натку Лопухову и мирно легла на траву. Рев Натки и глухой ропот родителей грозили срывом представления. Спасти дело мог лишь неожиданный эффект.

— Марш с манежа, болван, — тихо и зловеще процедила Тетка. Потом Тетка подняла руку, мило улыбнулась и объявила:

— Гвоздь программы! Дрессированные звери. Атракцион «Смерть и воскрешение браконьера»!

Грянули полбаяна. Из-за одеяла появился самый сообразительный из пятилетних жителей — Алешка Маковкин. На Алешке Маковкине был синий бумажный шлем. В руках Алешка сжимал полосатую палку.

Ничуть не тронутый хлопками и криками друзей-зрителей, Алешка встал посреди арены и поднял палку. Полбаяна угрожающе завыли. Одеяло откинулось, и, сверкая нарядом, появился дрессировщик Угольков.

Уголек тянул деревянную тележку. В тележке, сонно щурясь, лежал Вьюн. Регулировщик Алешка Маковкин махнул жезлом. Полбаяна оборвали вой. Уголек дернул за цепочку, и Вьюн сел, подняв передние лапы...

Теперь, пока не поздно, следует рассказать, что должно было случиться дальше.

Регулировщик Алешка обязан был сурово спросить:

— Гражданин Папиросыч! Зачем вам коляска? Разве у вас мало ног? Вьюну полагалось лечь на спину и задрать лапы.

— Четыре ноги! — следовало удивиться Алешке.

Уголек собирался заступиться за Вьюна-Папиросыча, сказать, что это очень больной человек, то есть кот. Трудно ему таскать свой живот по земле.

После этого Вьюн должен был гулять среди прутиков, торчащих из песка, и делать вид, что ломает веники. А потом Вьюну предстояло удирать от милиционера Алешки, прыгать при этом через барьерчики и наконец упасть мертвым. Тетка, одетая врачом, не сможет оживить умершего от страха Папиросыча.

— Папиросыч! Вашу малину ребята едят! — крикнет из сарая Славка своим оглушительным голосом. Тогда Вьюн оживет и, прыгнув сквозь обруч, кинется спасать малинник...

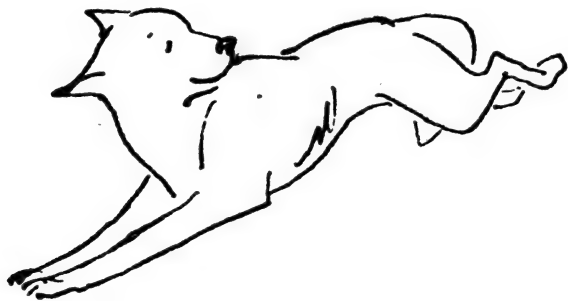
Все зрители, конечно, поймут, о ком идет речь. Поймет и лейтенант милиции Сережа. И тогда для заготовителя веников Курилыча начнется печальная жизнь. Но...

— Гражданин Папиросыч, — скрежеща от усердия зубами, начал Алешка. — Сколько у вас ног?

Но Вьюн не падал и лап не задира. А чего он будет падать, если хозяин не дергает за цепочку?

— Гражданин Папиросыч... — жалобно повторил Алешка и умолк. Цепочка скользнула из пальцев Уголька. Уголек смотрел куда-то вдаль. Он не думал о цепочке. Он не думал о Вьюне, о Курилыче, о лейтенанте Сереже, о цирке. В просвете между зрителей, окружавших арену тремя тесными кольцами, Уголек видел забор и открытую калитку.

У калитки стоял Белый Щенок.

Не будь на Уголке дурацких сапог, и повесть бы кончилась. Но сапоги, тяжелые, как якоря, загрохотали по асфальту. И щенок вздрогнул.

И щенку показалось, что сейчас сапог опять страшно ударит его в живот, и опять навстречу полетит зеленая земля, и воздух набьется в уши.

Щенок мчался вдоль забора, а за ним мчалось что-то пестрое, с оранжевыми перьями на голове, и гремели сапоги. Но гром этот делался тише и закончился шумным всплеском...

Когда Уголек поднялся из лужи, со шляпы, с плаща-скатерти и с рукавов стекали мутные капли.

А щенка не было нигде.

Ну, а раз уж начались несчастья, то они пойдут вереницей.

— Это. Что. Такое? — прозвенел металлический голос. Мама стояла за спиной Уголька. По лицу ее он понял, что вереница несчастий только началась.

Но он испугался не очень. Он все еще искал глазами щенка. А потом взглянул на грязную бахромую скатерти и тихо объяснил:

— Искусство требует жертв.

В справедливости своих слов Уголек убедился немедленно. Мама натренированным движением повернула его спиной и затем довольно крепким способом сообщила ему ускорение.

Она вела его по двору и говорила, что вот они придут домой, и тогда...

Уголек слушал, гремел сапогами и думал о щенке.

Цирковое представление окончилось. Зрители, забрав стулья, шумно расходились. Артисты заперлись в сарае. Митька Шумихин, братья Козловы и Шуруп радостно орали что-то о погорелом театре.

Вьюн продолжал сидеть на тележке. И лишь когда цирк опустел, Вьюн пошел к дому. Он понял, что не дождется хозяина. Вьюн шел и думал о своем поганом житье.

— Неприятности? — спросил его с забора Георгин. Вьюн сел и горестно почесал за ухом.

— Здешние дети — такие варвары, — прокудахтал Георгин, качаясь на голенастых лапах. С остатками хвоста ему было трудно балансировать на заборе. — Они вас загонят в могилу.

— Собачья жизнь, — сказал Вьюн. Он поднялся и побрел домой, волоча цепочку.

СТАРЫЙ НЕПТУН ЗНАЕТ О ЩЕНКЕ БОЛЬШЕ, ЧЕМ САМ ЩЕНОК

В канаве щенок нашел пряник. Настоящий пряник, почти целый, только обкусанный с одной стороны. Какой-то малыш не доел и бросил. А щенок нашел. Повезло.

Но, как назло, подвернулась тут Шайба, кудлатая черная собачонка. Пожилая, хоть и меньше щенка в два раза. Вредная. Увидела пряник и заверещала сразу:

— Отдай, жулик, беспризорник! Отдай!

Дурак он, что ли, отдавать? Живот и так подвело от голода. Ухватил пряник в зубы — и драпать. Шайбу щенок боялся. Кусается она ужасно. Налетит, завизжит да как цапнет! А он все-таки щенок...

Шайба не отставала. А щенок со страха промчался мимо ящиков и оказался в тупике — между складом и забором.

— Отдай! — снова завизжала Шайба и приготовилась к атаке. И вдруг щенок увидел, что она совсем маленькая. Просто комок шерсти. Он выпустил пряник, оскалил зубы и рыкнул. Первый раз в жизни.

Шайба присела с открытой пастью. Потом прижала уши и с отчаянным воем рванулась в сторону. С испугу не разглядела, куда бежит, трахнулась о забор и заверещала еще громче.

На шум прибежала длинная изящная такса Нелли, притрусила дворняжка Вилька и приковылял хромой пудель Боб. Шайба продолжала верещать.

— Милая, успокойтесь, — извиваясь длинным телом, уговаривала Нелли. — Не волнуйтесь так, дорогая. В чем дело?

— Жулик! — взвизгивала нервная Шайба. — Напал! Украл! Сожрал! Пряник!

Тогда все двинулись на щенка. Он уже успел изгрызть половину черствого пряника. Но вторую половину отдавать он тоже не собирался.

— Хулиган! — визгливо пролаяла Нелли.

— Все дети сейчас такие, — сокрушенно проворчал пудель Боб и потряс поредевшей гривой.

— Куда смотрит хозяин? — тяфкнула Вилька.

— У него нет хозяина! — пронзительно взвизгивала Шайба. — Нет! Хозяина! Разве! У этого! Бродяги! Может! Быть! Хозяин!?

— Какой ужас! — взывала Нелли. — Он бродячий!

— В наши времена таких щенят сразу отправляли на живодерню, — хрипло прорычал Боб.

— Смотрите! Он все-таки жрет пряник, — возмутилась Вилька. И все возмутились вместе с Вилькой. И еще решительней двинулись к щенку. Конечно, каждому хотелось добраться до пряника первым.

А щенок торопился жевать. Потом будь что будет. И ничего хорошего не было бы, но Шайба не решалась близко сунуться к щенку. А когда одна собачонка боится, страх переходит и к другим.

— Так нельзя, — покрутив задом, решила Нелли. — Мы не какие-нибудь бродячие. Неприлично устраивать уличную драку.

— Надо позвать Нептуна, — предложил Боб. — Это его дело — наводить порядок.

Вилька побежала за Нептуном, и щенок понял, что ему придется худо. Нептун был старым громадным сеттером с рыжей волнистой шерстью и длинными ушами. Вообще сеттеры — мирные собаки, но Нептун отличался крутым и мрачным характером. С его зубами многие были знакомы.

Нептун приближался. Вилька юлила впереди и повизгивала:

— Вот этот. Вот он... Щенок еще, а уже ворует...

Шавки поспешно расступились.

Щенок посмотрел в мутноватые синие глаза Нептуна и понял, что лучше всего брякнуться на спину и задрать лапы. Пора.

Но он не брякнулся и не задрал. Что-то случилось со щенком. Словно какая-то пружина вдруг в нем натянулась. Кроме страха, появилась злоба и сразу выросла. Он был, конечно, щенком, но ведь и щенка нельзя обижать без конца...

Он прижался задом к забору, беззвучно сморщил нос, приподнял губу. И показал свои мелкие щенячьи зубы. Стало тихо и страшно.

— Хи, — вдруг пискнула Вилька. — Он хочет драться. С Нептуном.

Нептун опустил голову и тяжелым взглядом обвел трусливых шавок. От этого взгляда они сначала прижались к земле, а потом брызнули в разные стороны. Щенок увидел, как Нептун повернулся и стал медленно уходить.

Старый сеттер уходил. Он не ответил на смешную щенячью дерзость. Он прожил на свете целых одиннадцать лет и был умным псом. Нептун

многое видел и многое знал. Помнил он и то, что есть на свете край, где кругом только лес и реки, а люди живут в домах из оленьих шкур. Эти люди охотятся и пасут оленей. Охотиться и стеречь стада им помогают собаки. Нептун бывал там и знал этих собак. Встретив волка, они и ему не уступят дорогу.

Нептун вспомнил северных собак, когда увидел остроухого белого щенка, смешно оскалившего зубы. И ушел.

ИЗГНАНИЕ

Только под вечер Уголек появился во дворе. Он был мрачен. Он перенес дома много неприятностей, но не это его печалило. Уголек думал, конечно, о щенке. О белом щенке с золотыми глазами, с черной крапиной на ухе, с самой красивой собачьей мордой...

Двор был пуст, одеяло с клоуном уже не висело на сарае, кирпичный барьер оказался разрушенным, а на двери белели какие-то глупые надписи и карикатуры. «Митькина работа», — подумал Уголек, но рассматривать и читать не стал. Не хотелось. Зато он вспомнил про другой рисунок, про щенка, которого нарисовал Вовка-художник. Щенячий портрет все еще белел на заборе. Но ведь это был только портрет.

С горестным вздохом Уголек покинул двор и стал подниматься по заросшему березками склону.

Он вышел на поляну и увидел своих друзей. Они сидели на спине обросшей мохом коряги, которая лежала здесь с незапамятных времен.

— Из дальних стран, с лазурных берегов явился он, прекрасный и счастливый, — так известил о приближении Уголька Мушкетер. Уголек только усмехнулся: «Счастливый». Он сел рядом с Толиком и стал молчать, чтобы все поняли, какая у него неудачная жизнь.

— Попало дома? — поинтересовался Славка.

— Попало, — равнодушно сказал Уголек. — Ерунда. Вот если бы...

— Значит мало попало, — с сожалением заметил Славка. — Надо бы больше.

— Ты чего это? — черные глазищи Уголька от удивления даже посветлели и стали почти синими. — За что? Сами же скатерть просили... А теперь...

— При чем тут скатерть? Как маленький,— тихо сказал Толик. На Уголька Толик даже не взглянул.

— Он не знает! — яростно взывала Тетка и затрясла косами, похожими на рога. — Он ничего не знает! Смотрите! Номер сорвал! Все дело испортил! На дворе теперь показаться нельзя! И спрашивает еще!.. Давайте выдерем его!

Уголек испугался. Не Тетки он, конечно, испугался, а того, что все с ним сейчас поспорят. Все до единого! Они не понимают!

Если человека сильно обижают, ему трудно говорить громко. Уголек прошептал:

— Вы не знаете. Вы не видели, да? Там же сидел щенок. В калитке. Белый щенок. Я побежал, а он...

— А из настоящего цирка ты бы побежал? — спросил Толик.

— Как из настоящего?

— Очень просто. Был бы настоящим укротителем, выступал бы в настоящем цирке. Вдруг появляется твой любимый белый щенок. Ты бы за ним, да?

— Отвечай! — заорала Тетка. — Ты бы удрал с арены, да?! А львы пускай зрителей жрут, да?!

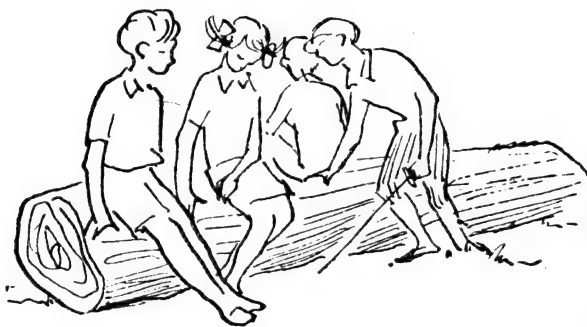
Уголек не отвечал. Он только моргал, чтобы не заплакать, и не отвечал. А что говорить? Он о настоящем цирке не думал.

— Не ори, Тетка, — сказал Толик и снова спросил: — А если бы ты, как твой отец — капитан, стоял на вахте и вдруг увидел любимого белого щенка? Ты бы от штурвала за ним побежал?

Уголек молчал, потому что о вахте и о штурвале он тоже не думал. Он думал о щенке. Витька-Мушкетер выпрямился во весь свой длинный рост, глянул сверху на Уголька и заявил:

— Раньше таких людей вешали за ноги на крепостных воротах. Потому что он изменник и дезертир.

Тут Уголек знал, что делать. Знал сразу. Тут думать некогда и бояться нельзя. Надо всего полсекунды. Надо вскочить, разогнувшись пружиной, и головой дать в поддыхало длинному Мушкетеру. А когда он, хватая воздух, станет сгибаться, нужно с размаху стукнуть его по носу. Лучше не один, а два раза. Пусть Мушкетер исколотит его. Все равно! Толик зато увидит, что Уголек не терпит таких страшных слов. Потому что он не изменник! Смотри, Толик!

Уголек рванулся, как пущенный из лука. Р-раз!.. Но голова его не попала в мушкетерский живот. Голова попала в пустоту, и Уголек пролетел шагов пять и растянулся в траве.

Было не очень больно, только жесткий стебель оцарапал лицо. Но Уголек лежал, и ему хотелось умереть.

Спокойно умереть ему не дали. С двух сторон ухватили за плечи и поставили. Тетка и Мушкетер.

— Живой,— сказала Тетка.

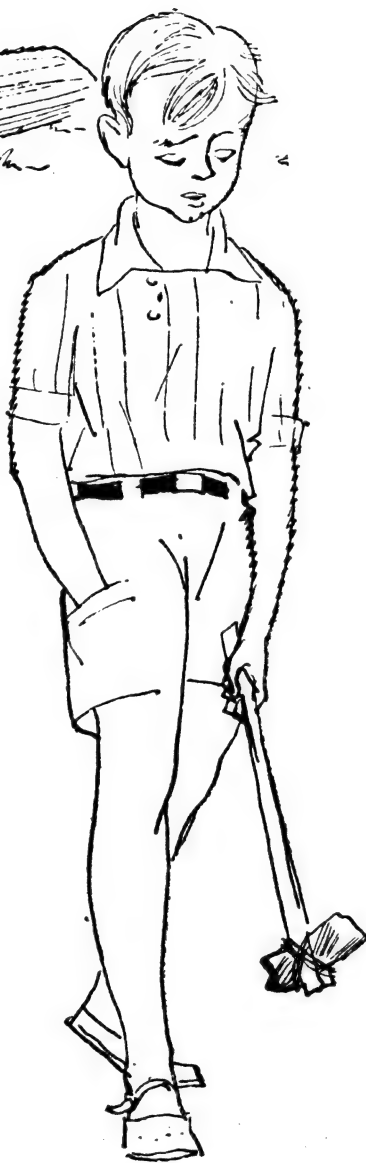
— Еще и на людей кидается,— удивился Славка.

Мушкетер ядовито улыбнулся:

— Он больше не будет кидаться. Укротим укротителя.

— Ну чего вы?—с отчаяньем сказал Уголек.— Чего вы все пристали? Толик?

— Отпустите его,— тихо приказал Толик.— Пусть идет.— Он опять не смотрел на Уголька. Он

сидел с опущенной головой и ручкой каменного топора чертил на траве треугольники.

Уголек ушел. Раз его прогоняли, он ушел. Он шагал среди березок, не оглядываясь и прикусив губу. Когда поляна скрылась, он лег на траву. Может быть, он даже заплакал. Но этого никто не знает, не видел. Ведь Уголек был совсем один.

ПОГОНЯ. «ЭТО МОЙ ЩЕНОК»

Солнце на улицах. Жара. Наверное, высохла последняя лужа. А если и не высохла, то все равно бежать туда опасно. Там живет страшилище в сапогах и с перьями на голове.

Свесив розовый язык, щенок бегал по улицам, искал воду. Он нашел ее далеко от дома, когда уже совсем измучился.

На тротуаре стояла синяя тележка, и женщина в белом халате торговала шипучим яблочным напитком. Из ближнего подъезда к тележке тянулся резиновый шланг. В одном месте шланг лопнул. Холодная вода била фонтанчиком и стекала в углубление на асфальте. Щенок напился и сел отдохнуть у стены, где была тень. От жары он часто-часто дышал.

— Мама, смотри. Жарко щенку.

Мимо шла девочка в красном платье с белыми горошинами. В одной руке она держала красную сумочку, в другой эскимо. Рядом шла ее мать с пестрым зонтом и чемоданом.

— Смотри. Совсем жарко щенку.

— Мы опоздаем на поезд, — сказала мама.

Взрослые всегда боятся опоздать на поезд. Девочка упрямо мотнула головой. Пшеничные волосы упали ей на глаза. Девочка ладонью откинула их, а эскимо она взяла в другую руку, держала его вместе с сумочкой. Мороженое капало на сумочку и белело на ней горошинами, такими же, как на платье.

— Что ты делаешь! — ахнула мама. — Идем, несносный ты человек. Но девочка присела на корточки и чмокнула губами.

— Песик, иди сюда.

Щенок понял, что его зовут. Он вскочил. Сначала он хотел убежать.

Но он не убежал. Девочка позвала его снова. Она была маленькая и без тяжелых страшных сапог. И щенок пошел. Он боялся, а лапы двигались сами.

Но подойти совсем близко щенок не посмел. Девочка протянула руку, и щенок отскочил. «Что же сейчас будет?» — подумал он. Девочка отломил кусочек эскимо и бросила щенку. Он прыгнул в сторону.

Потом он все-таки решился подойти и лизнул угощение. Было вкусно. Очень вкусно. Гораздо вкуснее, чем селедочные головы или сухие корки. И сразу стало прохладнее. Щенок торопливо зализал мороженое. Девочка ушла уже далеко, и он заторопился следом. Он побежал за ней, потому что, во-первых, в руке у нее была очень вкусная еда, а во-вторых, он и сам не знал, зачем бежит.

Вдруг раздался грохот, и рядом упал железный обруч. На обруч была надета сетка, и щенок чуть-чуть не попал под нее. Он услышал стук сапог и увидел, как два человека бегут к нему. Они бежали от машины, в кузове которой стоял желтый ящик с маленьким окошком.

Ужас хлынул на щенка. Он завизжал и бросился от страшных людей, от ящика, от сетки. У него шумело в ушах. Шумело так же страшно, как в тот раз, когда щенок падал из дома на колесах.

Он бежал, спасался. Мчался к тому человеку, который только что звал его и кормил. Больше некуда было бежать. Девочка бросила сумку и схватила щенка. Он был тяжелый. Девочка держала его поперек живота.

— Лена! — сказала мама.

Подбежали двое с сеткой. Щенок прижал уши, закрыл глаза и решил, что сейчас умрет.

— Ваша собака? — спросил громкий и сердитый голос.

— Моя, — сказала девочка.

— Ваша? — переспросил голос уже не так громко.

— Вам ответили, — сказала мать девочки.

— Незачем тогда отпускать, — проговорил сердитый человек. — Ошейника к тому же нет. Откуда знать, что она не бродячая?

— И кормить бы следовало щенка-то, — добавил другой тоже сердито. — Шкура да ребра. Владе-ельцы...

Они ушли. Девочка поставила щенка на тротуар. Лапы у него подгибались, и он сел.

— А все-таки не-
хорошо, — сказала
девочке мама. — Мы
их обманули.

— Но они содра-
ли бы с него шкуру!

— Почему же?
Его бы, наверное,
выкупили.

— Кто?

— Тот, чей ще-
нок.

— По-моему, он
ничей, — сказала де-
вочка. — Видишь, ка-
кой он худой.

— Вижу. Но об-
манывать все равно
нехорошо.

Девочка упрямо
тряхнула волосами:

— А я и не об-
манывала. Щенок на
самом деле будет
мой.

— Лена! Мы же
спешим на поезд.
Щенка не пустят в
вагон.

— Ну, что ж, —
вздохнула она. —
Пусть будет мой, по-
ка идем до вокзала.
А потом снова стан-
ет ничей... Пой-
дем!

И щенок пошел. Он боялся, что снова появятся люди с сеткой.

Но шли вместе они недолго. У вокзала щенок снова остался один. Девочка махнула сумочкой, и он отстал. За решетчатым забором серdito кричали тепловозы.

Щенок побежал обратно. Ему хотелось скорее забраться под ящики, чтобы никого не видеть и никого не бояться. И еще ему хотелось вспомнить Руки. Руки человека, которого он любил и не боялся никогда.

ЗАГОВОР НЕ ОСТАЛСЯ В ТАИНЕ

На той самой поляне, где три дня назад совершилось изгнание Уголька, сидела теперь Митькина компания. Сидели все, кроме Шурупа. Шуруп не мог сидеть от возбуждения. Он приплясывал. Он почесывал одну ногу о другую. Он дергал лопатками, словно их тоже хотел почесать друг о дружку. Кроме того, Шуруп все время подтягивал трусы, которые были велики и от резких движений грозили свалиться. Слова сыпались из Шурупа, как горох из рваного кармана.

— Там камень, там дерево. Сверху крыша, а кругом фанера, а внизу у них яма. И не видно нисколечко, кругом ветки, а...

— Заткнись, — хмуро перебил Митька. Шуруп хлопнул губами и заткнулся. Митька сказал:

— Шуруп ты и есть Шуруп. И язык у тебя шурупистый. Не трещи ты и не дергайся. Блохи, что ли, накусали? Вот даи сейчас...

Шуруп хнычущим голосом объяснил:

— Лежишь в этой засаде, лежишь, а сверху иголки на ветках. А снизу колючки всякие. А по спине муравьи бегают, щиплются. Задержась. Один муравей в нос залез, а чихать нельзя, а то услышат. Я чуть не лопнул, а он все не вылезит...

Митька перестал слушать болтовню Шурупа и сказал братьям Козловым:

— Значит, там штаб-квартира. Ясно?

Старший брат Валентин подумал и ответил:

— Ясно. А какой штаб?

Младший брат Глеб тоже сказал, что ясно, и тоже спросил:

— А почему квартира?

Митька долго и с сожалением смотрел на Козловых из-под косого казацкого чуба. Он не ответил.

— Что у них там в хибаре этой? — спросил он Шурупа.

— Копья всякие. Веревки. Бумаги какие-то. Дубинки из камней. Они ушли, а я поглядел. А потом она одна опять пришла, а я убежал, а когда...

— Кто она? Дубинка?

— Да нет. Та девчонка, которая тебя в пузо головой...

— Тебя о деле спрашивают, — сухо сказал Митька. — О чем они говорили? Слышал?

Шуруп набрал воздуха, чтобы выпалить все, что слышал, но тут выразил свое мнение Валентин:

— А чего сидим? Пойдем, наложим по шеям. И штаб ихний развалим. И айда в городки играть.

Митька снова кинул взгляд из-под чуба и сказал:

— Когда вас лбами стукнули, я думал, поумнеете.

Валентин стал дышать медленно и тяжело. Глеб поразмыслил над Митькиными словами и предложил:

— Может, нам тебя стукнуть? О корягу?

— Сразу поумнеет, — пробормотал Валентин.

— ...коряга, — добавил Глеб.

Митька не ожидал от глупых братьев такого остроумия. Растерялся и даже не стал в ответ ругаться. Только сказал:

— Ну и пни вы, Козловы. Ну, надаем по шее. Ну, сломаем все. Мы по шее, они по шее... Разве это интересная жизнь?

— Разве интересная? — поспешно поддержал Шуруп. — Зачем у них ломать? Помиритесь лучше и...

— Я тебе дам помириться, — хмуро пообещал Митька. — Они нас лупят, а мы мириться пойдем? Ну, иди, иди, Шурупина, мирись. Они тебя в охотники примут, топорик дадут. Только нам ты, Шуруп, не попадайся. Понял?!

Шуруп забормотал, что мириться он хотел не совсем, а только так, для хитрости.

— Мириться не надо, ломать не надо, — удивился Валентин. — А что надо?

— Надо прийти тихо. Разобрать все по косточкам. Унести все ба-
рахло ихнее. Сделать, будто ничего не было, никакого штаба. Пусть они
башку ломают.

— Вот! Поняли? — сказал Шуруп.

Братья подумали и поняли. Их лица прояснились.

— Пошли тогда, — поднялся Валентин.

— Беда мне с вами, — скорбно сказал Митька. — Ну куда, «пошли»?
Они там сейчас сидят все. Сейчас уж вечер. Завтра надо, когда они
обедать будут. Чтоб не видал никто. Ясно вам?

— Ага, — произнес Глеб.

— И чтобы тайна была. Поняли?

— Ага, — сказал Валентин.

Но заговор не остался в тайне. В кустах у края поляны лежал
Уголек. Он шел, страдая от одиночества, услышал голоса и тихо лег.
И понял все.

Ты заметил, конечно, что Уголек не был злопамятным человеком.
Кроме того, он уже третий день жил без друзей. И, услышав о коварных
Митькиных замыслах, он помчался в лес. Он помчался, чтобы отыскать
Толика и Славку, Тетку и Мушкетера. Уж, наверно, они забудут о ссоре,
когда услышат его рассказ. И, может быть, Толик... может быть, он даже
скажет опять: «Хороший ты, Уголек...»

Ветки летели навстречу, била по ногам трава, и даже ветер отстал
от Уголька, запутавшись среди сосен.

Уголек знал, где искать друзей, догадался: там, где камень и яма
от большого пня и густые сосенки вокруг. Там они, конечно, и построили
себе шалаш.

Он был построен здорово. Сразу и не увидишь. С одной стороны
камень закрывает, с другой стороны — деревья. Крыша дерном обло-
жена — кажется, будто простой бугорок. Черную дыру лаза еле раз-
глядишь среди веток.

Уголек раздвинул сосновые лапы и услышал разговор.

— А вдруг не он? Вдруг другие совсем? — доносился Славкин голос.

— Кто другие? — спросил язвительно Мушкетер. — Или я ослеп? Может быть, я спутал его с твоим папой?

— И коза там снова была, — мрачно сказала Тетка.

«О Курилыче говорят, — понял Уголек. — Опять веники ломает».

— Все равно он не один, — упрямылся Славка. — Я старух с вениками видел. Из леса шли. Купили они их, что ли?

— Надо поймать и к леснику тащить, — сказала решительная Тетка.

— Курилыча утащишь! — засомневался Славка.

— В наш век удивительной техники тащить никого никуда не надо, — заявил Мушкетер. — Мы всяких жуликов, кто наши деревья ломает, тихонечко сфотографируем моей «Сменой». А потом эти снимки хоть куда. Хоть к леснику, хоть в милицию.

— А лучше всего на забор, — вмешалась Тетка. — И надпись: «Зеленые браконьеры».

— И подпись: «Лесной патруль», — сказал Толик.

Из шалаша разнеслось «ура».

Ты понимаешь, конечно, как заволновался Уголек, услышав про патруль. Такое дело чуть-чуть не решили без него!

Он все еще стоял среди сосенок. Подслушивать нехорошо, он это знал, но ведь все равно он сейчас помирится. А как все удивятся, когда узнают, что про патруль ему уже известно!

— Сфотографируем — и сразу гнать, — решила Тетка. — А то пока проявим, пока напечатаем, да пока к леснику пойдем... Одна старуха пол-леса выломает. А мы смотреть, что ли, будем?

— А если не послушают? — засомневался Славка.

— Тогда почувствуют, — отозвался Мушкетер. — Копья, топоры и шпага.

— Оружие только для защиты, — твердо сказал Толик. — А то сами в бандиты попадем... Сколько у нас каменных топоров?

— Три. И еще один Уголек унес, — напомнил Славка.

— Реквизируем, — решил Мушкетер.

— Что сделаем? — не понял Славка.

— От-берем, — объяснила Тетка. — Раз он подвел нас...

— Дезертиров лишают оружия, — сказал Мушкетер.

Уголек почувствовал, что ему больно ладонь. Это он сжал в кулаке

колючую сосновую ветку. Сожмешь тут, когда опять слышишь такие слова!

— Ну, Витька, ты уж совсем... — сказал Славка Мушкетеру, — это все-таки его топор.

— Его! — возмутилась Тетка. — Только ему делал.

— Только, отберем? — спросил Витька-Мушкетер. Толик молчал.

— Онемел ты? — удивилась Тетка.

Толик сказал:

— Ладно. Отбирайте.

Уголек выпустил ветку из ладони. Она рванулась вверх и закачалась. Будто сосенка успокаивала боль в раненой лапе. Уголек уходил. Пусть разнесут в щепки этот штаб! Пусть! Пусть не будет никакого патруля! И не надо ему этой дружбы. Проживет он...

СТАРЫЙ НЕПТУН ГОВОРIT О ХОЗЯИНЕ

Был вечер, и щенок бежал к своим ящикам. У красной калитки, рядом с домом, где были очень большие окна, отдыхал старый Нептун.

Щенок растерялся. Нептун не двигался. Его голова лежала на вытянутых лапах. Он смотрел прямо перед собой. Может быть, он вспоминал свою долгую жизнь. Щенок хотел осторожно обойти Нептуна, но не решился. И остановился, поджав хвост.

— Здравствуйте, — робко пискнул щенок.

Нептун, наверное, не слышал. Все смотрел перед собой. И щенок не знал, что делать. Наконец хвост Нептуна шевельнулся. Чуть-чуть шевельнулся:

— Здравствуй...

Щенок осторожно двигался мимо. Нептун провожал его синими затуманенными глазами.

— Ты все бегаешь? Зря... Хозяин отпускает тебя одного?

Щенок нерешительно остановился и сел.

— У меня хозяина нет. Разве вы не знали?

— Не знал, — ответил Нептун. — Где же он?

— Его нет. Его не было никогда.

— Вот как, — равнодушно проворчал Нептун. Ему не хотелось разговаривать с глупым щенком, который горудит ерунду, что у него нет хозяина.

Но щенок не уходил. Он увидел, что Нептун не сердится, и в его желтых глазах запрыгали искорки любопытства.

— Я не понимаю, — начал щенок осторожно. — Все говорят: хозяин, хозяин... Зачем хозяин? Разве нельзя жить без него?

— Зачем хозяин... — Нептун поудобнее положил голову на лапы. — Чтобы жить. Собака не может жить без человека. Она погибнет. Или станет диким зверем.

Щенок испугался. Но все-таки он осмелился возразить:

— Я живу.

Нептун поднял тяжелую голову.

— Живешь? Ты и вправду живешь без хозяина?

— Да, — пробормотал щенок. — А зачем хозяин? Он бьет. Разве собак надо бить?

Щенок увидел, что Нептун рассердился. И это еще больше испугало щенка.

— Какой болван тебе это сказал? — рыкнул Нептун. Щенок поскорее ответил:

— Балалай.

— Он глупый, — сказал Нептун. — А хозяин у него ненастоящий. Барахло. Пустой хозяин.

— Я не знал, — растерялся щенок.

Нептун опять опустил голову на лапы. Он прожил длинную жизнь и был умным псом. Он сказал:

— Ты еще ничего не знаешь, щенок... Хозяин — это человек, которого ты любишь.

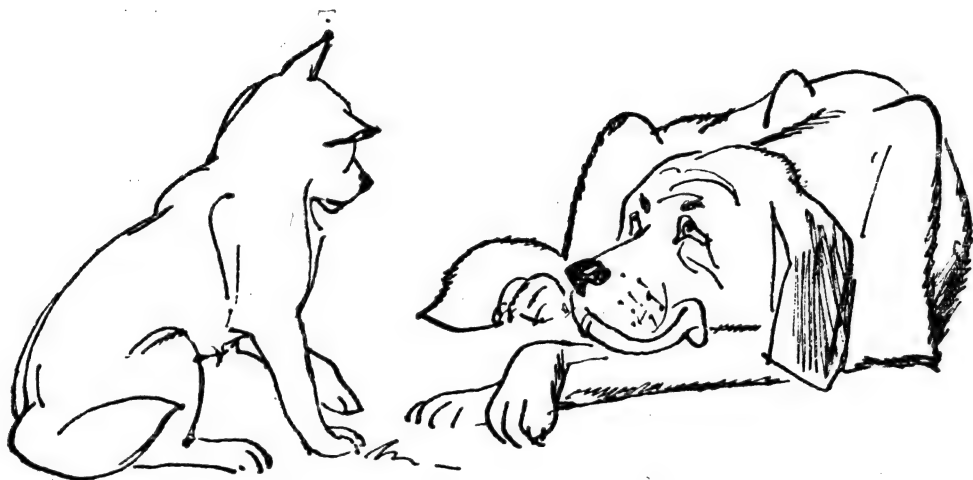
— Я никого не люблю, — вздохнул щенок.

— Конечно. Где тебе.

— Это почему? — обиделся щенок.

— Человека любить непросто. Ему надо помогать. Надо ходить с ним по трудным дорогам, охранять его, гоняться за дичью, чтобы человек поел мяса.

Щенок молчал. Раньше он никогда не слышал о таких вещах. Ему некого было охранять, кроме себя, а гоняться он умел только за кошками.

Нептун продолжал, не открывая глаз:

— Зато и человек любит тебя... Он кормит тебя. Кормит, если даже в мешке остался всего один кусок хлеба. Человек ломает его пополам. Это я знаю.

— Любит — значит кормит? — спросил щенок. — Но Балалая хозяин тоже кормит.

— Да, — помолчав, согласился Нептун. — Кормит, потому что у него много еды. Но он не любит. Балалай не может подойти к нему и положить голову на колени. И Руки хозяина не будут гладить его мех...

— А вы можете? — робко спросил щенок.

— Да, — хмуро ответил Нептун. Он был суровым старым псом и не хотел рассуждать о таких нежностях, да еще со щенком.

— Теперь я вспомнил, — обрадовался щенок. — У меня был хозяин. Я помню его Руки. Они гладили меня. И кормили. Они были добрые.

И щенок гордо взглянул на Нептуна.

— А где же твой хозяин теперь? — усмехнулся Нептун. И щенок растерялся снова:

— Не знаю.

— Хозяин не должен бросать собаку, — сердито заметил Нептун. — Он должен ее защищать.

— Меня защищали, — вспомнил щенок. — Значит, у меня был еще хозяин. Сегодня. Маленькая девочка. Но она ушла.

Казалось, Нептун перестал слушать. Он лежал, закрыв глаза. Он, наверное, не верил. Мало ли что болтает глупый щенок.

Нептун встал и отряхнул соринки с длинной рыжей шерсти. Он собрался уходить. Может быть, ему захотелось подойти к хозяину, положить на колени голову и так подремать немного.

Он встал и сказал щенку:

— Ты должен искать хозяина, малыш.

— Как? — грустно спросил щенок.

— Как умеешь. Увидишь человека и беги за ним. Может быть, он позовет.

«Вот как, — подумал щенок. — Значит, это называется: искать хозяина».

— Я делал так, — признался он. — Но никто не зовет. Позвала только девочка. Но она ушла.

— Попробуй еще... Видишь, идет человек. Он хороший, по-моему. Беги за ним.

— Но он в сапогах! — очень испугался щенок. — Сапог может ударить. Я знаю.

— Глупый! — рассердился Нептун. — Сапог сам ничего не может. Может ударить человек, если он плохой. Но ты ищи хорошего. Такого, как твой старый хозяин.

— Я не помню его, — вздохнул щенок. — Я помню только Руки...

КУРИЛЫЧ ОБИЖЕН. УГОЛЬКУ ВСЕ-ТАКИ НЕ СПИТСЯ. ЛУНА И РОМАШКИ

Была суббота, и мама пришла домой пораньше. Вслед за ней пришел Курилыч.

Когда-то Курилыч был начальником склада в том же тресте, где мама работала машинисткой. Поэтому он был знаком с ней лучше, чем с другими соседями. И когда Курилыч шел жаловаться, он прежде всего звонил в квартиру Угольковых.

Он протолкнул в дверь живот и с порога жалобно и хрипло загудел:

— Это что же такое, Марья Васильевна, выходит? Давеча козу на дерево вздрючили, а сегодня еще делов натворили. Одно хулиганство на уме...

Мама бросила на Уголька не совсем ласковый взгляд и поинтересовалась, каких именно «делов» натворил ее дорогой сын.

— Теща, значит, приходит ко мне денег взять взаймы, чтоб с плотниками рассчитаться, — гудел Курилыч, — и говорит мне: «Что за страхи, прости господи, у тебя на воротах нарисованы? Голова мертвечинная, слова всякие нехорошие написаны». Я, конечно, вышел. Гляжу, а там череп нарисованный. Изобразили же, будто с живого скелета рисовали. Кости всякие и, значит, надпись: «Смерть... этим, как его — браконьерам». Ага, зеленым браконьерам. А с какой я стороны браконьер? Я и ружье племяннику продал еще в прошлом году...

— Борис! — ледяным тоном спросила мама. — Ты?

— При чем тут я? — тихо и так равнодушно сказал Уголек, что сразу стало ясно: он и правда ни при чем.

— Я своему сыну верю, — сухо сказала мама. — Я своего ребенка знаю.

— Я про их тоже все знаю, — мрачно изрек Курилыч. — Все говорят: не виноватые. Вот поймаю, уши пообкручиваю. — Он задом протиснулся в коридор и пошел жаловаться в другие квартиры.

Угольку стало тоскливо: он сидел один, а лесной патруль начинал свои интересные дела...

— Бориска, — очень серьезно спросила мама, — скажи-ка честно, сын. Ты правда не виноват?

Уголек поднял грустные глаза.

— У меня даже в школе рисование еле-еле на «тройку». Знаешь сама. Она притянула его за плечи.

— У-у! И настроение у тебя еле-еле на «тройку». Хочешь, обрадую? Уголек пожал плечами. Чем теперь его обрадуешь?

— Завтра утром поедem на пристань в Верхневельск. Папина самоходка придет на погрузку. Повидаемся с папкой. Рад?

Конечно, он был рад! Так рад, что забыл про свои обиды и про патруль. И до вечера думал о завтрашней встрече.

Он думал о встрече и в постели и от волнения ворочался на своем узком диванчике.

Это будет чудесно. На пристани, уже у самого причала, он обгонит маму и по упругому трапу — гибкой доске с перекладинами — легко взойдет на крытую железными листами палубу. И зашагает навстречу отцу. Не побежит, а пойдет неторопливо, сдерживая пружинистую радость. И, может быть, только когда останется несколько шагов, он не выдержит и помчится, стуча ботинками по гулкому железу, и прижмется щекой к рукаву потертого синего кителя. От кителя почему-то всегда немного пахнет соленой рыбой и сырым деревом.

И можно будет рассказать про все: про пистоны в дверном замке, про таинственного щенка, про злополучное цирковое представление. И про изгнание... Папа поймет. Он же всегда понимал. Может быть, он даже скажет, что это совсем разные вещи: убежать с арены абсолютно ненастоящего цирка и бросить вахту у настоящего штурвала? Ведь это же, действительно, разные вещи...

Был выключен свет, мама тоже легла спать.

— Мама, откуда он приплывет? — спрашивал в темноте Уголек.

— С севера. Из Салехарда. Спи, пожалуйста. Завтра вставать раным-рано. Автобус в пять утра отходит.

С севера папка приплывет, с большой реки Оби. Может быть, на этот раз он привезет щенка? Хорошего щенка — северную лайку. Раньше все говорил: «Трудно достать, времени нет, стоянки короткие». Может, достал наконец?

Вырастет щенок в большого сильного пса... И однажды над громадными льдинами Арктики загудит, закружится яростный буран. И узнают на зимовках, что у Северного полюса затерялась в снегах экспедиция...

Сквозь белые вихри мчится на лыжах человек. Что ему буран? Сильная собака тянет лыжника к поселку зимовщиков. Она, как компас, знает дорогу. С ней не страшно.

Вдруг собака свернула в сторону.

— Ты что, Снежок?

Сквозь вихри бурана проступает темное пятно, это вездеход. Укрывшись от ветра за гусеницей, лежит в снегу обессилевший человек.

— Вы кто?

— Начальник экспедиции Селиванов, — шепчет он обмороженными губами.

— Толик?!

А помнишь, Толик, как ты сказал тогда на поляне, чтобы я уходил? Помнишь, как разрешил отобрать мой охотничий топор? Кто из нас был предатель?

Может быть, за это не спасать его теперь? Нет, все равно надо спасать. Пусть потом всю жизнь Толика Селиванова мучает совесть...

— Пусть она тебя мучает, — шепчет Толик, подняв заиндевелые ресницы. — Ну и не спасай. Все равно ты предатель. Из-за тебя Митька Шумихин разломал штаб патруля и разграбил его. Ты знал и молчал. А я-то думал, ты человек...

— Боря, будешь ты спать?! Чего ты крутишься?

Маму разбудил скрип диванных пружин.

Конечно, он будет спать. Он считал, что не спят люди, у которых нечистая совесть. А у него совесть спокойная. Ну и пусть он сорвал весь цирк, он не нарочно. Просто не подумал сразу. А тут еще эти сапоги. Сами подсунули Угольку эти сапоги, а потом кричат: предатель. Ничего, он все равно будет спать. А не спит пусть Курилыч. У него на совести много загубленных березок. Он откручивал ветки, и лопалась тонкая кожа коры, и белые волокна рвались, как нитки. Ничего, теперь он узнает! Дадут ему жизни!.. А как ему дадут, если у ребят разломают шалаш? Где они будут штаб устраивать? А разве можно лесному патрулю без штаба?.. Все равно сами виноваты.

— Мама, что такое совесть?

— О-о! Наказание мое! Это то, чего у тебя ни капельки нет. Заснешь ты, бессовестное чудище? Или я встану сейчас...

— Мне здесь не спится. Я в кухне на раскладушке лягу.

— Ради бога. Хоть на чердаке.

Но и на кухне ему не спалось. Где ни ложись, а все равно завтра шалаш разрушат. А в шалаше копыя и каменные топоры — оружие. Может быть, какие-нибудь документы их тайные, планы, как ловить всяких, вроде Курилыча. А вдруг там и Витькин фотоаппарат хранится? Мать Мушкетера аппарат все время от него прячет, говорит: вещь дорогая, сломается. Мушкетер вполне может его заранее из дома утащить в штаб. А если Митька Шумихин доберется, от аппарата отдельные

детальки останутся! А Уголек все знает и молчит. Толик, конечно, сказал бы, что это предательство.

Ну, а что делать? Завтра утром рано-рано он уедет, а днем Митька нападет на штаб патруля. А сейчас уже все спят. Все равно ничего никому не скажешь, ничего не сделаешь. Ничего.

Ну, уж это ты врешь, Уголек. Сам знаешь, что врешь. Ну, вставай. Раз уж появилась такая мысль, все равно встанешь. Ты же упрямый. Прикусишь губу и встанешь. Вот так...

Он встал. В кухне было светло от луны. Он натянул штаны и коббойку. Хорошо, что догадался прихватить их из комнаты. В кармане стыскался карандашик. Он был синий, но это не беда. А в шкафу Уголек нашел бумажную салфетку...

Уголек взял в руки сандалии. Потом вытащил из-за шкафа каменный топор.

Луна светила, как прожектор, но лес оставался темным. Он поднялся на склоне туманной стеной.

Неужели туда надо идти?! Уголек передернул плечами.

Ночь была свежей. Уголек вздрагивал и шел вверх по склону. На открытом месте он еще не очень боялся.

Выступили из сумрака отдельные березки, смутно белели их тоненькие стволы. И вот уже опушка. А дальше темнота.

Уголек тихо постоял и хотел уйти. Домой. Он боялся. Ну и что? Он не взрослый. Это взрослые не боятся ночных дорог... Да и то не все.

Но он глубоко вздохнул и раздвинул ветки. Вверху было светлое зеленое небо, а кругом обступила темнота. В ней жили черные лохматые кусты. Они угрожающе шептались. Подбирались вплотную. Листья, как холодные пальцы, прикасались к лицу. Шуршала под ногами трава. Уголек шел медленно, чтобы не нарушить покой того страшного, кто мог скрываться во мраке.

— Ты дурак, — шептал он себе. — Ведь нет никого кругом. Кого бояться?

Но страх не проходил. В Уголке все напряглось. Будто сотни струнок натянули до отказа. Если бы сейчас затрещали ветки или кто-нибудь

вышел бы навстречу, Уголек рванулся бы куда глаза глядят, ничего не помня от страха.

Наконец он миновал березняк. И теперь кусты, которые остались позади, показались ему не страшными и уютными.

А впереди поднимался корабельный лес. Он был просвечен кое-где лунным зеленым светом. Звенела тишина.

Уголек перехватил покрепче топор и съежился. И шагнул от кустов. Рваные светлые полосы падали на траву от луны. Уголек шагал поперек этих полос. Он смотрел только на них. По сторонам не решался смотреть: вдруг что-нибудь черное и мохнатое шевельнется среди стволов? И протянет длинную лапу! Разве убежишь от этой лапы?

Надо смотреть только на лунные полосы. И чтобы не думать о страшном, лучше считать шаги. Все равно приходится высоко поднимать ноги, чтобы трава не шелестела на весь лес и не царапалась: Раз. Два. Три...

Луна катилась над верхушками сосен, провожала Уголька. Он решил подняться глаза и взглянул на нее. Луна была такой же, как всегда, знакомой. Угольку даже показалось, что до нее ближе, чем до дома. Фигурка щенка темнела на лунном круге. Будто живой щенок. Вот бы вместе с ним пробежаться по тропинкам среди лунных скал! Только есть ли там тропинки?

И вспомнилась хорошая песенка. Уголек считал шаги, а песенка тихонько звенела в ушах.

На пыльных тропинках
Далеких планет
Останутся наши следы...

Когда Уголек сделал триста пятнадцать шагов, он добрался до шалаша...

На обратном пути он не очень боялся. Конечно, лес молчал все так же загадочно, и лунные полосы стелились по траве. Но большого страха не осталось. Осталась настороженность. А в голове крутилась песенка о далеких планетах. Уголек даже напевать ее начал, когда подошел к кустам.

И черные кусты, наверно, решили отомстить мальчишке за дерзость. Уголек вышел на поляну. И тут его будто ударило током!

Низко у земли, из кустов, смотрели два тусклых белесых глаза!

В первую секунду Уголек не мог двинуться. А потом почувствовал: если бежать, оно обязательно кинется следом.

Боком, тихо-тихо, Уголек начал отступать к кустам. Глаза не двигались. Не шевелились, не моргали, но и не гасли.

Уголек остановился. Было страшно стоять. Но уйти и не узнать, чьи там глаза, было тоже страшно.

В голове прыгали коротенькие перепутанные мысли. А сквозь них все равно пробивалась песенка о тропинках на дальних планетах. Пробивалась сама по себе, как ручеек сквозь снег. Ведь бывает, что какие-то слова или мотив привяжутся и вертятся в голове в самые неподходящие моменты.

Вдруг далеко протрубил паровоз, а потом Уголек услышал, что кругом очень тихо. Только песенка звенела в ушах. Хорошая песенка про смелых людей и звезды.

А кусты перестали шептаться. Наверно, ждали, что же будет.

И они дождались. Мальчишка крикнул и бросил каменный топор в страшные глаза: Бросил и не побегал, только пригнулся. Глаза шевельнулись и замерли.

— Ладно! — звонко сказал Уголек. — Значит, ты не живое! Ты бы убежало.

И он пошел через поляну. Сердце беспорядочно прыгало, но он дошел до другого края поляны. И за два шага увидел, что никаких глаз нет. На высоких стеблях цвели две большие ромашки.

Уголек нашел топор. Ромашки срывать он не стал. Сначала хотел сорвать, а потом не тронул. Он отдохнул немного, присев рядом с ними.

Над головой спокойно шептались о своих делах листья...

ЩЕНОК ИЩЕТ ХОЗЯИНА И ТЕРЯЕТ ДОМ

Белый щенок с черной крапинкой на ухе ищет хозяина. Позовите щенка! Он научится охранять вас, ходить по трудным дорогам, таскать упряжку. Может быть, он даже научится охотиться за дикими зверями.

Позовите щенка! Он может находить еду в мусорных ящиках, может пить из луж, но не может жить один. Он все время вспоминает большие добрые Руки...

Щенок бежит то за одним, то за другим человеком. Иногда на него оглядываются, иногда даже бросают кусок булки или конфету. Но никто не зовет с собой, когда он бежит следом. Даже прогоняют. Все думают, что у него есть хозяин. Правда, щенок худой, и белая шерсть у него запылилась и свалялась, но ведь он не похож на умирающего. А разве может щенок без хозяина не умереть с голоду?

К вечеру у щенка болят лапы. Он тащится в свой дом под ящики, где лежит подаренная Балалаем кость и куда приходят Воспоминания.

Он привык к этому дому. Но сегодня там что-то не так. Щенок понял это, когда был еще далеко. Пахнет дымом, и что-то трещит. Щенок испугался. Он даже хотел убежать, но он слишком привык к своему дому. Он осторожно пошел вперед и свернул в переулок, где был склад.

Синий очень едучий дым полз по переулку. Желтое пламя клочьями взлетело над крышей склада. Горели ящики. Огонь пожирал их, они

трепали и рассыпались. Люди хлестали огонь струями из шлангов, они защищали склад. Ящики они отдали на съедение огню. Высохшая тонкая фанера вспыхивала и сгорала очень быстро.

Щенок никогда не видел столько огня. Он не понимал, откуда огонь пришел. Ведь щенок не знал, что пламя может вырасти из брошенного окурка.

Огонь притягивал щенка. И хотя дым ел глаза и нос, щенок сидел и смотрел, как горит его дом. Он боялся подойти ближе к громадному костру, но уйти тоже не мог.

Ящики сгорели, и люди уехали на красной машине.

Щенок долго не решался приблизиться к тому месту, где был его дом. Подошел туда только тогда, когда из пепла перестал сочиться дым.

Вместо ящиков была теперь куча золы и черных головешек. Пепел оказался очень теплым, даже обжигал лапы.

Щенок походил немного и лег там, где пепел был похолоднее. И тогда он увидел кость, которую подарил ему Балалай. Кость немного обуглилась.

Щенок взял кость в зубы и пошел.

Был уже вечер. Небо на западе стало желтым. В конце улицы темнел лес.

«ЭТО НЕ ЩЕНОК, А СИНИЙ ВЕРБЛЮД».

В этот день Тетка изловила Шурупа недалеко от штаба. Шуруп не сопротивлялся. Он только приседал и жмурился от страха, когда Тетка толкала его перед собой, держа за воротник.

— У, шпиеныш... Ну, погоди! Мало тебе вчерашнего?

— Не...— хныкнул Шуруп. Вчерашнего ему было достаточно.

Накануне, когда Митька, братья Козловы и Шуруп тихо подкрались к штабу патруля, их встретил залп зеленых сосновых шишек, тяжелых, как шрапнель!

Яростная контратака обратила злоумышленников в бегство. Митька хрипло заорал, чтобы остановить их и организовать оборону. Братья Козловы в беге сшибли своего предводителя, и он тоже побежал.

Шуруп мчался впереди. Ему не повезло. Застрял, бедняга, в чаще

молоденьких сосенок, зацепился, и твердая рука Мушкетера ухватила его за рубаху.

Голосящего Шурупа за руки и за ноги принесли в шалаш.

— Что делать? — спросил Славка. Тетка предложила снять с пленника скальп для охотничьей коллекции и стала подробно рассказывать, как это делается:

— Надо содрать волосы вместе с кожей и высушить...

— Зачем нам рыжие скальпы? — сказал Толик.

Мушкетер предложил привязать Шурупа к дереву у муравейника, чтобы муравьи обглодали пленника. Ну, не совсем, а так, наполовину. Шуруп обмер.

Наконец решили, что возиться не стоит. Дали сзади коленом и отпустили. Но несчастный Шуруп натерпелся такого страха, что боялся вспомнить вчерашний день.

Тетка привела Шурупа к шалашу и коротко доложила Толику:

— Шпионил.

— Я не... — начал Шуруп, но умолк под тяжелым взглядом Мушкетера. Мушкетер сказал:

— Молись перед смертью.

Шурупа прислонили к сосновому стволу. Мушкетер медленно вытянул из-за пояса шпагу и пощекотал ею Шурупий живот.

— Молись... Ну!!

Шуруп захныкал и сказал, что не умеет молиться.

— А шпионить умеешь!

— Не... Я не хотел.

— А зачем пришел, если не хотел? — вмешался Славка. — Странно как-то.

— Я к вам пришел.

Все удивились.

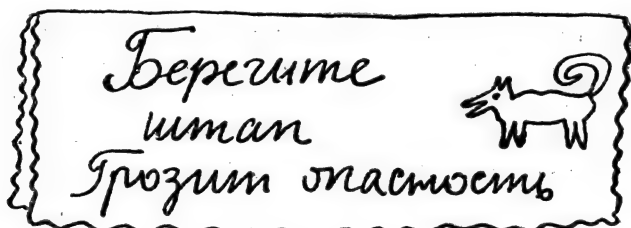
— Митька в деревню к бабке хочет уехать. Валька дерется. А куда мне? Жалко вам, да? Я вчера хотел про нападение рассказать. Только я не успел.

— Врет! — решила Тетка. Толик сказал:

— Тетка, стоп. А письмо кто писал? Не знаешь?

— Не... — сказал Шуруп. — Какое письмо?

Толик развернул бумажную салфетку. Вот что на ней было:

Шуруп почему-то испугался:

— Не я...

— Я писал. — Качнулись ветки, и появился Уголек. — Ну, предатель я, да?

Все враз замолчали. Замолчишь тут, когда такая неожиданность.

— Врет, — снова решила Тетка. Славка удивился:

— Откуда он взялся?

— Явился он негаданно-нежданно, — сказал Мушкетер.

— Если ты писал, — говори, что написано? — заявил Славка.

— Берегите штаб. Грозит опасность! — отчеканил Уголек.

— Правильно, — сунулся Шуруп. Ему сразу приказали молчать. Мушкетер ехидно спросил:

— А сколько ошибок?

— Ладно тебе, — вмешался Толик. — Если бы человек знал про ошибки, он бы их исправил.

— А если не знал, значит, не знает, сколько их, — добавил Славка.

— Какой карандаш? — строго спросила Тетка.

— Синий.

— Правильно, — облегченно вздохнул Толик. — А когда ты принес письмо?

— Ночью. Не этой ночью, а прошлой.

— Это хорошо, что ты принес, — сказал Толик. — Но ты не ври, что ночью.

— А когда? Я утром уехал. В пять часов. Мы к папе ездили, я еще думал, что он щенка привезет. Только он не привез. Спроси... хоть кого...

Он чуть не сказал: «У папы спросите». Но это было бы смешно.

Папа далеко. А если бы он был здесь, то сумел бы доказать. Вчера Уголек выложил ему и про цирк, и про ночной поход, и даже про песенку. Они сидели в каюте на тесном диване, и Уголек шепотом рассказывал, а папа слушал, тиская прокуренными пальцами подбородок. А когда узнал о страшных белых глазах-ромашках, усмехнулся и покачал голову сына широкой, но совсем не тяжелой ладонью. И Уголек облегченно вздохнул: все было позади. А оказалось, что неприятности не кончились.

— Все равно, — повторил Толик. — Не ночью.

— Не веришь? — прошептал Уголек.

— Нет, — тихо, но твердо, сказал Толик.

— Почему?
— Сказать, почему?
— Скажи!
— А кто говорил, что боится темноты?
Уголек покраснел.
— Это раньше... Я вовсе и не боюсь. Это я так сказал.
— Так просто не говорят.
Мушкетер предложил:
— Проверим еще. Какая там подпись?
— Нет там подписи, — ответил Уголек. — Там нарисован щенок...
Ну, обыкновенный щенок. Нельзя, что ли, щенка нарисовать?
— Братцы? — заорал Мушкетер. — Не его письмо. Нет щенка!
— Есть! Это что?
— Это щенок?! Товарищи, глядите! Разве это щенок?
— Это кабан, — сказал Славка.
— Нет, — возразил Мушкетер. — Это синий верблюд.
Этого уж Уголек не выдержал. Разве виноват он, что «тройка» по рисованию еле-еле? Уголек отвернулся, и у него задрожали плечи.
— Ревет, — сказал Шуруп. Все примолкли. Толик потрогал Уголька за плечо:
— Подожди ты...
— Может, он правду сказал, — задумчиво произнес Славка. Тетка вдруг вскипела:
— Ироды! — Она была девчонкой. Хоть и сердитой, но все-таки девчонкой. И сердце у нее было девчоночье. — Издеваются над человеком! Его письмо, ведь сами видите, олухи! У, Мушкетерище!
— А я чего? — пробормотал растерявшийся Мушкетер. — Раз это верблюд... И все равно же он боится темноты...
Это уж было слишком!

НОВЫЙ ДОМ И НОВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ШЕНКА

Щенок бросил кость, которую нес в зубах. Было жаль ее, но он бросил. Не мог он тащить ее с собой.

Белый щенок уходил в лес.

Хозяина себе он так и не нашел, а дом у него сгорел. А жить без хозяина и без дома щенок больше не мог. Старый Нептун был прав, щенок это понял теперь.

Ну, что ж, раз он не нужен никому, он уйдет в лес и станет диким.

Лес давно звал щенка. Ветер приносил оттуда странные запахи. Они были непонятные и в то же время знакомые. Они беспокоили щенка. Белый щенок садился у дороги и смотрел в конец улицы. Там протянулась светлая полоска березовых кустов. А из-за нее поднимались зеленовато-синие головы сосен. Совсем близко. Добежать можно очень быстро.

Но щенок не бежал. Лес не только звал его. Он еще и пугал. Как только щенок подходил к кустам, лапы делались слабыми. Не хотели идти лапы в лес. Мало ли что там в лесу. Шумит там глухо и непонятно. Может быть, ветер шумит, а может быть, чудовище с перьями на голове. Как выскочит да как погонится...

Несколько раз щенок подбирался к опушке. И уходил. Он привык жить на улицах. Там у него был дом.

Но сейчас дома нет. И щенок уходит в лес.

Наступил вечер. Шум в лесу утих, а запахи стали резче.

Щенок остановился у березок и повел носом. На черном влажном носу блестела желтая искорка солнца, которое уползало за деревья. Пахло травами, увядшими листьями, муравейниками и смолой. Пахло земляникой и нагретыми камнями.

Щенок раздвинул мордой низкие ветки и вошел в лес. Он уже перестал бояться. Но что-то настораживало его и заставляло идти пружинистым осторожным шагом.

Так щенок прошел сквозь березняк и оказался на бугре, где росли сосны. Прямые тонкие деревья стояли часто. Низкая трава под ними была усыпана сухими иголками. Они покалывали лапы. Сквозь ветки светилось вечернее желтое небо.

Маленький зверек метнулся с корявой ветки и перелетел на другую сосну — выше, к самой вершине. Покачался и начал спускаться.

И щенок рванулся к стволу. Рыжий зверек с пушистым хвостом качался среди зеленых лап и черными бусинками поглядывал на щенка.

Щенок встал на задние лапы, а передними уперся в ствол. И поднял морду. Глаза у него заблестели. Он залаял. Он лаял коротко и деловито. Звонкий голос щенка разнесся далеко по лесу. Непонятный маленький зверь востроухнулся и сердито застрекотал. Щенок не умолкал. Он был уверен, что делает важное дело. Щенку казалось, что сейчас кто-то придет и поможет поймать удивительного зверя, не похожего ни на кошку, ни на собаку. Надо только лаять, он это знал. И щенку стало весело.

Если бы здесь был старый умный Нептун, он бы понял, что случилось: это заговорила кровь северных собак. В щенке проснулся охотник.

Никто не явился на лай щенка. Рыжий зверек умчался по веткам. Сначала щенок побежал за ним, потом отстал. Он сел и стал чесать за ухом. Донимали блохи.

Солнце блеснуло последний раз среди стволов и ушло. Лесные запахи стали сильнее. Они колыхались вокруг щенка волнами.

Но сквозь них щенок вдруг почуял человеческий след. И пошел по нему.

Он не хотел больше ходить за людьми. Все равно никто не зовет его. И все-таки пошел по следу.

Стало темнее. Щенок спустился с бугра. След вел сначала через папоротник, а потом через мелкий сосновый молодняк. Щенок грудью раздвигал траву и ветки.

След привел к большому камню, а за камнем была дыра. Щенок залез в нее.

Он понял, что нашел дом.

Недавно были здесь люди, щенок это чувствовал. Он сначала хотел убежать, потому что дом был не его, не такой, как под ящиками. Но хотелось есть, а щенок слышал хлебный запах, смешанный с запахом травы.

Голод победил, и щенок остался. Лапами с длинными, отросшими когтями он стал разгребать сухую траву, которая устилала пол. Выкапывалась и перевернулась картонная коробка. Ломтики сухого хлеба посыпались на лапы щенка.

Если бы щенок умел читать и если бы в шалаше было светло, щенок заметил бы надпись на коробке: «Аварийный запас патруля».

Но он, конечно, ничего не заметил. Он просто съел много кусков очень сухого хлеба, а остатки зарыл в траве.

Потом щенок лег на подстилку и закрыл глаза. Ему уже не хотелось уходить. К щенку опять пришли Воспоминания.

Ему казалось, что так уже было. Был темный лес и дом из веток, построенный человеком. И пахло смолой, листьями и муравьями. Но тогда еще пахло дымом и мясом. А в щели между ветками залетали отблески огня. Огонь был добрый, непохожий на тот, который сжег ящики. Он только грел.

И еще были рядом люди. Они говорили и смеялись, а один гладил щенка большими Руками. Руки пахли смолой, рыбой и ружейным маслом...

Сейчас не было людей и огня. Был только темный лес и шалаш, а о людях напоминали их следы.

Щенку отчаянно захотелось, чтобы люди пришли и зажгли огонь. Чтобы кто-нибудь провел по его меху ладонью...

Щенок вспоминал Руки. Ему показалось даже, что он чувствует их. Но он теперь знал, что это неправда. И он впервые заскулил не от голода, не от боли, а просто от одиночества.

ПОЧТИ КОНЕЦ. НЕДОВОЛЕН ТОЛЬКО ВЬЮН, И ТО ПО ГЛУПОСТИ

Зверек вскочил на ветку, и его рыжий хвост вдруг превратился в огненные перья на голове чудовища. Чудовище замахало желтыми крыльями и грохнуло сапогами. Щенок завизжал и стал убегать, а лапы у него не хотели двигаться. Щенок с трудом полз по колючим прошлогодним иголкам. Кругом падали железные обручи с сетками.

Щенок наконец рванулся и будто сбросил тяжесть. Он помчался к костру. За соснами плясал красный огонь, а там были люди! Щенок летел к людям, к огню.

Но вдруг пламя выросло и ослепило щенка. Это горели ящики. Много ящиков, и они горели кругом. Это был дом из огня! Щенок заметался в нем, а потом зарылся в траву и зажмурился.

Он долго боялся открыть глаза, а когда открыл, то увидел, что лежит в шалаше, и огня никакого нет, а есть яркий свет, белый и неподвижный. Светил большой круглый глаз, похожий на маленькое солнце.

Щенок испугался, но глаз тут же погас. Пришла темнота, и сначала щенок не видел ничего, только плавали красные пятна. Но он понял, что здесь человек. У людей не бывает горящих глаз, но все равно это был человек. Щенок прижал уши и насторожился.

Свет еще раз ослепил щенка и снова погас.

Кто-то сказал:

— Снежок.

Красные пятна растаяли, и белый щенок увидел человека.

Человек стоял у входа в шалаш. За ним было зеленое небо, и он казался черным. Это был маленький человечек. Такой же маленький, как девочка, которая спасла щенка от людей с сеткой.

Щенок сначала подумал, что это и есть та девочка и что она пришла за ним.

— Снежок, — снова раздался тихий голос. — Ты как сюда попал? Снежочек, не бойся...

Щенок понял, что ошибся. Голос был немного не такой.

Маленький человек протиснулся в шалаш и сел у входа на корточки. Луна выглянула из-за его спины и все осветила: щенка, стены из веток и фанеры, брошенную коробку. Свет ее отразился от гладкого фанерного листа и упал на маленького человека. Заблестел в черных глазах и на голых коленках.

Мальчик бросил в угол палку с привязанным камнем. Щенок вздрогнул.

— Не бойся, — прошептал мальчик. — Не бойся, Снежок. Иди сюда. Теперь я тебя нашел.

Щенок не понял слов. Но понял, что его зовут. Он заколотил хвостом и пополз по траве, которая устилала пол. Он пополз и встретил руки мальчика.

Руки стали гладить голову и спину щенка. Щенок прикрыл глаза и замер. Ему стало тепло. Будто недалеко зажгли костер, и теплый воздух окутал щенка. Маленькие руки не пахли рыбой и ружейным маслом. Пахли пока только смолой. Но они были добрые. Такие же, как те Руки, которые щенок помнил.

Он не знал, сколько времени прошло. Ведь щенки не умеют считать время.

Мальчик звонко сказал:

— Снежок! Ну, пошли.

Он выпрямился. Щенок забеспокоился и вскочил. Мальчик задел головой крышу, и посыпались сухие листья.

— Не бойся,— сказал мальчик.— Мы идем домой.

Он взял щенка на руки и выбрался из шалаша в лес, залитый луной. Щенок сидел тихо. Он успокоился, и ему было хорошо.

Но вдруг мальчик остановился.

— Постой! А доказательство? — Он объяснил щенку: — Они не верят.

Думают, что я побоюсь... Сами они синие верблюды.

Он перехватил щенка и держал его теперь одной рукой. В другой руке у него снова вспыхнул огненный глаз.

— Это папкин фонарик, — сказал мальчик щенку. — Я думал: он привезет мне собаку, а он привез фонарик. Ну и хорошо. Зачем мне две собаки?

Щенку стало неудобно висеть. Тонкая рука оплела его, как обруч, и давила живот. Щенок задергал лапами.

— Ну, не царапайся, — попросил мальчик. — Я сейчас...

Из кармана ковбойки он вынул сложенный вчетверо листок. Развернул и наколол его на сучок у входа.

— Думают, мне страшно. Сказали, что не смогу второй раз...

Большая луна светила очень ярко, и на листке четко выделялись слова:

ВСЕ РАВНО Я
НЕ БОЮСЬ ТЕМНОТЫ

Вот почти вся история. Уголек принес щенка домой. Проснулась мама.

— Смотри, — сказал Уголек. — Я его нашел.

Мама заломила руки.

— Боже мой, — тихо простонала она. — Где ты был? О-о! По крайней мере... вымой его. Я сойду с ума.

Но она успокоилась и с ума не сошла.

А Вьюн взлетел на буфет и басовито выл от негодования и ужаса.

Он еще не понял, что щенок принес ему освобождение.

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

Машина прошла четыреста семьдесят километров. Оставалось еще пять. Машина чихнула и встала. Шофер вспомнил всех знакомых чертей, поднял капот и по пояс залез в мотор. Когда он выбрался, на лице его была безнадежность.

Я понял, что самое лучшее — заканчивать экспедицию пешком. Мои друзья так не думали и остались в кузове под брезентом. За ночь, наверное, не выпалились.

Шоссе петляло, и, чтобы сократить дорогу, я пошел в город через лес. Был конец сентября. Лес на горных склонах уже не казался одинаковым. Его синевато-зеленая шкура пестрела красноватыми и желтыми заплатками. Сразу было видно, что в сосновом бору есть лиственные островки.

Березы стояли в желтых кольчугах. Кое-какие травы тоже увядали.

На зеленом ковре то и дело мелькали кружевные разноцветные листья — золотистые, оранжевые, красные с черными точками. Но еще цвели мелкие ромашки. Они поднимались шапками и ярко белели среди темных камней.

Я шагал быстро, потому что рюкзак и ружье оставил в машине. Минут через тридцать я увидел знакомую вершину с большими круглыми камнями, а потом в просвете между соснами показались крыши Стрелогорска.

Начинался березняк. Желтые ветки хлестали меня по брезентовой штормовке.

Сквозь шорох листьев мне послышались чьи-то шаги. Я хотел оглянуться, но споткнулся о камень. Чтобы не упасть, пришлось схватиться за ветку. Она согнулась.

— Стойте!

Я выпрямился и ветку отпустил. Из кустов на меня выскочил мальчишка. Небольшой, лет девяти, в форменной фуражке с ремешком на подбородке. Глаза, большие и черные, как два угля, сердито блестели из-под козырька.

— Зачем вы ломаете ветки? — звонко и отчетливо сказал мальчишка. — Ветки вам мешают?

На животе у него висел фотоаппарат. Открытый объектив «Смены-8» смотрел на меня тоже строго и неприветливо. Как зрачок ружейного ствола.

Я люблю все живое. Я сам не терплю, когда ломают ветки. И потому ответил:

— Я чуть не упал, вот и схватился. Не нарочно. Смотри, она даже не сломалась.

Он старательно и долго осматривал ветку. Может быть, даже слишком долго. Наверно, мальчишке стало неудобно: зря напал на человека.

— Ну ладно, — сказал он чуть-чуть виновато и закрыл объектив. — Я же не знал. Ведь многие ходят и ломают деревья. Кто на веники, кто просто так ломает, ни за чем...

Я сказал, что понимаю, но что сам я не из таких. И хотел уже идти.

Но раздался шум, и с хохотом вылетел из кустов юркий веснушчатый

мальчишка, такого же роста, как первый. За ним, хватая за штаны, мчался крупный белый щенок.

— Шуруп! — черные глаза моего знакомого вновь сердито загорелись. — Ну, Шуруп... Ладно, Шуруп! Тебе для этого дали собаку, да?!

Веснушчатый Шуруп остановился. Он улыбнулся.

— А чего? Ты взбесился, Уголек?

— Ты патруль или кто?

— Ну и пусть патруль, ну и что, — сказал Шуруп. — Я и слежу кругом.

— Так следят? Сам бегают и еще собаку портит. Я, Шуруп, Толику скажу. Узнаешь тогда.

Шуруп задумался. Наконец он ответил:

— Говори. Толька все равно не дерется.

— Тогда я сам могу...

— Ха... Помог один раз Курилыча оштрафовать и расхвастался. Все равно не ты штрафовал, а Сережа...

Уголек закусил губу. Потом медленно произнес:

— Тогда с тобой поговорит Мушкетер. Или лучше Тетка... Снежок, к ноге!

Напоминание о Тетке было, видимо, не очень приятным. Шуруп струхнул. А щенок не испугался. И к ноге он не спешил. Он сел и начал разглядывать меня озорными золотистыми глазами. Был щенок совсем белый, а на ухе... на ухе черное пятнышко!

Черт возьми! Маленькое пятнышко на левом ухе, крошечный черный треугольник...

— Как ты зовешь его? — спросил я Уголька.

Он сказал:

— Снежок.

Ну что ж... Снежок так Снежок. Когда-то его звали Норд. Это я знаю точно.

Нордик...

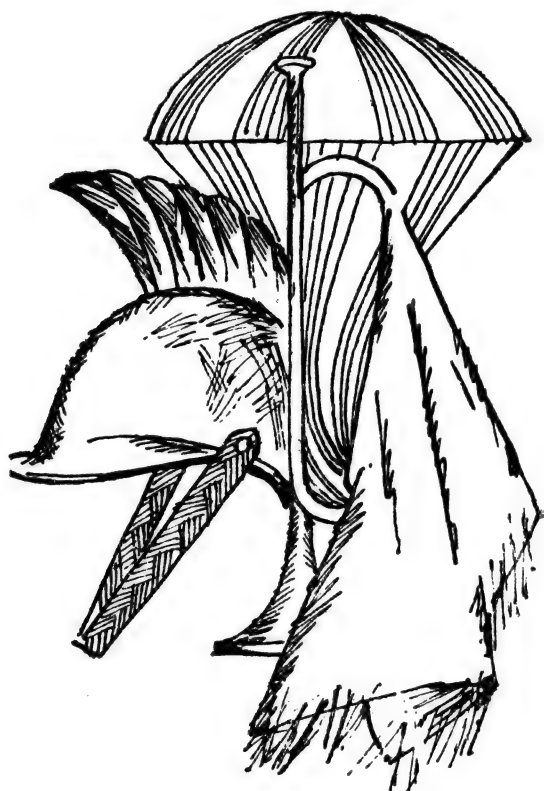
Так глупо все получилось, Норд. Вез я тебя из далекого стойбища на реке Конде и потерял у самого города, в поезде. Когда я выскочил в тамбур, пьяный парень с большой корзиной бормотал, что не видел никакого щенка.

Ты был тогда смешной и пушистый. Не такой большой. Любил, когда брали на руки... Впрочем, ты ведь не помнишь. Смотри, как вырос.

Тебе все-таки повезло. Еще походишь по охотничьим тропам, когда подрастете вместе с хозяином. Ты нашел хорошего хозяина. И дело у вас хорошее, раз вы охраняете наш лес.

Этот лес уходит далеко-далеко и сливается с другими лесами. А те леса уходят еще дальше. Они теряют границы. Это уже зеленый океан, который называется Тайга.

ПОЧЕМУ
ТАКОЕ
ИМЯ?

ПОЧЕМУ ТАКОЕ ИМЯ!

Тоник, Тимка и Римма возвращались с последнего детского киносеанса из клуба судостроителей.

— Далеко до моста, — сказал Тимка. — Айда на берег. Может, кто-нибудь перевезет.

— Попадет, если дома узнают, — засомневался Тоник.

Римка презрительно вытянула губы:

— Мне не попадет.

— Он всегда боится: «Нельзя, не разрешают...» Петька и тот не боится никогда, — проворчал Тимка. — Пойдешь?

Тоник пошел. Уж если маленький Петька, сосед Тоника, не боится, то ничего не поделаешь.

Обходя штабеля мокрого леса и перевернутые лодки, они выбрались к воде. Было начало лета, река разлилась и кое-где подошла вплотную к домам, подмывала заборы. Коричневая от размытого песка и глины, она несла бревна и обрывки плотов.

По середине реки двигалась моторка.

— Везет нам, — сказал Тимка. — Вон Мухин едет. Я его знаю.

— Какой Мухин? Инструктор ДОСААФ? — поинтересовалась Римка.

— Ага. Его брат в нашем классе учится.

Они хором несколько раз позвали Мухина, прежде чем он помахал кепкой и повернул к берегу.

— Как жизнь, рыжие? — приветствовал ребят Мухин. — На ту сторону?

Рыжей была только Римка.

— Сами-то вы красивый? — язвительно спросила она.

— А как же! Поехали.

— Женя, дай маленько порулить, — начал просить Тимка. — Ну, дай, Жень!

— На бревна не посади нас, — предупредил Мухин.

Тимка заулыбался и стиснул в ладонях рукоятку руля. Все было хорошо. Через несколько минут Тимка развернул лодку против течения и повел ее вдоль плотов, которые тянулись у правого берега.

— Ставь к волне! — закричал вдруг Мухин.

Отбрасывая крутые гребни, мимо проходил буксирный катер Тимка растерялся. Он рванул руль, но не в ту сторону. Лодка ударилась носом о плот. Тоник ничего не успел сообразить. Он сидел впереди и сразу вылетел на плот. Скорость была большой, и Тоник проехал поперек плота, как по громадному ксилофону, пересчитав локтями и коленками каждое бревнышко.

Мухин обругал Тимку, отобрал руль и крикнул Тонику:

— Стукнулся, пацан? Ну, садись!

— Ладно, мы отсюда доберемся, — сказала Римка и прыгнула на плот. За ней молча вылез Тимка. Тоник сидел на бревнах и всхлипывал. Боль была такой, что он даже не сдерживал слез.

— Разнюнился, ребенок, — вдруг разозлился Тимка. — Подумаешь, локоть расцарапал.

— Тебе бы так, — заступилась Римка. — Рулевой «Сено-солома»...

— А он хуже девчонки.. То-о-онечка, — противно запел Тимка.

Теперь Тоник всхлипнул от обиды. Кое-как он поднялся и в упор поглядел на Тимку. Когда Тимка начинал дразниться, он становился противным: глаза делались маленькими, белесые брови уползали на лоб, губы оттопыривались... Так бы и треснул его.

Тоник повернулся, хромая, перешел на берег и стал подниматься на обрыв по тропинке, едва заметной среди конопли и бурьяна.

В переулке, у водонапорной колонки, он вымыл лицо, а дома поскорей натянул шаровары и рубашку с длинными рукавами, чтобы скрыть ссадины. И все же мама сразу спросила:

— Что случилось, Тоничек?

— Ничего, — буркнул он.

— Я знаю, — сказал папа, не отрываясь от газеты. — Он подрался с Тимофеем.

Мама покачала головой:

— Не может быть, Тима почти на два года старше. Впрочем... — она коротко вздохнула, — без матери растет мальчик. Присмотра почти никакого...

Тоник раздвинул листья фикуса, сел на подоконник и свесил на улицу ноги. В горле у него снова запершило.

— Тимка никогда не дерется.

Папа отложил газету и полез в карман за папиросой.

— Так что же произошло?

— А вот то... Придумали такое имя, что на улице не покажешься. То-о-нечка. Как у девчонки.

— Хорошее имя. Ан-тон.

— Чего хорошего?

— А чего плохого? — Папа отложил незажженную папиросу и задумчиво произнес: — Это имя не так просто придумано. Тут, дружище, целая история.

— Мне не легче, — сказал Тоник, но все-таки обернулся и поглядел украдкой сквозь листья: собирается ли папа рассказывать?

Вот эта история.

Тогда папа учился в институте, и звали его не Сергеем Васильевичем, а Сергеем, Сережей и даже Сережкой. После второго курса он вместе с товарищами поехал в Красноярский край убирать хлеб на целине.

Папа, то есть Сергей, жил вместе с десятью товарищами в глинобитной мазанке, одиноко белевшей на пологом склоне. Рядом с мазанкой были построены два крытых соломой навеса. Все это называлось: «Полевой стан Кара-Сук».

Больше кругом ничего не было. Только степь и горы. На горах поутрам лежали серые косматые облака, а в степи стояли среди колючей травы горячие от солнца каменные идолы и цвели странные синие ро-

машки. Среди желтых полей ярко зеленели квадраты хакасских курганов. В светлом небе кружили коршуны. Их распластанные тени скользили по горным склонам.

По ночам ярко горели звезды.

Но однажды из-за горы, похожей на двугорбого верблюда, прилетел сырой ветер, и звезды скрылись за глухими низкими облаками.

В эту ночь Сергей возвращался с соседнего стана. Он ходил туда с поручением бригадира и мог бы там заночевать, но не стал. Утром к ним на ток должны были прийти первые машины с зерном, и Сергей не хотел опаздывать к началу работы.

Он шагал напрямик по степи. Пока совсем не стемнело, Сергей видел знакомые очертания гор и не боялся сбиться с пути. Но сумерки сгущались, и горизонт растаял. А скоро вообще ничего не стало видно, даже свою вытянутую руку. И не было звезд. Только низко над землей в маленьком разрыве туч висела еле заметная хвостатая комета... Но Сергей увидел комету впервые и не мог узнать по ней направление.

Потом исчезла и комета. Глухая темная ночь навалилась, как тяжелая черная вата. Ветер, который летел с северо-запада, не смог победить эту плотную темноту, ослабел и лег спать в сухой траве.

Сергей шел и думал, что заблудиться ночью в степи в сто раз хуже, чем в лесу. В лесу даже на ощупь можно отыскать мох на стволе или наткнуться на муравейник и узнать, где север и юг. А здесь темно и пусто. И тишина. Слышно лишь, как головки каких-то цветов щелкают по голенищам сапог.

Сергей поднялся на невысокий холм и хотел идти дальше, но вдруг увидел в стороне маленький огонек. Он горел неподвижно, словно где-то далеко светило окошко. Сергей повернул на свет. Он думал, что придется еще много шагать, но через сотню метров подошел к низкой глинобитной мазанке. Огонек был не светом далекого окошка, а пламенем керосиновой лампы. Она стояла на плоской крыше мазанки, бросая вокруг желтый рассеянный свет.

Дверь была заперта. Сергей осторожно постучал в оконце и через несколько секунд услышал мягкий топот босых ног. Звякнул крючок, и скрипнули старые шарниры. Мальчик лет десяти или одиннадцати, в большом, до колен, ватнике понимающе взглянул снизу вверх на Сергея.

— Заблудились?

— Мне надо на полевой стан Кара-Сук, — сказал Сергей.

— У Княжьего кургана? Это правее, километра три отсюда. А вы не здешний?

— Будь я здешний, разве бы я заблудился? — раздраженно заметил Сергей.

— Случается... — Мальчик переступил с ноги на ногу и неожиданно спросил:

— Есть хотите?

— Хочу.

Мальчик скрылся за скрипучей дверью и сразу вернулся с большим куском хлеба и кружкой молока.

— Там совсем темно, — объяснил он, кивая на дверь. — Лучше здесь поесть.

— Ты, что же, один здесь?

— Нет... Я с дедом. У нас отара здесь. Совхозные овцы.

— Значит, пастухи?

— Дед мой — пастух, а я так... Я на лето к нему приехал. Из Абакана.

Сергей сел в траву, прислонился спиной к стене хибарки и принялся за еду. Мальчик сел рядом.

— Джек, иди сюда! — негромко крикнул он и свистнул. Откуда-то из темноты появился большой лохматый пес. Он обнюхал сапоги Сергея, лег и стал стучать по земле хвостом.

— А зачем у вас лампа на крыше горит? — спросил Сергей, прожевывая хлеб.

— Да так, на всякий случай. Вдруг заплутает кто... А в степи ни огонька.

— Спасибо, — сказал Сергей, протягивая кружку.

— Может, еще хотите?

— Не надо...

Сергей не стал объяснять, что сказал спасибо не за еду, а за огонек, который избавил его от ночных блужданий.

Мальчик позвал Сергея в мазанку, но тот не пошел. Ночь была теплой, да и спать не хотелось. Мальчик отнес кружку и вернулся.

Они долго сидели молча. Лампа бросала вокруг мазанки кольцо рассеянного света, но мальчик и Сергей оставались в тени, под стеной.

— Ты каждую ночь обязательно зажигаешь свой маяк? — спросил Сергей.

— Каждую... Только дед сердится, что я керосин зря жгу. Я теперь стал рано-рано вставать, чтоб успеть погасить. Дед проснется, а лампа уже на лавке...

Мальчик негромко засмеялся, и Сергей тоже улынулся.

— Сердитый дед?

— Да нет, он хороший... Он с белогвардейцами воевал, конником был. У него орден Красного Знамени есть.

— А что же он керосин жалеет?

Мальчик не расслышал, и снова наступила тишина.

— Не скучно здесь? — спросил Сергей, просто чтобы разбить молчание.

— Бывает, что скучно. Это, если дождь. А так интересно, тут горы, балки. В балках ручьи чистые-чистые. И шиповник цветет... — Мальчик нерешительно повернулся к Сергею, но не увидел лица. — А вечером делается тихо-тихо. И нет никого кругом. Спускаешься в долину и думаешь: а вдруг там что-нибудь удивительное... Смотришь, ничего нет. Только месяц над горой. Смешно?

— Нет, — сказал Сергей и подумал, что ночью почему-то люди гораздо легче открывают свои тайны.

Сергей неожиданно задремал. Когда он проснулся, то увидел, что ночь посветлела. Снова проступили очертания гор, начинался синий рассвет.

Мальчик спал, завернувшись в телогрейку. Он сразу проснулся, как только Сергей поднялся на ноги.

— Эй, внук, — донесся вдруг из мазанки стариковский голос, — лампы задул? А то я сегодня рано встаю.

Мальчик вскочил. Сергей весело рассмеялся и протянул ему руку.

— Мне пора... Спасибо за огонек, товарищ.

Мальчик смущенно подал маленькую ладонь и покосился на лампу. Она все еще горела неподвижным желтым огнем.

— Как тебя зовут? — спросил Сергей.

— Антон.

— Ну, будь здоров...

Сергей пришел на свой стан, когда первые лучи уже пробились между облаками и каменистой грядой. В это же время подъехал на мохнатой лошадке хакас-почтальон.

— Телеграмма есть! — крикнул он. — Кто товарищ Калунов?

— Калинов, — сказал Сергей и побледнел. — Это я.

Он рванул телеграмму и прочитал первый раз быстро и тревожно, второй — медленно и с улыбкой.

В телеграмме говорилось, что жена Сергея родила сына. Она спрашивала, какое дать ему имя.

— Дай коня! — закричал Сергей. — Пожалуйста, дай. Съезжу на телеграф.

— Что ты! — воскликнул почтальон. — Не могу. Ответ пиши.

И Сергей торопливо начал писать: «Поздравляю сыном Антоном родная...»

Так появился на свете еще один Антон.

— А что дальше? — спросил Тоник.

— Все. Конец.

Тоник, не оборачиваясь, пожал плечами и протянул:

— Ну-у... Я думал, что-нибудь интересное.

— Что поделаешь... — сказал папа.

Тоник молчал. Он приклонил голову к нагретому солнцем косяку и крепко зажмурил глаза. Ему хотелось представить, какая бывает темнота в степи, когда опускается августовская ночь.

И еще Тонику вдруг стало обидно, что ему никогда не приходилось зажечь огонек, который бы помог кому-нибудь.

Когда стемнело, он украдкой взял свой фонарик и вышел на улицу. В переулке горела на столбе лампочка и светились окна. За рекой переливалась целая тысяча огней. Красные и зеленые огни горели у причалов, где стояли буксиры, катера и самоходки. Далекий самолет пронес над городом три цветные сигнальные лампочки...

У каждого был свой огонек, и никому, видно, не нужен был фонарик мальчишки.

И вдруг сразу исчезли все огоньки, потому что глаза Тоника закры-

ли чьи-то маленькие теплые ладони. Тоник мотнул головой и сердито обернулся. Рядом стояли Римка и маленький Петька, и в руках у Римки был небольшой узелок.

— А мы картошку печь будем, — сказал Петька. Тоник толкнул ногой с обрыва обломок кирпича и слушал, как он, падая, шуршит в бурьяне.

— Ну и пеките, — ответил Тоник.

— Антон-горемыка, — вздохнула Римка. — Ты, что, сильно тогда брякнулся, да?

— Тебе бы так, — сказал Тоник.

Римка показала узелок.

— Мы на костре будем картошку печь. Из сухой травы огонь разведем.

— Из травы! Там щепки есть на берегу...

— А тебя отпустят? — спросила Римка.

— Маленький я, что ли...

Они уже стали спускаться по тропинке, когда Тоник все-таки решил спросить:

— А он чего не пошел?

— Тимка-то? Дома его нет, — объяснил Петька.

— Мы проходили мимо, — сказала Римка, — да у него в окне темно. Может, спит уже.

— Ну и что же, что темно, — пробормотал Тоник. Он подумал, что, наверное, Тимка лежит на кровати и смотрит в синее окно на далекие заречные огоньки. Все-таки плохо, если поссоришься, да еще зря.

— Может, он и дома, — вздохнула Римка. — Вы не помирились, да?

— Мириться еще... — сказал Тоник. Он остановился, подумал немного и полез наверх.

Скоро все трое были у Тимкиного дома.

— Постучи в окно, — велел Тоник Петьке.

— Ну да, — сказал Петька. — Лезьте сами. Там крапива в палисаднике во какая.

Тогда Тоник вытащил из кармана фонарик. Он включил его и так повернул стекло, что свет падал узким лучом. Тоник направил луч в окошко и стал нажимать кнопку: три вспышки и перерыв, три вспышки и перерыв...

Свет желтым кружком ложился на занавеску за стеклом и золотил листья герани на подоконнике.

И вот наконец ярко вспыхнуло в ответ Тимкино окно.

АЙСБЕРГИ ПРОПЛЫВАЮТ РЯДОМ

О том, что к ним кто-то приехал, Тоник узнал еще в коридоре. На вешалке висела рыжая собачья доха в бисеринках растаявшего снега, на полу лежал брезентовый тюк и стоял большой потертый чемодан.

Тоник всегда радовался гостям. Но сегодня ни гость, ни даже мысль о том, что завтра воскресенье, не улучшили настроения Тоника. Поэтому он равнодушно поздоровался с высоким лысоватым человеком в сером свитере и даже не стал никого спрашивать, кто и зачем приехал.

— Отметки, что ли, плохие принес? — поинтересовался папа, когда Тоник нехотя сел к столу и начал царапать вилкой клеенку.

— Отметки-то хорошие... — вздохнул Тоник и положил вилку.

— А что нехорошее? — сразу встревожилась мама. — Антон, отвечай сию же минуту!

— Да понимаешь... самолетик. Бумажный. Я его на уроке выпустил случайно. А она сразу в дневник записала.

— Кто она? Ах, Галина Викторовна! Так, — деревянным голосом сказала мама. — Ну-ка, покажи дневник.

Тоник медленно слез со стула. Он знал, что оправдываться не стоит.

А дело было так. Пока весь третий «Б» умирал от скуки, слушая, как Лилька Басова объясняет у доски пустяковую задачку, Тоник мастерил из тетрадного листа маленький аэроплан.

Клочки бумаги упали на тетрадную обложку. «Будто льдины в голубой воде, если смотреть на них с самолета», — подумал Тоник. Летать и смотреть с высоты на льдины ему не приходилось, но это было неважно.

На одном из клочков он поставил несколько чернильных точек: на льдине оказались люди. Они терпели бедствие. С северо-запада и восто-

ка на льдину двигались громадные, ослепительно сверкающие голубоватым льдом айсберги. Тоник сделал их из самых больших обрывков бумаги. Он читал недавно об айсбергах и знал, что шутить с ними опасно. Сейчас они сойдутся, сплющат льдину, и люди погибнут в ледяной воде. Спасти их может только самолет. Скорей!

Но пилот не рассчитал силы мотора. Самолет ударился бумажным крылом о чернильницу, взмыл вверх и упал в проходе между партами...

— Да-а,— сказал папа, прочитав запись учительницы. А мама обратилась к гостю:

— Хорош, а? Беда с ним.— Затем она повернулась к сыну.— Спроси-ка у Германа Ивановича, пускал ли он на уроках самолеты.

Тоник исподлобья взглянул на приезжего, но тот спрятал лицо за большой кружкой и торопливо глотал горячий чай. «Факт, пускал»,— решил Тоник, но промолчал.

— Мы еще с тобой поговорим,— предупредила мама, но было ясно, что гроза прошла.

В соседней комнате кто-то стал царапать дверь. Герман Иванович поднялся и впустил крупного серого щенка. Одно ухо у щенка наполовину висело, другое было острым, как стрелка.

— Барс проснулся. Знакомьтесь.

Тоник тихо чмокнул губами. Щенок подбежал, ухватил Тоника за штанину и весело замотал головой. Он решил, наверно, что так надо знакомиться.

— У него какая порода? — спросил Тоник.— Лайка? А вы с Севера приехали? Я догадался сразу. А вы... видели айсберги?

Герман Иванович серьезно посмотрел на Тоника.

— Нет, айсбергов я не видел,— ответил он.— Очень хотелось увидеть, но до сих пор не приходилось.

Вечером Тоник, Тимка и Петька, сосед Тоника по квартире, сидели в палисаднике перед Тимкиным окном. Тоник рассказывал про Германа Ивановича.

— Веселый такой. Он с папой в одном институте учился. Биолого-охотовед. Сейчас из экспедиции в Москву возвращается и решил нас навестить.

— Там, на Севере, наверно, полярная ночь,— с завистью сказал Петька.

— Нет, он говорит, что солнце бывает. Только оно низко стоит. Красное и большое. Когда летишь, солнце ниже самолета.

— А он на самолете прилетел?

Тимка с сожалением взглянул на Петьку:

— Чему вас учат в первом классе? Пароходы по льду не плавают.

Петька понял, что ляпнул глупость, и от досады стал сбивать с веток мелкие сосульки.

— А тебе повезло, Антон,— вспомнил вдруг Тимка.— Если бы не этот ваш знакомый, влетело бы за твой самолет.

— Тоже уж... Про всякий пустяк в дневнике писать,— сказал Тоник.

— Конечно. Вот у нас Ленька Кораблев живого воробья на уроке выпустил, и то ничего. Только из класса выгнали.

— Воробья? — спросил Петька.

— Ну и Леньку, конечно. А в дневник не писали.

— Хорошо вам, пятиклассникам,— вздохнул Тоник.

— Ага... Только пришлось Леньке брать пальто в раздевалке и полчаса по улицам ходить, чтобы завуч не поймал в коридоре. А знаешь, какой мороз был!

— Подумаешь, мороз! Герман Иванович недавно прямо в снегу ночевал. В тайге. У него спальный мешок есть, большущий. Сверху брезентовый, а внутри меховой.

Петька оставил в покое сосульки и придвинулся ближе. У Тимки заблестели глаза.

— Настоящий?

Тоник презрительно промолчал.

— Поспать бы в нем, а?

— Я и так весь день про это думаю,— соврал Тоник, удивляясь, как такая мысль раньше не пришла ему в голову. Иметь под боком настоящий спальный мешок и не переночевать в нем!

Тимка мечтательно продолжал:

— Мы бы вдвоем в него залезли. Будто ночевка на льдине... Не разрешат?

— Где там! — Тоник уныло махнул варежкой.— Да тут еще этот дурацкий дневник...

Тимка наморщил лоб так, что брови уползли под шапку.

— Головы у вас есть?

— Есть.

— Значит, надо думать.

В девять часов Тимка пришел к Тонику. Он сказал, что отец у него работает во вторую смену, сестра Зинаида ночует у подруги, а ему спать одному в пустой квартире как-то скучновато.

— Где же тебя устроить? — задумалась мама. — На диване будет спать Герман Иванович. На раскладушке вдвоем с Тоником вы не поместитесь. Может быть, на полу?

— А знаешь, — Тоник с серьезным видом почесал затылок, — если так сделать: Тимку — на раскладушку, а для меня попросить у Германа Ивановича этот, как его... спальный мешок?

— Еще новости! — воскликнула мама.

— Да вы не бойтесь, Зоя Петровна, — сказал Герман Иванович и подмигнул Тонику. — Блох в мешке нет.

Мама сделала вид, что совсем не думала про блох, и пошла за простынями, чтобы постелить их внутри мешка.

Ребят поместили в маленькой комнатке, дверь которой выходила прямо на лестницу.

— Пора, — прошептал Тимка, едва был погашен свет и в квартире наступила тишина. — Ну-ка, подвинься.

Печально скрипнула покинутая раскладушка, и Тимка штопором ввинтился в спальный мешок.

— Простыни выкинуть, — заявил он. — В снегу с простынями не но-
чуют.

Они выкинули простыни и несколько минут прислушивались к тишине. Вдруг в коридоре раздалось осторожное шлепанье босых ног. Кто-то сказал свистящим шепотом в замочную скважину:

— Тоник, открой, а?

— Петька. Чего ему надо?

Тоник скользнул к двери и открыл, стараясь не скрипнуть. В полумраке он увидел две маленькие фигурки, завернутые в одеяла.

— Вам чего?

— В мешок,— сказал Петька.

— Дубина! Марш домой! — прошептал из мешка Тимка.

— Я тоже хочу в мешок,— хнычущим голосом сказала вторая фигурка. Это был пятилетний Петькин брат Владик, прозванный Кляксой за постоянное нытье.

— Не влезем же! А Клякса-то еще зачем?

— Не отстают, рева.

В соседней комнате раздались тяжелые шаги. Тимка молнией вылетел из мешка на раскладушку.

— Лезьте, черти,— выдохнул Тоник и захлопнул дверь. Они с Петькой ухватили Кляксу и затолкнули его в мешок. Петька тоже укрылся в мешке. Тоник остался стоять посреди комнаты.

Герман Иванович осторожно приоткрыл дверь.

— Хлопцы, пусть Барс у вас переночует. Можно?

— Можно, — сказал Тоник. — А вы уже легли? А я вот... тоже ложусь.

Теперь в мешке было очень тесно.

— Звали вас? — зашептал Тимка. — Мне Клякса коленкой позвоночник сверлит. А ну, лежи тихо!

Клякса попробовал заныть.

— Заткнись, — сказал Петька так сурово, что Клякса сразу замолчал.

— Ну и достанется нам утром, — вздохнул Тоник.

— Мы рано уйдем. Не заметят, — успокоил Петька.

Минуты три они молчали. Клякса начал мирно посапывать. Где-то в углу тихонько скулил во сне Барс.

— Знаете что? — начал Тимка. — Просыпать нам нельзя. Попадет, если увидят. Давайте дежурить по очереди. Каждый час меняться будем. Вон и часы.

В темноте светился циферблат будильника.

— Здорово, — сказал Петька. — Будто мы в походе.

— Давайте, будто наш пароход налетел на айсберг, и мы высадились на льдину, — предложил Тоник.

— На что налетел? — не понял Петька.

— На айсберг, на ледяную гору.

Тимка не согласился высаживаться на льдину.

— Там еды нет. Лучше на необитаемый остров. На острове хоть белые медведи.

Они поговорили еще немного, поспорили, водятся ли на Северном полюсе пингвины и бывает ли над Южным полюсом северное сияние. Потом договорились, что первым будет дежурить Тимка.

У Тоника слипались глаза.

— Спишь? — спросил Тимка.

— Сплю. Чего нам бояться? Полярная ночь кончилась.

— Скоро за нами придет самолет.

— Конечно. Но следи за белыми медведями. Возьми мой револьвер.

Через час Тимка локтем растолкал Тоника.

— Твоя очередь. Слышишь?

— Ага... — зевнул Тоник.

Тимка повернул голову и прошептал ему в самое ухо:

— Ты Петьке дай поспать побольше. Все-таки мы старшие.

— Конечно, — пробормотал Тоник. — Дам...

Он сказал машинально, а думал о другом. Думал, что тень, которая ложится от него на снег, очень длинная, потому что солнце стояло совсем низко. Большое, красное, как спелый помидор, оно повисло над кромкой льдов. Снег был залит оранжевым светом. Фиолетовые тени тянулись по нему от ледяных глыб. Льды кончались у береговых скал.

У самого берега медленно плыли айсберги. Они были громадные, как горы. С одной стороны их освещали красные лучи, с другой, в тени, айсберги были голубые. Они целиком отражались в тихой темно-зеленой воде. Потом по снегу скользнула большая тень, и в воздухе стал кружить самолет. Был он белый, в тонкую синюю клетку. Громко шуршали его бумажные крылья...

Утром, в половине девятого, Герман Иванович пошел в комнату, чтобы взять из чемодана бритву. Он открыл дверь и замер на пороге. Из его спального мешка торчали четыре головы. Справа виднелся аккуратный Петькин чубик, за ним взлохмаченный затылок Тоника, Тимкин белобрый ежик и стриженная под машинку круглая голова Кляксы.

А в раскладушке, удобно расположившись на чистой простыне, спал Барс. Он морщил нос и беззвучно рычал. Барсу снились белые медведи.

□

МИНУТА СОЛНЦА

У забора, где растут большие лопухи и высокий репейник, есть скамейка. Это даже не настоящая скамейка, а старая доска на столбиках из обломков кирпичей. Столбики сложили ребята. А доску они оторвали от забора, чтобы получилась лазейка. Теперь хорошо: и дорога к реке стала короче, и скамейка есть. Можно здесь посидеть и поговорить о разных вещах.

Но сейчас говорить не с кем. Тоник сидит один. Тимка все еще купается, а Петька с Кляксой и Римка ушли обедать. Только на самом конце скамейки греется на солнышке тощий кот Аркашка. Он дремлет, но один глаз у кота все равно приоткрыт. Аркашка и во сне следит этим глазом, нельзя ли поймать бабочку или даже воробья, чтобы сожрать. Серый Аркашка еще не совсем взрослый кот, но бандит и обжора.

С другого конца двора слышен голос:

— Тоник, иди же, наконец, обедать!

Это мама зовет его. Но уходить Тонику не хочется. Солнце пригревает голые плечи, маленький ветер трогает волосы, которые уже высохли после купания. Иногда хорошо посидеть просто так, глядя, как качаются листья, травы.

— Шас,— говорит Тоник. Это значит «сейчас».

— Никаких «шас»! Все остынет. Через минуту чтобы был дома!

Минута — это много или мало? Тоник не раз сидел здесь и знает, что за минуту тень от забора должна переползти с рыжего кирпичного обломка примерно вон до того клочка бумаги в траве. Чтобы ветер не сдвинул бумажку с места, Тоник вытягивает ногу и прижимает клочок пяткой.

Тень движется почти незаметно для глаза. Но зато очень даже заметно для глаза выползает из травяных джунглей черный жук с усиками. Жук блестящий и круглый. Величиной он с копейку. Жук карабкается, как по канату, по шнурку от тапочки и взбирается на ногу к Тонику. Тоник вздрагивает и хочет сбросить усатого гостя. Только тут же спохватывается, потому что надо воспитывать в себе смелость. А как быть смелым, если пугаешься какого-то жучка?

Тоник решает сидеть и не шевелиться. Жук очень быстро ползет вверх по ноге. Даже совсем его не чувствуешь: такой он легкий. Но хоть

легкий и маленький он, а все равно страшновато: вдруг возьмет, да как цапнет! Но жук не цапает, а мирно продолжает свой путь. Добрался почти до колена. Здесь он останавливается и начинает шевелить усами. «Зачем полез на такую высоту?» — думает Тоник. Наверное, это очень любопытный жук. А может быть, это даже великий путешественник из Страны насекомых. Он бродил сейчас в незнакомом лесу из гигантских репейников, среди кирпичных скал под лопухами, громадными, как зеленое небо. Когда-нибудь путешественник вернется домой, и на радостях насекомые устроят бал. Божьи коровки будут водить на широких листьях медленный хоровод, разноцветные бабочки примутся танцевать «Вальс цветов» под оркестр веселых кузнечиков. А знаменитый жук сядет в кругу уса­тых родственников и соседей и начнет рассказ про чужие края, приключения и встречи с чудовищами...

Тоник подумал о чудовищах и покосился на кота. Вовремя вспомнил. Аркашка открыл оба глаза. Полосатый хвост его тихо вздрагивал от охотничьего азарта. Аркашка увидел жука!

Тоник пальцем сбросил «путешественника» в траву, а коту показал язык. Аркашка с досады зажмурил оба глаза. А жук скрылся в траве. Наверное, сидел под лопухами и думал о непонятной силе, которая швырнула его с высокой горы. Будет о чем рассказать друзьям-насекомым!..

Край тени, пока Тоник наблюдал за жуком, сполз с кирпичного обломка и почти коснулся бумажного обрывка. Тень делалась все короче, освобождая место для солнца. И вдруг самый храбрый луч, который дальше других забрался в траву, заблестел на чем-то серебряном.

Тоник не успел даже заинтересоваться, что это там загорелось под солнцем. Он сразу вспомнил, как увидел такой же серебряный блеск в густом лесу.

Это случилось в начале лета. Тоника и еще многих третьеклассников должны были принимать в пионеры. Сбор дружины решили сделать необычным, провести его в лесу. Кончался май, и вокруг широких полей празднично шумели светлые березки.

Тоник рано проснулся в то утро.

Но, как назло, договорился он идти на сбор вместе с Тимкой, и поэтому случилась беда.

Тимка слишком долго собирался. Он сначала чистил ботинки, потом искал фуражку, хотя можно было идти и без нее. Тоник нетерпеливо ерзал на стуле, а Тимка вытаскивал фуражку из-за шкафа шваброй и говорил:

— Успеем. Еще даже рано придем.

Он совсем даже не волновался, этот Тимка, потому что его приняли в пионеры два года назад.

И они опоздали в школу, где перед походом в лес собиралась дружина.

Это была такая беда, с которой справиться невозможно. Ссутулившись, Тоник отвернулся к стене и стал отковыривать ногтем масляную краску. В непривычной тишине пустого коридора четко тикали часы. Часам все равно, если даже у человека громадное несчастье.

— Слезки на колесиках. Подумаешь...— сердито сказал Тимка.— А ну, айда бегом! Дорогу-то я знаю.

Тоник помнит огородные плети и рыхлые гряды на окраине, через которые он с Тимкой мчался напрямик. Еще помнит зеленое поле и дальнюю стену леса. Лес был все ближе и ближе. И, наконец, обступил их со всех сторон.

Ребята отдыхали и бежали снова. И над вершинами сосен, не отставая от Тоника и Тимки, мчались белые облака.

Но вот за ручьем, у опушки березовой рощицы, затерялась последняя тропинка. И пришлось остановиться.

— Подумаешь...— снова сказал Тимка. Но больше он ничего не сказал. Тоник отвернулся от него. Было тихо в лесу. Облака неподвижно стояли над деревьями. Солнце насквозь просвечивало молодые листики и блестело у Тоника на ресницах. А потом из-за деревьев ударил в глаза другой, яркий серебряный блеск. Тоник невольно взглянул туда из-под ладони и сразу вскочил.

И облака снова помчались над вершинами деревьев, а потом остановились над широкой поляной. На поляне большим квадратом выстроилась дружина, а в середине этого квадрата стоял горнист Васька Серегин и готовился протрубить сигнал «слушайте все!». Солнце ослепительно горело на венчике горна...

И сейчас, когда что-то засверкало в зелени серебряным блеском, Тоник вспомнил этот самый хороший день.

Но что же там в траве? Он хочет встать и посмотреть, но тут вырастает и разбегается по всему двору мягкая серая тень. Тоник поднимает голову. Маленькое облако набежало на солнце. У облака темная середина и лохматые, желтые от просвечивающих лучей края. Рядом с ним стоят в небе два других облачка, поменьше.

— Облака, облака...— шепчет Тоник, и вдруг сами собой добавляются несколько слов:— Вы лохматые бока...

Почему-то вспоминает сразу же Тоник, как еще прошлым летом неожиданно у него сложились строчки про голубей, улетающих к солнцу. Он прибавляет их к новым строчкам про облака, и получается не то песенка, не то считалка:

Облака, облака.
Вы лохматые бока,
К солнцу не летите!
Все вы там сгорите...

И облака, испугавшись, уходят от солнца. Серебряный блеск острым лучиком снова покалывает глаз. Тоник вскакивает и раздвигает стебли лебеды. Там лежит жестяной пропеллер. Знакомый пропеллер-вертолет, который Тоник недавно вырезал из блестящей консервной банки. Нашелся!

Но тут будто снова тень ложится на землю. Только это не тень. Солнце светит по-прежнему. Просто убегает от Тоника хорошее настроение. Ведь из-за пропеллера поссорился он с Петькой. Значит, зря поссорился.

Два дня назад Тоник и Петька запускали «вертолет» с нехитрого сооружения из катушки для ниток и палочки. Дернешь за нитку — пропеллер срывается и с жужжанием летит на другой конец двора. И вот один раз «вертолет» упал в траву, а недалеко стоял Петькин брат Клякса. Встав на четвереньки, пошарил Клякса в траве, поднялся и сказал — Нету.

Тоник с Петькой поискали и тоже не нашли. И показалось Тонику, что глаза у Кляксы блестят как-то подозрительно.

— Клякса, говори сразу! — потребовал он. — Стянул вертолет?

— Нету, — повторил Клякса.

— Лучше отдай, а то получишь сейчас,— вмешался Петька.

Клякса переступил с ноги на ногу и заморгал:

— Нету же его...

— Не брал он,— уверенно произнес Петька.— Если он врет, то не моргает, а просто сопит.

— Он и сейчас сопел,— настаивал Тоник.— Он под рубашку сунул вертолет. Дай-ка, посмотрю.

Но Петька не дал.

— Думаешь, все жулики, да?

— Я не думаю... А Клякса жулик. Камеру от футбола кто стянул? Он стянул и гвоздем пропорол.

Это была правда, но Петька обиделся за Кляксу. Хоть Клякса и рева, а все равно брат.

— Может, ты сам пропорол,— нахально заявил Петька.

Драки не случилось, потому что Петька почти на два года младше Тоника и слабее. Так всегда. Кто бы ни ссорился здесь, драк не бывает: силы у всех разные. Тимка больше Тоника, Римка — девчонка и связываться с ней вообще не стоит, хоть сама она бывает не прочь. В общем, как ни поверни, ничего не выйдет. Только иногда Петька треснет Кляксу ладонью по затылку, но это их дело, семейное.

Вот и сейчас Петька знал, что драки не будет и говорил нахальные вещи. Может быть, Тоник и дал бы ему все-таки один раз, но пришла во двор Римка.

— Вот базар! — вмешалась она.— Ты, Антон, взял бы да вырезал новый пропеллер. Долго тебе, что ли?

Это она правду сказала: недолго. Но уже не хотелось заниматься «вертолетами». Скучно...

Так они с Петькой и разошлись. И теперь не поймешь толком, в ссоре они или нет. А если говорить честно, то, конечно, в ссоре. Когда вся компания вместе, то вроде бы они и не ругались. А как вдвоем останутся — в разные стороны.

Тоник держит на ладони пропеллер и думает, что надо мириться с Петькой. Подойти к нему и сказать, что «вертолет» нашелся... а камеру проткнул все-таки Клякса. И все будет в порядке...

— Антон! Долго нам тебя ждать?! — слышен мамин голос. Тоник вздрагивает от неожиданности. Край тени уже переполз через бумаж-

ный клочок, и минута, конечно, прошла. Она, оказывается, большая, эта минута. Тоник вон сколько успел за нее! Спас от гибели великого путешественника. Вспомнил про самый хороший день. Сочинил не то ситалку, не то песенку про облака. И с Петькой решил помириться...

Раскинув крыльями руки и жужжа, как самолетный мотор, Тоник летит «на заправку». О минуте, проведенной на скамейке, он уже забыл. Впереди сегодня еще много разных минут: то ясных, как синее небо, то затуманенных тенью набежавшего облака, то радостных, как солнечный блеск сигнальной трубы.

□

РУБИКОН

— Нытик,— сказал Тимка.

— Трус,— добавил Тоник.

— Ты бы хоть воспитывал его, Петька,— вздохнула Римка.— Ему через год в школу идти, а он только реветь умеет.

— Сами попробуйте. Я вчера воспитывал. Меня за это в угол поставили... Как дошкольника какого-то.

Это воспоминание так расстроило Петьку, что он даже хотел треснуть Кляксу по затылку. Но тот догадался и пересел на край поленицы.

— Воспитаешь такого,— проворчал Тимка.— Всего на свете боится, даже каких-то паршивых гусakov.

Клякса обиженно покосился на ребят, но ничего не сказал. Это была правда. Гусей Клякса боялся даже пуше, чем грозы или пчел.

Этих зловредных птиц завела соседка Нелли Прокопьевна. Она недавно вышла на пенсию и решила заняться птицеводством. С тех пор началась для Кляксы совсем скверная жизнь. Гусаки его возненавидели. Неизвестно за что, просто загадка какая-то.

Как только Клякса выходил на крыльцо, гуси вытягивали шеи и хищно шипели. Потом они медленно двигались в наступление. Большой светло-серый гусак шел в лобовую атаку, а белый, который был поменьше, обходил Кляксу с левого фланга. Конечно, Клякса ревел и пускался в бегство.

Всем опротивело Кляксино нытье.

— Хватит! — сказала Римка. — Клякса! Ты должен перейти рубикон. Глаза у Кляксы сделались круглыми, как синие блестящие пуговицы.

— Чего? — спросил он.

— Рубикон, — терпеливо объяснила Римка. — Так говорят. Это значит перебороть страх.

— Это один царь так сказал, — вмешался Тоник. — Он все думал и думал, переходить или не переходить реку перед боем. А потом решил перейти, чтоб некуда было отступать.

— Не царь, а римский император, — сказал Тимка. — Юлий Цезарь. Мы это проходили.

Клякса ничего не понял. Вернее, понял только, что он должен сделать что-то особенное. Он засопел и на всякий случай прыгнул с поленицы.

— Ничего он не перейдет, — махнул рукой Петька. — Я его знаю.

И Клякса вдруг остановился. Он совсем было хотел уйти домой, даже заморгал, но вдруг остановился. И спросил:

— А как переходить?

— Очень просто, — посоветовала Римка. — Выйди на крыльцо и дверь за собой захлопни. Бежать-то некуда будет. Вот ты и дашь этим гусьям как следует.

— Дашь! — уныло возразил Клякса. — Они вперед дадут.

Почему-то ему захотелось доказать, что гуси не такой уж пустяк, как все думают.

— Вон как за ногу тяпнули. Такой синячище.

— Не ври! Это ты о ступеньку треснулся, — сказал Петька. — Иди сюда. Кому говорят? Будешь переходить рубикон?

Клякса молчал. Тимка полез в карман.

— Если так боишься, вот возьми. Не реви только и не бойся. А то уж надоело...

Он вытащил рогатку. Рогатка была новая, с красной резиной, гладкой белой ручкой и черной кожанкой.

Клякса медленно подошел. Все смотрели на него молча. Ждали. И Кляксе первый раз в жизни стало неловко оттого, что на него так глядят. Может быть, это было потому, что смотрели сразу четверо и не дразнились, а только думали, что он самый последний трус. А может

быть, потому, что Кляксе уже было почти шесть лет. Когда шесть лет, не очень-то приятно признаваться, что ты трусишь.

Клякса посмотрел на новую рогатку, потом на Петьку.

— Давай,— сказал он и потянулся за Тимкиной рогаткой.

В тот день гусей не выпускали из сарая, и перейти рубикон не удалось.

Ночью Петька проснулся оттого, что кто-то залез к нему на кровать. Он здорово перепугался, а когда увидел Кляксу, то разозлился. Он даже вытянул из-под одеяла руку, чтобы дать Кляксе подзатыльник, но раздумал. Клякса это сообразил и прижался к нему поплотней.

— Петя, а зачем дверь закрывать? — прошептал он. Петька ничего не понял.

— Ну, завтра,— объяснил Клякса.— Когда гуси...

— Тебе ж сказали,— ответил Петька.— Чтобы не сбежал опять.

Клякса молчал. Петька только слышал его дыхание.

— А что такое рубикон? — снова раздался Кляксин шепот. Но Петька сам толком не знал.

— Когда отступать нельзя, это и есть рубикон. Ты целься прямо в башку, если гусаки полезут.

Клякса вдруг соскочил и зашлепал к своей кровати. Петьке стало его почему-то жалко. Он хотел что-нибудь сказать Кляксе, но сразу не мог придумать. А пока думал, заснул...

Утром все собрались в коридоре.

— Ты поближе подпусти,— учил Тимка.— А потом бей в упор. Понял?

В карман рубашки он насыпал Кляксе пригоршню мелких камешков.

Тоник снял защелку с самозакрывающегося замка, которым обычно не пользовались.

— Не вздумай бежать за калитку,— предупредила Римка.— И дверь закрой.

А Петька ничего не сказал. Только подобрал с пола еще один камешек и сунул его в Кляксин карман.

Ребята ушли на речку, а Клякса остался в коридоре. Один раз он высунул голову за дверь, но сразу спрятался. Гуси ходили недалеко. Серый увидел Кляксу и гоготнул: «Доберемся, погоди».

Клякса вынул рогатку, вложил камень и шумно вздохнул. Потом он подпернул на плече лямку штанов, как поддегивают ружейный ремень, отправляясь в опасный поход.

— Раз, два, три,— прошептал Клякса, но не двинулся с места. Как только он представил, что останется один на один с гусаками, в животе у него заглодело. Клякса мотнул головой и еще раз сосчитал до трех. И вдруг без всякого счета выскочил на крыльцо и захлопнул дверь.

Гусаки как по команде взглянули на Кляксу. Они вытянули шеи, опустили к самой земле головы и приоткрыли клювы. Клякса прижался к двери спиной. Он судорожно натянул рогатку и выстрелил. Но камень щелкнул по земле и пробил лопух. А гуси шли через солнечный двор, заросший подорожниками и пушистыми одуванчиками. Впереди каждого гусака двигалась длинная черная тень.

Белый гусь зашел слева и отрезал путь к калитке. Серый двигался прямо. Его приоткрытый клюв внутри был красным.

— Пошел! — отчаянно заорал Клякса и выстрелил наугад. А потом бросил рогатку и стал отчаянно дергать дверь. Дверь, конечно, не открылась. Клякса зажмурился и повис на ручке. Он изо всех сил поджал ноги, чтобы спастись от страшных клювов. Но долго так висеть было нельзя. Руки сорвались, и Клякса шлепнулся на крыльцо.

И тут он увидел удивительную вещь. Серый гусак лежал на боку. Его шея вытянулась по земле, как обрывок пылесосного шланга. Белый гусь, подняв голову, смотрел на упавшего приятеля.

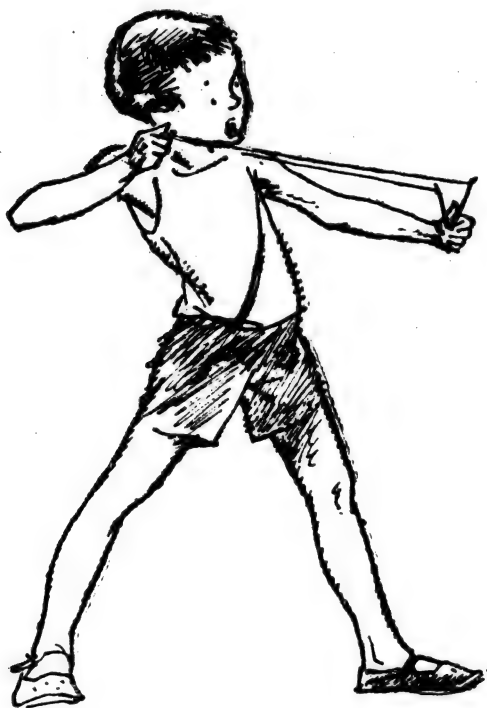
— Га? — удивленно спрашивал он.

Клякса поднял рогатку и встал. И тут он понял, что не боится. Даже странно было, что он только что дрожал перед этими птицами. Серый гусь дернул красной лапой, медленно поднялся и обалдело открыл клюв.

— Ну? — сказал Клякса. Гусаки понуро побрели прочь. Клякса дал вслед пару выстрелов и вышел на середину двора.

Он стоял, как укротитель хищников на арене. Расставил ноги, помахивал рогаткой, словно хлыстом. На гусей он даже не смотрел.

И вдруг в калитку рыжим вихрем влетела Римка, а с забора по-

сыпались Петька, Тимка и Тоник.

— Ура! — заорал Петька. — Качать его!

Клякса был не прочь, чтобы его покачали. Но когда Тоник схватил его за руки, а Тимка хотел схватить за ноги, он ни с того ни с сего ойкнул и вырвался.

— Ух ты! — удивился Тимка. — Кожу-то как содрал!

На левой руке, у запястья, кожа у Кляксы была содрана до крови. То ли ссадил ее, когда висел на ручке, то ли резиной рогатки попало. Он и сам не заметил этого.

— Здорово больно, Владик? — спросила Римка.

Клякса мотнул головой.

— Маленько... — И отвернулся к забору. Плечи его

вздрагнули, но этого, наверное, никто не заметил. Ведь все привыкли, что если он ревет, то ревет открыто, во весь голос.

Римка потянула Кляксу за рукав.

— Айда, я завяжу. А то засоришь.

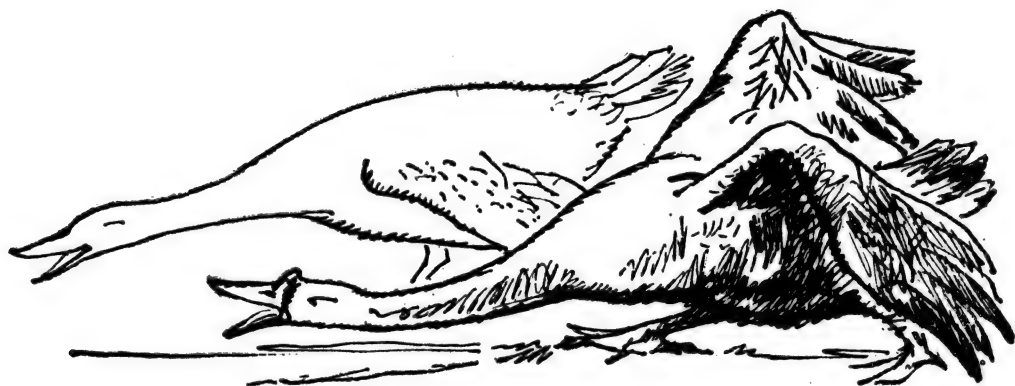
Клякса коротко вздохнул и пошел впереди. Он шагал к калитке, у которой топтались гуси. Контуженный гусь что-то сказал здоровому, и оба направились к сараю. По дороге они презрительно загоготали, но в их гусячьих глазах был страх.

— Ну, что? — сказал Петька. — Перешел он этот самый рубикон?

— Факт, — ответил Тимка. Тогда Клякса остановился. И все тоже остановились. Клякса повернулся и нерешительно поднял лицо.

— А это?

— Что? — удивились все.

— Ну... Это, — он неловко ткнул пальцем в щеку, где оставила дорожку слезинка.

— Это не считается, — решил Тоник. — Правда, ребята? Это же не от страха. Это так...

И Клякса облегченно улыбнулся, потому что все сказали, что эта случайная слезинка не считается. Теперь его беспокоила только одна мысль. Он покосился на Тимку. Но Тимка ничего не говорил про рогатку, и Клякса сунул ее под рубашку.

ПОДКОВА

Тоник нашел подкову на обочине дороги, в пыльной траве. Подкова была старая, стертая. Блестела на солнце.

— Пригодится, — сказал Тоник.

И она пригодилась.

Вечером Тоник, Петька и Римка пускали подкову по мостовой. Ее нужно было кинуть так же, как кидают по воде плоские камни, чтобы «испечь блины». Тогда подкова со звоном прыгала по булыжникам, и во все стороны из-под нее сыпались ярко-желтые искры.

Пришел Тимка, а с ним Генка Звягин с Пушкинской улицы. Генке тоже дали кинуть подкову. Но он не рассчитал, пустил ее не вдоль переулка, а наискосок. Подкова перелетела через канаву и попала в лопухи у забора.

Генка долго шарил в лопухах, но не мог отыскать подкову. После него искали все по очереди, вырывали лопухи, но тоже не нашли. Генка переминался с ноги на ногу и скреб лохматый затылок. Он понимал, что забрасывать неизвестно куда чужую подкову, — это свинство.

— Ладно, — решил Тимка. — Ну ее, эту железяку. Домой пора.

Тоник не спорил. Уже совсем почти стемнело, и над темными крышами поднялась луна, похожая на розовый воздушный шар. «Спа-ать», — сонно прогудел на реке буксир. «Спать, спать», — тонко откликнулись пристанские паровозы. И ребята пошли спать.

Тоник подбежал к большому тополю. Там у него была сегодня стоянка самоката.

— Скорей! — окликнула его Римка. — Всегда ты возишься со своим драндулетом.

— Номера нет, — растерянно сказал Тоник. — Ребята, пропал номер.

Тимка деловито осмотрел самокат. Нашупал на передней доске дырки от гвоздиков и заключил:

— Видать, сорвали...

Маленький Петька сказал, что, может, номер сам отвалился, потому что гвоздики расшатались.

— Новый сделаешь, — махнул рукой Тимка.

Тоник шел позади всех и тащил за собой гремящий на камнях самокат. Номер, который он потерял, был от настоящей машины. Кроме того, он как будто специально для Тоника был сделан: ТК 11-25. Его можно было прочесть так: Тоник Калинов, одиннадцать лет, двадцать пятая школа. Под этим номером Тоник хотел участвовать в гонках по Береговому спуску, который недавно заасфальтировали. Но теперь туда не стоит показываться. У всех ребят есть на самокатах что-нибудь настоящее: фара от велосипеда, красный фонарик от машины или, например, мотоциклетный сигнал, который не гудит, но все равно настоящий. А у Тоника теперь — только дырки от гвоздиков.

Дома Тоник толкнул самокат без номера в чулан, подошел к кровати и начал стаскивать рубашку.

— Хорош, — сказала мама. — С такими ногами в постель?

Тоник побрел на кухню, налил в таз воды. Вода, конечно, расплескалась, и на полу появилась лужа. Тоник сел на табуретку, рассеянно обмакнул в лужу правую ногу и большим пальцем написал на полулице: ТК 11-25. Потом, подперев ладонями голову, стал разглядывать в луже отражение лампочки.

Раскаленная нить в лампочке была похожа на золотую подкову. Тоник вспомнил, что читал в какой-то книжке, будто раньше коням разных богачей ковали подковы из серебра. А вот делал ли кто-нибудь их из золота? Нет, наверное. Золото, наверно, очень мягкое. А может, кто-нибудь и делал золотые подковы. Не для лошадей, а просто так. Говорят, подкова приносит счастье.

Интересно, почему так говорят?

Шлепая босыми ногами, одной сухой и одной мокрой, Тоник подошел к двери и спросил об этом у мамы. Но мама ответила, что никакие подковы не помогут ему, если он немедленно не вытрет лужу и не вымоет ноги.

— Ладно, — сказал Тоник,

И снова задумался.

Он решил попробовать добыть себе счастье. Конечно, сказкам Тоник не верил. Но попробовать-то можно. Ведь и счастья никакого особенного ему не надо. Лишь бы найти номер от самоката.

Тоник прихватил фонарик и незаметно выбрался на улицу. Небо уже совсем потемнело. Луна поднялась выше, стала желтой и плоской. Под ее светом слабо поблескивали тополиные листья.

Тоник подошел к соседскому забору, задвинул ногами прохладные лопухи и включил фонарик. Подкову он увидел сразу. Даже удивительно, что недавно ее не могли найти пять человек.

Утром Тоник прибил подкову к передней доске самоката, где раньше была желтая железная табличка с номером. Получилось неплохо. Будто подкова — что-то вроде аппарата для поисков, который должен сам навести на след.

Потом Тоник отправился искать номер. Он объехал все места, где был накануне, исследовал заросшие травой канавы. Расспрашивал ребят. Но подкова не принесла удачи.

Когда искать уже надоело, Тоник встретил Римку.

— Целый час за тобой охочусь,— не глядя на Тоника, сказала Римка.— Пойдем. Лилька тебе хочет сказать... В общем, что-то важное. Пойдем.

Лилькой звали девчонку, которая жила в угловом доме. Она давно приехала не то к тетке, не то к бабушке в гости. С ребятами Лилька редко играла. Все больше сидела на лавочке у своих ворот и смотрела издалека, как Тимкина и Генкина команды дуются в лапту или гоняют по мостовой деревянного «попа». Может, боялась порвать свой широкий и пестрый, как спортивный парашют, сарафан, а может, еще не привыкла к новой компании.

— Амеба какая-то, а не человек,— говорил Тимка...

— Чего ей надо? — дернул плечом Тоник.— Некогда мне.

Римка хмуро промолчала. Потом потрянула копной рыжих волос, взяла Тоника за руку и повела, как маленького.

Но Тоник уже не обратил на это внимания. Блестящая догадка озадачила его. Конечно, Лилька знает, где потерянный номер!

Думая об этом, Тоник так и шагал: одной рукой тащил за собой самокат, а другую держал в Римкиной ладони.

— Вот,— хмуро сказала Римка.— Он пришел.

Лилька стояла у калитки. Она опустила голову и наматывала на палец длинный стебель облетевшего одуванчика.

— Ну, чего ты,— Тоник нетерпеливо громыхнул самокатом.— Говори, раз звала.

Лилька молчала.

— Ладно,— басовито сказала Римка.— Вообще-то я этого, конечно, не одобряю, но, в общем, это дело ее... Она в тебя влюбилась, вот.

Тонику показалось, что небо раскололось, и самый крупный осколок треснул его по голове.

— А номер? — глупо спросил он. Но было ясно, что номер здесь ни при чем.

— В общем, я пошла,— поспешно заявила Римка.

Растерянность Тоника переходила в возмущение. Кажется, над ним издевались.

— Хорошо,— зловеще процедил он. Круто развернул самокат и хотел помчаться за Римкой. Чтоб сказать ей...

И случайно взглянул на Лильку.

Она все так же стояла у калитки, только стебелек бросила и опустила руки. Маленькая, тонконогая, с мятыми синими ленточками в коротких косах, которые торчат неодинаково: одна вниз, другая в сторону. А на длинных ресницах — росинки.

Тоник не помчался за Римкой.

— Ты это что? — пробормотал он. — Правда?

— Что? — тихо сказала Лилька.

— Ну... это. Что Римка говорит.

Лилька мотнула головой:

— И ничего не правда... Я сказала, что ты... мне нравишься. Просто так.

— Ну вот,— в великой растерянности пролепетал он. — А я что...

Они стояли и молчали, наверное, минут пять. Тоник нагнулся и сердито царапал ногтями колено. Чтобы не смотреть на Лильку.

Потом он спросил:

— Чего это тебе в голову стукнуло?

— Что стукнуло? — откликнулась Лилька.

— Ну... что я... что ты сказала.

Лилька зачем-то потянула за ленточку косу, которая торчала вниз.

— Так... У тебя глаза красивые.

— Ненормальная,— сказал Тоник.

Тут уж он совсем твердо решил уехать, но колесо попало в щель деревянного тротуара. Тоник дергал и не мог вытащить.

— Дай, помогу,— сказала Лилька.

— Не лезь.

Она спросила:

— Ты за меня заступаться будешь?

— А кто тебя трогает? Придумываешь чепуху.

— Ну давай... давай в кино с тобой ходить.

— Мы в кино все вместе ходим,— не глядя на Лильку, сказал Тоник. — Тимка, я, Петька. Римка тоже ходит. И на речку — вместе. А зимой на лыжах катаемся. Знаешь, какие обрывы здесь...

Лилька вздохнула:

— Ты один куда, значит, не ходишь...

— Хожу,— не без ехидства ответил Тоник.— Вечером за червями для рыбалки пойду.

— А можно мне?

«Ну, привязалась»,— подумал Тоник и отрезал:

— Нельзя. Поймают.

Он сказал, что червей надо копать на соседнем огороде, у бабки Веры. Сама бабка старая, но у нее есть два взрослых сына. Они всегда говорят, что мальчишки воруют морковь. Если поймают, разбираться не станут.

Но Лилька не боялась опасностей. Она, оказывается, любила приключения больше всего на свете.

— Как хочешь,— ответил Тоник.— Мне что, жалко, что ли?

Вернувшись в свой двор, Тоник увидел Тимку, Петьку и Римку. Друзья сидели на крыльце и вопросительно смотрели на Тоника.

— Ну, Римка, это я тебе припомню,— мрачно сказал он.

— А я при чем? — заговорила Римка.— Она просила, чтоб ты пришел. Вот. Я и привела.

— Привела,— проворчал Тимка.

— Нет, чтоб с людьми посоветоваться,— сказал маленький Петька.

Римка прищурила желтые глаза и встала.

— Ну чего ко мне привязались? Я, что ли, влюбилась, да? Лилька ведь...

Тоник подскочил, как на горячей сковородке:

— Вовсе она не влюбилась! Не ври!

— Не связывайся ты с девчонками, Антон,— посоветовал Тимка. Петька укрылся за Тимкиной спиной и выразил свое мнение:

— Все они вредные.

— Я и не связываюсь,— вздохнул Тоник.

— Обормоты,— уныло сказала Римка.

Дома Тоник рассеянно бродил из угла в угол. Конечно, он решил никуда не ходить вечером. Только все равно вспоминалась Лилька. Вспоминался белый стебелек одуванчика, который она наматывала на па-

лец. Синие ленты в маленьких косах, которые торчат неодинаково. Ресницы с росинками...

— Ты чего сегодня скучный? — поинтересовалась мама, когда пришла с работы.

— Я не скучный, я задумчивый.

Он побродил еще немного и спросил:

— Мама, я красивый?

— Что, что? — удивилась мама. Посмотрела на него и вдруг весело сказала:

— Очень. В зеркало взгляни. Ты когда умывался?

Тоник снова принялся шагать из угла в угол: от фикуса до книжного шкафа и обратно. И чего Лилька к нему привязалась? Может, дать ей по шее? Но шея-то у нее, как стебелек одуванчика...

Тоник решил лечь спать пораньше. Только начало смеркаться, он пошел к постели. Хотел откинуть одеяло. Но почему-то не откинул, а полез под кровать. Вытащил оттуда жестянку с крышкой и детскую лопатку, которую они с Тимкой отточили, как саперную. Сунул лопатку за ремень. Вывел из чулана самокат...

В конце переуллка, у зеленых ворот, Тоник постоял немного, чтобы собраться с духом. Потом повернул железное скрипучее кольцо и толкнул калитку. Хрипло залаял большой лохматый пес с грустной мордой и с хвостом, похожим на швабру без ручки. Тоник был знаком с этим псом.

— Бомба, — приседая, зашипел он. — Замолчи, балда.

Бомба замолчал и помахал шваброй. Тоник встал на завалинку, дотянулся до высокого окна и постучал три раза, как сказала Лилька. И поскорей отошел к калитке.

Лилька сразу выскочила на крыльцо: Тоник даже не успел сообразить, хотелось ему, чтобы Лилька вышла, или нет.

— Идем, если охота, — бросил он.

— Охота, — кивнула Лилька.

Когда они проникли на огород, сумерки уже сгустились. Снова появилась над крышами похожая на розовый шар луна. Стало прохладно. Пахло влажной землей. Белесый туман пластом лежал над грядами.

За маленькой бревенчатой баней у морковной грядки Тоник воткнул в землю лопатку.

— Здесь... А ты присядь. Твой сарафан с луны разглядеть можно. Лилька послушно присела рядом на корточки.

Лопатка легко **врезалась** в чернозем. Тоник иногда включал фонарик и выбирал из земли **жирных красных** червей.

— Помогай,— велел он и подумал, что Лилька ни за что не посмеет взять в руки червяка. Но Лилька посмела. Только она каждый **раз** вздрагивала и поскорей бросала извивавшуюся добычу в жестянку.

Потом она прошептала Тонику в самое ухо:

— Мы как будто кладонскатели. Правда?

У Тоника зашекотало в ухе, и он сперва рассердился, промолчал. Но затем все-таки сказал:

— Правда.

— Я бы одна никогда не пошла сюда,— опять прошептала Лилька.— Ты не бойшься?

— Еще чего,— сказал Тоник тоже шепотом.— И ты не бойся.

Он покосился на Лильку. Девочка торопливо перебирала пальцами земляные комки и часто вздрагивала. Все-таки ей было страшно.

— Не бойся,— тихо повторил Тоник.— И червяков не трогай. Я сам. Смотри, все руки в земле.

— Ну и пусть.

— Ничего не пусть,— сказал он, хотя и сам не знал, почему бы Лилькиным рукам не быть в земле.

— Ну как она, чужая морковь? Сладкая?

Этот голос, наверное, был не очень громким. Но показался он оглушительней грозового раската. Тоник от неожиданности опрокинулся навзничь. Высокий человек в сапогах тянул к нему руку. Тоник не видел лица. Видел только эту руку с растопыренными пальцами.

И вдруг вскочила Лилька. Она нырнула под рукой и бросилась бежать по грядам. Тоник не понял, зачем она помчалась через огород, а не к забору. Человек заорал что-то и кинулся за ней. Но Лилька выскочила с огорода на двор, а со двора на улицу. Тоник опомнился. Подхватил свое имущество и махнул через забор.

Когда Тоник проходил мимо тополя, его окликнула Лилька. Она стояла за стволом. Дальше шли вместе.

У Лилькиных ворот они остановились.

— Я боялась, что калитка во дворе у них закрыта,— призналась Лилька.— А он гонится в сапожищах...

— Ты нарочно по грядам побежала?

— Он тебя схватить хотел...

Тоник стал вытаскивать из палисадника спрятанный там самокат. Он дергал его за руль, хотя самокат ни за что и не зацепился. Лилька стояла рядом. Она, наверно, тоже не знала, что сказать, и потому спросила:

— Ты зачем сюда подкову приколотил?

— Так,— сказал Тоник.— Приколотил...

Вдруг он уперся в рулевую доску и одним рывком отодрал подкову.

— Хочешь отдам?.. Ну, подарю.

— Хочу,— кивнула Лилька.— А зачем?

— Ну, так,— тихо сказал он.— Просто так. Она приносит счастье.

— Правда?

— Это сказка,— вздохнул он.— Но зато можно вот что делать... Иди на дорогу, дальше, еще дальше! Лови ее, не потеряй! Смотри!

Тоник пустил подкову по мостовой, и она со звоном полетела к Лильке. Брызнули золотые искры.

На следующее утро Тоник проснулся рано. Он встал, осторожно выдвинул ящик комода, вытащил из него все свои штаны: старые и новые, длинные и короткие. Во всех штанах он вывернул карманы. Так удалось собрать семь копеек. После этого Тоник слазил под кухонный стол. Там еще с прошлого месяца лежала трехкопеечная монета. Набрался целый гривенник. Да еще один гривенник у Тоника был раньше.

В семь часов Тоник прибежал в кинотеатр «Северный», где шла «Судьба барабанщика». Он купил два билета на первый сеанс.

До начала оставалось чуть больше часа. Тоник вернулся в свой переулок. Было очень хорошее утро. С реки тянул прохладный ветер. Он приносил с берега маленькие «парашюты» одуванчиков и запах сырого дерева. Солнце стояло уже высоко. Просмоленные лодки, что лежали у заборов, грели под его лучами свои горбатые спины.

Тоник спешил к зеленой калитке. Правда, спешил он, пока был далеко, а когда подошел совсем близко, перестал торопиться. Остановился. Зачем-то вытащил из кармана билеты и осмотрел с двух сторон. Сердце у него колотилось отчаянно. Оно вполне могло пробить грудную клетку, выскочить наружу и взорваться, как граната.

Но сердце не взорвалось. Оно стало колотиться тише, и Тоник вошел во двор. На

этот раз Бомба не залаял. Он лениво поднялся, помахал шваброй и снова лег, положив на лапы грустную морду.

Тоник встал на завалинку. Приподнялся на носках. Стукнул по стеклу три раза. Стукнул и отбежал на всякий случай к калитке. Бомба опять помахал шваброй.

Прошла минута, а может быть, пять минут прошло. Никто не показывался. Тоник снова залез на завалинку, снова дотянулся до окна.

— Тебе кого, молодой человек? — услышал он. Лысый дядька с большим животом и в голубых подтяжках стоял на крыльце. Он потягивался и, лениво шурясь, смотрел на Тоника.

— Здравствуйте, — пробормотал Тоник, слетев с завалинки. — Мне Лильку... то есть Лилю.

Человек в голубых подтяжках поднял руки на уровень плеч, несколько раз согнул их и наконец ответил:

— Уехала Лилька. Ночью за ней мамаша приезжала.

— Ага, — сказал Тоник. — Ладно... До свиданья...

За калиткой он сунул руки в карманы и побрел к кинотеатру. В кармане лежали два билета. Один можно было отдать Тимке или Петьке. Но Тонику никому не хотелось отдавать этот билет.

Он шел, опустив голову, и смотрел, как пляшут на тротуаре тени тополиных листьев. Что-то сверкнуло у края тротуара. Тоник остановился. Он увидел подкову. Ту самую. Он узнал ее.

Тоник присел на корточки, положил холодную подкову на ладонь. Но ведь она была простым куском железа и ничего не могла рассказать.

Тоник встал. Он пошел дальше, держа подкову, как оторванную ручку чемодана. Он уже не смотрел на тени тополиных листьев.

У штакетника на углу Пушкинской и Старой Пристанской возвышалась куча металлолома. Этот лом еще три дня назад собрали мальчишки с окрестных улиц, но завод до сих пор не прислал машину.

Тоник вышел на середину мостовой, прищурился и метнул подкову в кучу металлолома.

Подкова звякнула о дырявый таз и затерялась среди железной рухляди, но Тоник все еще смотрел в ту сторону. Из-под таза торчал угол желтой таблички.

Тоник подбежал и выдернул ее. Это был номер ТК 11-25. Значит,

кто-то оторвал его от самоката, чтобы прибавить лишние граммы к своей «добыче». А может быть, номер отлетел сам, и его нашли...

Тоник равнодушно сунул железную табличку под мышку и зашагал дальше.

Случилось так, что подкова и вправду помогла отыскать ему номер. Но счастливым себя Тоник не чувствовал.

ЗВЕЗДЫ ПАХНУТ ПОЛЫНЬЮ

Два месяца на краю стадиона рабочие монтировали парашютную вышку. К августу она была готова. Пятьдесят метров высоты. Тонкое железное кружево.

Каждый день мальчишки приходили на стадион и ложились вокруг вышки на подсыхающую траву. Горы белых облаков медленно двигались к востоку, и казалось, что вышка падает им навстречу.

Мальчишки лежали, грызли травинки и смотрели на тех, кто прыгал.

Прыгали по-разному. Одни шагали, не раздумывая, с края площадки, другие чуть-чуть задерживались, словно про себя считали до трех. А некоторые по несколько минут стояли под белым, просвечивающим на солнце куполом и переступали с ноги на ногу. Ветер полоскал шелковый провисший парашют. Человек на площадке вздыхал и смотрел вниз. Внизу лежали зловредные мальчишки. Они орали:

— Эй, ты там! Приклеился?!

Один раз случилось, что какой-то молодой дядька с длинными волосами и в голубом пиджаке так и не решился прыгнуть. Он задом наперед спускался по дрожащим железным ступенькам и говорил:

— У меня сердце...

Мальчишки выли. Инструктор ДОСААФ вернул длинноволосому деньги за билет:

— Пожалуйста... Раз у вас сердце...

Инструкторами были Женька Мухин, знакомый ребятам еще по водной станции, и пожилой хмурый Владимир Андреевич. За густую седину в коротком сердитом ежике прически мальчишки звали его Дедом.

Мухин внизу продавал билеты и объяснял новичкам, как подниматься на вышку и что делать перед прыжком. Дед — на верхней площадке — опутывал человека брезентовыми лямками, пристегивал карабинами парашют и рассказывал, как правильно приземляться.

Но иногда Дед надолго уходил. Тогда Женька ждал, пока из желающих прыгнуть наберется команда в пять человек. Потом вел их наверх и по одному сплавлял на землю. Сам прыгал последним.

А если никого из любителей парашюта не было, Мухин открывал задачник по физике, просил у мальчишек огрызок карандаша и, чертыхаясь, погружался в составление тепловых балансов. Он готовился не то в техникум, не то в училище. Тимка говорил: в авиационное. Когда спросили Женьку, он сказал:

— В школу поварского искусства.

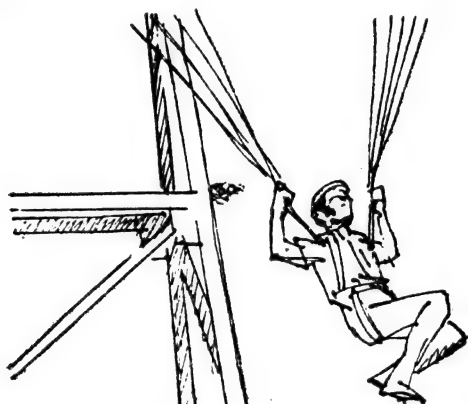
Махнули рукой. Не поймешь, когда он серьезно, а когда так...

Однажды, когда не было Деда, Тимке удалось каким-то образом упросить Мухина, и тот разрешил прыгнуть.

После прыжка Тимка лежал в траве кверху пузом и небрежно объяснял:

— Когда приземляешься, надо ноги поджать и подтянуть стропы.

Иначе на спину опрокинет. Ясно? А так все это ерунда. Главное, поджать ноги, чтоб спиной не хряпнуться...

Он, наверное, сто раз повторил, что надо поджать ноги и подтянуться на стропах. Тоник сказал:

— Слышали уж...

— Ну и еще послушай. Небось не треснешь,— буркнул Тимка и обиженно повернулся на живот.

Солнце грело плечи сквозь рубашки. Сонно шелестела трава. Желающих прыгнуть с

вышки пока больше не было. Делалось скучно. И, наверное, просто так, чтобы разогнать молчание, Генка Звягин, который лежал рядом, лениво сказал:

— А самому завидно...

— Кому? — не понял Тоник.

— Тебе, — зевнул Генка.

— Чего завидно? — Тоник сел.

— Что Тимоха прыгнул.

— Ха... — сказал Тоник.

Не поворачиваясь, Тимка проворчал:

— Если «ха», прыгнул бы сам.

— Ну и прыгнул бы...

— Прыгни! — оживился Генка. Он приподнялся на локтях. Его серые, широко посаженные глаза смотрели на Тоника с ядовитым прищуром. — Спорим, не прыгнешь!

— Мухин же не пустит.

— А ты спрашивал?

— Все спрашивали. Никого же не пустил.

— А Тимку?

— Сравнил! Он же вон какая оглобля.

— Сам оглобля, — сказал Тимка и зевнул.

Подползли на животах (подниматься-то неохота) маленький Петька Сорокин и еще один Петька, из Тимкиного класса.

— Айда, спросим Женьку, — наседали Генка. — Боишься?

Петькам захотелось **знать**, кто чего боится.

— Антошка прыгнуть **обещал**, а теперь трясется. Спорим, не прыгнешь?

— На что спорим? — спросил Тоник и встал.

— Хоть на что... На твой фонарь и на мой ножик.

Генка знал вещам цену: у старого, никудышного на вид фонарика был большой зеркальный отражатель. Свет вырывался как из прожектора. Луч бил метров на сто.

Но и ножик был хороший, охотничий. Рукоятка его кончалась двумя бронзовыми перекладинками с зацепами, чтобы вытаскивать из ружейных стволов застрявшие гильзы. Из-за этих перекладин, когда открывали главное лезвие, нож делался похожим на кинжал.

Мальчишки уже обступили Тоника и Генку. Ждали. Тоник молча раздвинул их плечом и пошел к Женьке.

Мухин сидел в дверях фанерной будки, построенной рядом с вышкой. Он читал. Он не взглянул на Тоника.

— Жень, — сказал Тоник.

— Ну?

— Прыгнуть бы, Жень, а? — сказал Тоник громко, чтобы все слышали.

— Не плохо бы.

— Можно?

Тоник этого совсем не ждал. Сейчас? Так сразу? Серебристые сплетения тонкого металла уходили высоко в синюю пустоту. Казалось, вышка тихо звенит от несильного и высокого ветра. Там, наверху, этот звон становится, наверное, тревожным и напряженным...

— Можно? Да? — уже тихо проговорил Тоник.

— Нельзя, — сказал Мухин, не отрываясь от книги. Его смуглое горбоносое лицо было невозмутимым.

— Ну, Женя, — помолчав начал Тоник. — Ведь никто же не видит. Никого же нет. Ну, Тимка же прыгал.

— Он тяжелый, — сказал Мухин, перелистывая страницу.

И далась ему эта книга! Хоть бы интересная была, а то одни цифры да значки какие-то. Уж захлопнул бы ее скорее и прогнал бы всех от вышки!

Генка, Тимка и оба Петьки молча ждали.

— Жень, — сказал Тоник.

Женька пятерней поправил нависшую на лоб курчавую шевелюру и наконец отложил книгу.

— Вы отвяжетесь, черт возьми?!

Мальчишки не двинулись. Тоник царапал каблуком вытоптанную траву.

— Сколько в тебе весу?

— Сорок почти, — соврал Тоник.

Мухин раздраженно усмехнулся:

— Почти... У парашюта противовес как раз сорок кило. Повиснешь над всем городом и будешь болтаться как клоун на елке. Не понятно, да?

— Понятно, — вздохнул Тоник. — А если я карманы камнями набью? Или дрови насыплю? А? Она тяжелая...

Женька молча и почти серьезно оглядел щуплого Тоника. Потом поднял книгу и, уже глядя в нее, объяснил:

— Загрузишь карманы — штаны вниз и улетят. А сам повиснешь.

Это было уже издевательство. Тоник повернулся к ребятам и пожал плечами. Мальчишки его поняли. И Тимка, почти забыв обиду, проворчал:

— Айда отсюда...

Там, где Тоник лежал раньше, место было уже занято: пришли какие-то малыши и восторженно галдели, задрав головы.

Тоник молча прошел дальше, к забору, и лег там среди шелестящих высохших стеблей. Он как-то сразу устал после разговора с Мухиным.

У левой щеки его начиналась полянка, заросшая луговой овсяницей. Там среди спелой желтизны рассыпался сухой стрекот кузнечиков. Справа нависали покрытые седоватой пылью кусты полыни.

Полынь пахла заречной степью и теплом позднего лета. Тонику нравилось, как она пахнет. Иногда он растирал в пальцах ее листья, и потом ладони долго сохраняли горьковатый и какой-то печальный запах...

Зашуршали шаги, и Тоник увидел над собой Генку Звягина. Генка держал на ладони свой ножик.

— Бери...

— Зачем?

Глядя в сторону, Генка небрежно сказал:

— Выспорил, ну и бери.

— Я же не прыгал, — сказал Тоник. — Ты в уме?

— В уме. Все равно ты бы прыгнул, если бы Мухин пустил...

— Если бы да кабы... Ну тебя... — Тоник отвернулся.

— Слушай, — тихо сказал Генка. Наклонился, сгреб Тоника за рубашку и заставил сесть. — По-твоему, у меня совести нет? Если я нож поспорил, буду его зажимать?

— Ну-ка отцепись. — Тоник встал. — Я к тебе не лезу. И ты не лезь.

Генка стоял напротив. Тонкий, жилистый, будто сплетенный из коричневых веревок. И каждая жилка была в нем натянута. Генка считал себя справедливым человеком и не терпел, когда ему мешали проявить

свою справедливость. Он сжал губы, и широкие скулы с редкими-редкими веснушками стали бледными и острыми.

— Значит, не прыгнул бы? Сам признаешься? — тихо спросил Генка.

— Я?! — Тоник оттопырил губу.

— Ну и не брыкайся.

Генка быстро сунул ему ножик в карман рубашки и зашагал в сторону калитки. Прямой, быстрый, легкий. Уверенный, что сделал все как надо...

Беспокойные мысли чаще всего приходят вечером, когда вспоминаются радости и обиды отшумевшего длинного дня.

Сначала появляется просто мысль, такая же, как другие, не печальная, не радостная — воспоминание о чем-то. Но вот она застревает в голове, не укладывается как надо, царапает острыми краями.словно та железная штука в кармане, которую Тоник сегодня нашел на дороге. Недовольно крутятся с боку на бок другие мысли, ворча на беспокойную соседку. Потом вскакивают и вступают в перепалку. Но беспокойство трудно победить. Оно растет, прогоняет сон, который подкрадывался раньше времени...

Генкин охотничий ножик оттягивал карман рубашки. Маленький, а до чего тяжелый... Тоник со стуком выложил его на подоконник. Сел на стул и стал смотреть в окно. Ведь можно сидеть совсем не двигаясь, даже когда мысли не дают покоя.

Желтый светофор-мигалка через каждые две секунды бросал в сумерки пучки тревожного света. И кто придумал повесить светофор на этом перекрестке? Машины проезжают здесь раз в год!

Вспышки словно толкают мысли Тоника: «Прыгнул бы? Или не прыгнул?.. Прыгнул — не прыгнул... Прыгнул — не прыгнул...» Кажется, что кто-то обрывает у громадной желтой ромашки крылья-лепестки...

А прыгнул бы?!

Все мальчишки поверили, когда он уговаривал Мухина. А если бы Мухин разрешил? Тоник передергивает плечами. Вспоминается высота. Парашют с земли кажется маленьким, как детская панамка... Тоник не боится, что парашют оборвется. Ерунда! Парашюты на вышках не обрываются. Но страшно думать о прыжке.

О первой секунде!

О том коротком времени, когда еще не натянулись стропы. Когда человек падает в пустоте.

Это жутко — падать в пустоте.

Все чаще и чаще, почти каждую ночь, Тонику снится одно и то же: он падает. Летит вниз, летит без конца! Хочется крикнуть, но грудь перехвачена чем-то крепким, как железный обруч.

Мама сказала однажды:

— Это ты растешь...

Лучше бы уж не рос. Маленькому легче. Маленький может сказать: «Боюсь».

А если тебе одиннадцать?..

Свет лампы искрился на зеленой ручке ножика. «Отдам, — решил Тоник. — Завтра отдам Генке. Подумаешь, лезет со своими спорами, когда не просят!»

Сразу стало спокойнее. Вернуть ножик — и дело с концом. А там будет видно.

Только что «будет видно»?

Он, конечно, отдаст ножик. А Генка? Он, наверно, возьмет. Он, может быть, даже ничего не скажет. Криво улыбнется и опустит ножик в карман. А что говорить, когда и так ясно. И они опять будут лежать в траве и смотреть на парашют и на небо. А небо перечеркнуто белыми следами реактивных самолетов. Сами самолеты не видны. Они высоко. Оттуда если прыгать, то затычным. Затычным — это не с вышки. Говорят, ветер в ушах ревет, как зверь, а земля, поворачиваясь, летит навстречу, готовая сплющить человека в тонкий листик...

Ладно, ты можешь бояться этого, если тебе все равно. Если хочешь стать бухгалтером, шофером, киномехаником, садоводом... Да мало ли кем! Но если...

Тоник лег щекой на подоконник. Звезды были яркими, белыми, холодными. Август не то, что середина лета. Нет еще десяти часов, а уже совсем темно. Опустилась ночь, по-осеннему черная и по-летнему теплая. Пахнет сухим нагретым асфальтом и мокрыми досками причалов — с реки. Светофор-мигалка все шлет и шлет в темноту перекрестка желтые волны. И звезды каждый раз съеживаются и тускнеют...

— Ложился бы ты. — Это вошла мама. — Каждый день носишься

до темноты, а потом засыпаешь, где попало... Укладывайся, лохматый.

Она подошла сзади и ласково запустила пальцы в его нестриженные волосы. Запрокинув голову, он посмотрел в мамино лицо. Но сейчас не могла помочь и она.

Тоник сказал:

— Не хочется спать.

Он встал.

— Куда еще? — беспокоилась мама.

— Я быстро.

— Куда это быстро? На ночь глядя!

— Ну, к Тимке. Надо мне там... — пробормотал он, морщась от того, что сейчас приходится врать. И повторил с порога:

— Я быстро!

— Вот погоди, папа узнает...

Он не дослушал.

Теперь Тоник думал только об одном: пусть Женька Мухин будет у себя на месте. Он должен сегодня ночевать в будке, Тоник слышал, как он говорил:

— Дома Наташка ревет, бабка ругается. А здесь тихо, прохладно. Долбай себе физику хоть всю ночь.

Может, и вправду долбает?

До стадиона два квартала. В заборе нет одной доски.

Здесь!

Наспех сколоченная фанерная будка светится всеми щелями.

Вышку прятала темнота. Лишь высоко-высоко горела затянутая красной материей звезда. Это не украшение — Тоник знал. Это для самолетов.

Вобрав рассеянный свет звезды, чуть заметным красноватым пятном плавал там купол парашюта. Женька не снимал его, если ночевал на стадионе и если ночь была безветренной и ясной.

Тоник подошел к будке. Фанерная дверца уехала внутрь, едва он коснулся пальцами, — без скрипа, тихо и неожиданно. Свет ударил по глазам.

Мухин лежал на спине, поверх одеяла, закрывавшего топчан. Он спал. Одна рука опустилась и пальцы уперлись костяшками в земляной пол. На каждом пальце, кроме большого, — синие буквы: Ж-Е-Н-Я. Он был в черной майке-безрукавке. Открытый учебник лежал у него на груди. Грудь поднималась короткими толчками. Развернутые веером страницы вздрагивали, словно крылья больших белых бабочек.

В другом углу, спиной к двери, сидел на чурбане незнакомый светло-волосый парень в шелковой тенниске. Он поставил на дощатый столик локти, обхватил руками затылок и замер так над книгой.

Тоник растерялся. Он стоял у порога, не зная теперь, что делать и что говорить.

Парень вдруг отпустил голову и обернулся.

— Что там за привидение? Ты зачем?

Тоник, жмурясь от света, шагнул в будку. Снова посмотрел на Мухина. Шепотом спросил:

— А он... спит?

— А ты не видишь?

Женька неожиданно открыл глаза. Качнул головой, провел по лбу ладонью и снял с груди учебник. Потом уставился на Тоника.

— Ты зачем здесь? Гость из ночи...

— Я думал... — начал Тоник. — Если ты один... Может быть, можно сейчас. Темно ведь и никого нет...

— Прыгнуть? — громко спросил Мухин.

— Да. — Тоник сейчас не волновался. Было уже ясно, что Женька не разрешит. Он смотрел на Тоника долго и молчал. Наверное, подбирал слова, чтобы как следует обругать его за позднее вторжение.

Вдруг Женька легко вскочил.

— Пойдем!

Что-то ухнуло и замерло внутри у Тоника.

Приятель Мухина медленно закрыл книгу.

— Женька, — сказал он тихо и очень серьезно. — Не валяй-ка дурака, дорогой мой.

— Ладно тебе, — ответил Женька. И засвистел кубинский марш.

— Что ладно? — вдруг разозлился парень. — Потом опять будешь...

— Потом не буду, — сказал Женька. — Успокой свои нервы.

— Я успокою. Я расскажу в клубе.

— Ничего ты, Юрочка, не расскажешь. Разве ты способен на свинство?

— Для твоей же пользы! Это будет свинством?

— Да! — жестко и незнакомо произнес Мухин. — Надо знать, когда проявлять благородство. Сейчас — не надо.

Тоник смотрел на него чуть испуганно и удивленно. Мухин стал какой-то другой. Не похож он был сейчас на знакомого Женьку, который со всеми ребятами на равной ноге.

Или этот свет яркой лампочки так падал на его лицо? Оно было резким и строгим. Лоб до самых глаз покрывала тень от волос. В этой тени сердито блестели белки.

— Не волнуйся, Юра, — сказал Женька.

— Дурак, — сказал Юра. И обратился к Тонику: — Слушай, парень, катись домой. Пойми ты...

— Никуда он не покатится. Он пойдет со мной, — перебил Женька и подтолкнул Тоника к дверям.

После яркого света ночь показалась абсолютно черной. Огни были скрыты забором стадиона. Лишь звезда на вышке да белые высокие звезды неба горели над темной землей.

Тоник понял, что вот сейчас придется прыгать. Очень скоро. Через минуту. И словно кто-то холодными ладонями сдвигал ему ребра. Тоник вздохнул. Вздох получился прерывистый, как при ознобе.

— Сюда. — Мухин подтолкнул его к ступенькам. — Ну, давай. Марш вперед.

Тонкие железные ступеньки вздрогнули под ногами. Они казались легкими и непрочными. Интересно, сколько их? Спросить бы у Женьки. Но Тоник не решился.

Они поднимались молча. Казалось, что вышка начинает тихо гудеть в темноте от двойных металлических шагов. Тоник плотно, до боли в пальцах перехватывал холодную полоску перил.

Чем выше, тем реже и прозрачнее становилась темнота. Черная земля уходила вниз, из-за высокого забора поднимались огни города. Их становилось все больше.

Тоник шагал, очень стараясь не думать, что между ним и уже дале-

кой землей — только тонкие пластинки железа... Оставались внизу площадки и повороты. И наконец над головой смутно проступил квадрат люка. В нем горели звезды.

Тоник выбрался на площадку и встал у края люка, не выпуская перил. Красная звезда светила над ним совсем низко, метрах в трех. Она оказалась громадной. Купол парашюта навис багровыми складками.

Мухин, оказывается, сильно отстал. Его шаги раздавались глубоко внизу.

— Жень, — сдавленно позвал Тоник.

— Не шуми ты. Иду, — глухо ответил он из черной дыры люка.

Тоник ждал. Он не смотрел вокруг, потому что было страшно. Лишь краем глаза он видел большую россыпь огней.

Мухин поднялся и несколько секунд стоял молча и неподвижно. Потом нащупал и отстегнул парашютные лямки, которые висели на перилах.

— Иди ко мне... Да отпустишь ты, никуда не свалишься. И не дрожи.

— Это я дрожу? — хрипло сказал Тоник и заставил себя расцепить пальцы.

Женька надел на него брезентовые лямки. Застегнул пряжки на груди, на поясе, у ног. Лямки оказались неожиданно тяжелыми. Щелкнули железные карабины — Мухин прицепил парашютные стропы. И сказал:

— Подожди...

Тоник стоял на середине площадки. Пустота охватывала его. Она была всюду: внизу, под тонким настилом, и вокруг. Она ждала. Огни сливались в желтые пятна.

Мухин шагнул к перилам и откинул тонкую железную планку — последнее, что отделяло Тоника от пустоты.

Потом Женька не то спросил, не то приказал:

— Ну, пошел...

И Тоник пошел. Надо было идти. У него все застыло внутри, а по коже пробегала электрическая дрожь. Очень хотелось за что-нибудь ухватиться. Крепко-крепко. Он вцепился в лямки: если уж держаться, так за то, что будет падать вместе с ним. Шаг, второй, третий, четвертый. Край совсем близко, а сколько много шагов. Или он едва ступает?

Но вот обрыв.

Больше не сделать даже самого маленького шага. И задерживаться нельзя. Остановишься хоть на секунду — и страх окажется сильнее тебя.

Шагнуть?

Тоник глянул вверх. Звезды мигали. Он стал наклоняться вперед.

Все вперед и вперед.

И вот он перешел границу равновесия. Ноги еще касались площадки, но уже не держали его. Пустота качнулась навстречу. Пошел!

И вдруг сильный рывок бросил его назад, на доски площадки.

Тоник увидел над собой черную фигуру Мухина.

— Нельзя, — сказал Женька. — Пойми, там противовес. Ты не потянешь вниз.

Прежде, чем Тоник встал, Мухин отцепил парашют. И повторил:

— Понимаешь, нельзя...

Тоник понял. Понял, что Женька издевается! Как над беспомощным котенком! Нет, еще хуже!! Зачем? Ведь он уже почти прыгнул! Сейчас, в эту секунду уже все было бы позади!

Тоник рванул с себя лямки. Он знал, что сейчас заплачет громко, взхлеб. Ни за что не сдержаться, потому что в этих слезах не только обида. В них должно было вылиться все напрасное волнение, весь страх, который он сжал перед прыжком.

— Собака! Змея! — сказал он перед тем, как заплакать. Он совсем не боялся Мухина. Он ненавидел его изо всех сил. Уже почти со слезами он выкрикнул: — Жулик! Подлый обманщик!

Мухин поднял руки. Тоник понял — сейчас Женька ударит. Но не закрылся, не шевельнулся. Пусть!

Мухин ладонями сжал плечи Тоника. И сказал негромко:

— Ведь не жалко мне. Но, честное слово, нельзя.

Тоник стих.

— Ведь ты бы прыгнул, — сказал Женька, не отпуская его.

Тоник молчал. Он так и не заплакал, но слезы остановились где-то у самого горла.

— Ты бы все равно прыгнул, — повторил Женька. — Я поймал, когда ты уже падал. Главное-то знать, что не испугался. Верно?

Тоник молчал. Ему стало стыдно за свой отчаянный злой крик. Он пошевелил плечами. Женька послушно убрал руки.

Тоник подошел к перилам. Теперь уже не было страшно. Ведь он знал, что прыжка не будет. Он различил среди беспорядочной россыпи огней прямые линии уличных светильников, цветные вывески магазинов. На востоке огни прорезал широкий темный рукав, по которому тихо двигались светлые точки. Это была река.

— Не переживай, — сказал за спиной Женька. — Ты сможешь, если будет надо.

Тоник пожал плечами.

— Высота пугает, да? — спросил Мухин.

— Да, — тихо сказал Тоник.

— Ничего. Пройдет. Это как боязнь темноты у маленьких. Проходит. Ты боялся темноты?

— Да, — прошептал Тоник.

— Ничего... Не в этом главное.

— А в чем? — спросил Тоник, глядя, как далеко-далеко, на его перекрестке вспыхивает желтая искра светофора.

— Станешь побольше, поймешь, — сказал Женька.

Тоник решил не обижаться. В конце концов, Мухин, может быть, прав.

И Тоник сказал:

— Тебе хорошо. Тебе уже в аэроклубе самолет, наверно, дают...

— Нет уж... — ответил Женька.

Он произнес это очень медленно, с каким-то глубоким вздохом. И Тонику показалось даже, что вместо Мухина подошел и встал в темноте кто-то другой, с большой тоской на душе.

— Нет уж, — повторил Женька своим обычным голосом. — Не возьмут меня. Двигатель барахлит.

— Что? — встревоженно спросил Тоник.

— Ну что... — Он резко взял Тоника за кисть и прижал его ладонь к своей груди. Под майкой то слабо и медленно, то сильно и коротко толкалось Женькино сердце.

Хриплым и злым шепотом Женька сказал:

— Булькает, как дырявый чайник. Аж в горле отдает.

Тоник тихо отнял ладонь.

— Может, еще пройдет, — прошептал он, потому что надо было хоть что-то сказать. Потому что ему показалось, будто он виноват перед

Женькой. И стало понятно упорство парня, который не пускал Женьку на вышку.

Женька отвернулся. Он стал смотреть куда-то вниз, навалившись на железную планку.

Тоник подвинулся ближе.

— Может, еще пройдет? — тихо повторил он.

Окруженный кольцом огней, внизу лежал темный стадион. Со стадиона тянул запах теплых листьев полыни.

В черном зените горели белые звезды. Они очень ярко горели. До них отсюда было чуть ближе. И, может быть, поэтому казалось, что и они пахнут земной горьковатой полынью.

□

КРЫЛЬЯ

На маленьком досаафовском аэродроме мальчишку знали все: планеристы, инструкторы, шоферы и хромой сторож дядя Костя.

Первый раз его увидели весной, когда начались пробные полеты. Мальчик стоял недалеко от мотолебедки и смотрел, как длинными крыльями рассекают воздух зеленые «приморцы». С тех пор он приходил почти каждый день. Сначала его прогоняли: просто так, по привычке, как гоняют любопытных мальчишек, чтобы не мешали серьезному делу. Потом к нему привыкли.

Он помогал курсантам подтаскивать к старту планеры, пристегивать парашюты, расстилать и свертывать белые полотнища посадочных знаков.

Вечером вместе со всеми он сидел у костра. Над аэродромом висело, опрокинувшись, темно-серое, с синим отливом, небо. На северо-западе приподнимала сумерки желтая закатная полоска. Крикливые поезда проносились за темной рощей, и от их железного гула вздрагивали одинокие звезды. Курсанты пекли картошку, накопанную на соседнем огороде, инструктор Григорий Юрьевич рассказывал о своей службе в полярной авиации.

А мальчик ни о чем не говорил. Он только слушал и постоянно думал об одном и том же.

Долгое время он не решался попросить, чтобы его взяли в полет. Когда он наконец попросил, ему, конечно, отказали. В этот день он больше ни о чем не говорил. Назавтра он сказал Олегу — одному из самых опытных планеристов:

— Даже собаку катаете, а меня нельзя?

Он имел в виду Мирзу, маленького шпица, на счету которого было не меньше десятка полетов.

— За собаку отвечать не придется, — ответил Олег.

Через неделю, сломленный настойчивыми просьбами, Олег сказал Григорию Юрьевичу, что хочет покатать мальчишку.

На следующее утро мальчик пришел на аэродром так рано, что даже дядя Костя еще не спал. Только через три часа появились планеристы.

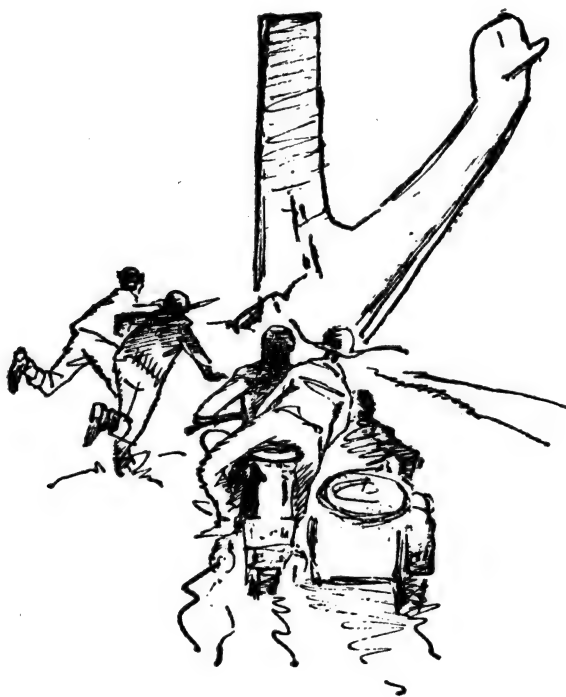
Еще через полчаса пришел моторист лебедки. Потом вывели из ангара недавно полученный планер. Каждый был занят своим делом и никто не замечал, как вздрагивал голос мальчишки, когда он старался подавить волнение.

— Сначала я полечу один, — сказал Олег, надевая парашют. — А тебя возьму во второй раз.

На другом конце аэродрома загудела лебедка, трос натянулся, и планер пошел в небо.

И вдруг кто-то очень спокойно, как показалось мальчику, произнес:

— Не может отцепиться.

Планер был уже над самой лебедкой, но трос все еще удерживал его. Мальчик представил, как в кабине Олег судорожно дергает черный рычажок, чтобы освободиться от троса. На другом конце поля заматалась фигурка моториста. Он хотел обрубить трос, но, видимо, у лебедки заело «ножницы». Планер вошел в крутое пике, затем у самой земли сделал штопорный виток и как-то наискось врезался в огородные гряды за аэродромом.

Мальчик стоял с побелевшим лицом, стоял неподвижно и слышал, как отовсюду наваливается тишина, плотная, словно ватное одеяло. И только когда, взревев, промчались мимо него мотоциклы, он очнулся и побежал следом. Впервые мальчик почувствовал, какой все-таки огромный этот маленький аэродром.

Когда, задыхаясь, он подбежал к упавшему планеру, Олега уже увезли в больницу.

На следующий день мальчик не пришел на аэродром.

Он появился через четыре дня и сказал планеристам:

— Я в больнице был. У Олега ребра сломаны и рука. И сотрясение мозга было. А сейчас ничего...

— Ничего? — усмехнулся Григорий Юрьевич.

Мальчик потупился.

— Олег долго пролежит, — тихо сказал он. — Можно мне с кем-нибудь полететь? Можно, а?

Григорий Юрьевич долго смотрел на него, слегка наморщив лоб. Потом сказал:

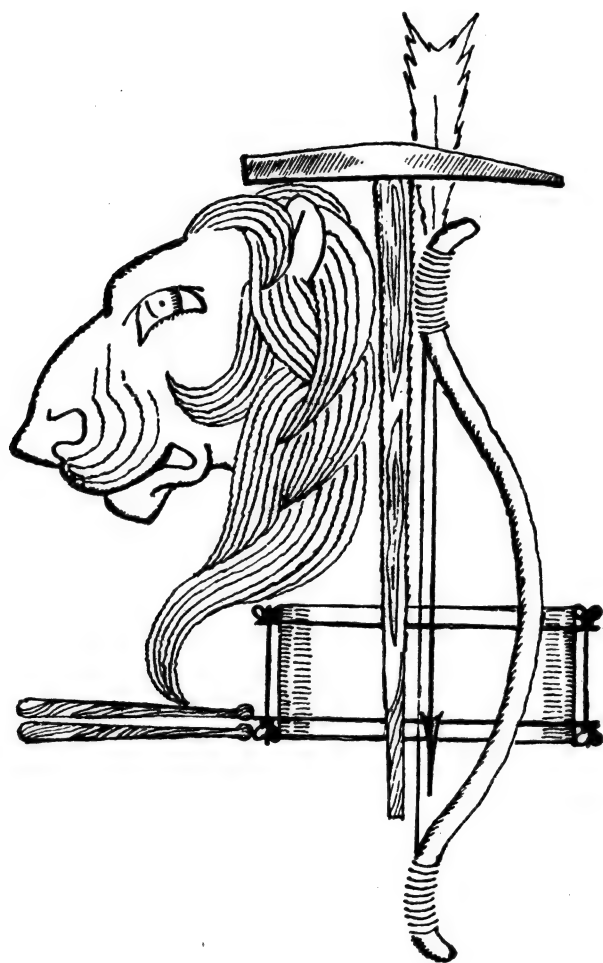
- Ты здесь крутишься столько времени... Как хоть тебя зовут?
- Антон, — хмуро сказал мальчик.
- Смотри-ка ты... Совсем крылатое имя.
- Почему?

Он тут же понял почему: на краю аэродрома стрекотал мотором другой «Антон» — маленький АН-2.

Григорий Юрьевич взглянул на часы.

— Иди к Мише Крылову, — сказал он. — Пусть он даст тебе свой парашют.

ПУТЕШЕСТ-
ВЕННИКИ
НЕ ПЛАЧУТ

ПАЛОЧКИ ДЛЯ ВАСЬКИНОГО БАРАБАНА

1. Все хотят от него избавиться

Второклассник Васька Снегирев пришел в пионерскую комнату, потоптался на пороге и сказал:

— Значит, не берете, да? Сами в кружок записали, а теперь, значит, выписываете обратно, да?

— Мы предполагали, что за зиму ты подрастешь, — разъяснила умная пятиклассница Галина, та самая, которая вела походный дневник кружка краеведов.

— Я и подрос!

— Подрос Васькин нос до верхушек берез, — тут же сочинил ехидный человек — ворчливый бритоголовый Лех.

Круглые веснушки на Васькином носу съежились, желтые крапинки в серых глазах потускнели. Хотел Васька что-то сказать, но не сказал и опустил голову.

Пришел командир походного звена — десятиклассник Сеня. Поглядел на второклассника Ваську. Стоит Васька на пороге с самодельным рюкзачком за плечами. Веревочные лямки режут худенькие плечи.

Васька шевелит плечами, молчит и разглядывает свои потертые тапочки.

— Эх... — сказал Сеня.

Потом Сеня добавил:

— Дома-то тебя все равно не отпустят.

Желтые крапинки снова засветились в Васькиных глазах.

— Папа в командировке, мама у тети в деревне. Ольга экзамены в институт сдает. Она говорит, что рада от меня избавиться.

— Мы тоже, — заметил Лех.

Сеня еще два раза сказал «эх» и еще раз поглядел на Ваську. Потом велел:

— Лямки смени у рюкзака... Да, и скажи еще, что ты будешь делать в походе?

— Все! — с готовностью пообещал Васька.

— Все — это значит ничего, — строго сказала Галина. — Какая у тебя обязанность?

Васька растерялся. Не было у Васьки обязанности. Откуда она, если его в поход брать не хотели?

Сеня сморщил лоб и пригладил светлый ежик волос. Ежик, конечно, не послушался.

— Эх, — сказал Сеня. — Ладно. Вот что. Возьми барабан, в походе пригодится.

2. Почему барабанщик маленький

Когда на земле начинались революции, смелые барабанщики шли впереди колонн, штурмующих дворцы и тюрьмы. Брала в барабанщики самых маленьких: в них пули попадали реже, чем в больших.

Так объяснил Сеня. Да Лех это и сам знал. Но он знал и то, что в походе не будет ни пуль, ни атак. И сказал Лех, что незачем делать барабанщиком хлюпика Ваську Снегирева, есть люди и поопытнее. Например, он сам, Алексей Орлов.

Но опытному человеку Алексею Орлову дали нести большую зеленую кастрюлю. Она служила походным котлом.

У каждого путешественника был не только рюкзак, но и еще какой-нибудь груз. Командир Сеня взял с собой топор и большую плащ-палат-

ку. Галина несла толстую дневниковую тетрадку и планшет, чтобы снять план местности. Ее подруга Таня надела через плечо пухлую сумку с красным крестом на боку. Знаменитый на всю школу собиратель жуков и бабочек Игорь Васильков прихватил банки-морилки для своей добычи.

У Леха особой специальности не было, он просто считался опытным путешественником. По солнцу, луне и звездам умел узнавать, где север и юг. Впрочем, без солнца, луны и звезд тоже умел. Лучше всех строил шалаши. Но самое главное — костер он разжигал с одной спички. Это было Лехиной гордостью.

Однако для всех этих занятий почти никакого груза ему не требовалось. Топор Сеня взял себе. Даже спички не дал Леху, боялся, что он где-нибудь, чего доброго, лес подожжет. Вместо спичек у Сени была зажигалка.

Ну, а раз у Леха ничего не было, ему и поручили тащить кастрюлю. Надо же ее кому-то нести. Кастрюля тяжелая, к ушкам веревка привязана, чтобы через плечо надевать. Очень интересно.

Лех надулся. Поглядел на Ваську сердито:

— Нашли музыканта. Из-за барабана не видать!

— Несообразительный ты, Лех, — тихо сказала умная Галина. — Все уже давно все понимают, а ты не понимаешь. Кастрюля тяжелая, не тащить же ему кастрюлю. А барабан легкий. И не тяжело, и польза есть.

— Польза! — громко и нахально заявил Лех. — Он и барабанить-то не умеет. Вот увидите.

Васька не утерпел, конечно. Тут же закатил такую дробь, что Таня сказала Леху.

— Во! Попробуй-ка ты так.

Этого уж совсем говорить не стоило. Лех разозлился теперь еще больше.

— На кастрюле вашей, что ли, пробовать? Ладно! Все равно ваш барабанщик палочки потеряет.

— Не шуми, Лех, — сказал Сеня. — Что он, совсем маленький? Не понимает, что барабанщикам палочки терять нельзя? Это же его оружие.

— Потеряет. Их ему и засунуть-то некуда. Ремня даже нет. Ха!

Правда, ремешка у Васьки не было. Штанишки на лямках.

— Не потеряю, — заверил Васька. — Честное октябратское, я не потеряю. Я их в руке нести могу.

Он так стиснул палочки в кулаках, что костяшки сделались белее дерева.

Лех снова хотел сказать что-то ехидное.

— Алексей! — крикнул Сеня. — Ты смотри... Я сказал, что Снегирев — барабанщик? Сказал. Значит, точка. Приказ не обсуждается. Лопнет мое терпение.

Но Лех еще долго обсуждал приказ. Только его уже никто не слушал.

3. Лех и зеленый ящер

У походного звена номер три было важное задание: узнать, откуда вытекает быстрая речушка Ящерка.

Звено шагало по берегу в ту сторону, где синели невысокие лесистые горы. Васька шел впереди. Солнце разбивало ослепительные лучи о зеленую воду Ящерки. Ветер качал траву. Белые зонтики высоких цветов щекотали Васькины колени. Васька прыгал через цветы. Барабан прыгал у него на боку и негромко гудел.

Веселый человек Васька. Чего ему не прыгать, если он первый раз в настоящем походе, если в небе ни одной тучки, а новые широкие лямки рюкзака совсем не режут плеч. Да и в рюкзаке у Васьки только лыжная курточка на случай холодной погоды, зубная щетка, кружка да пачка ванильных сухарей. Других сухарей

Васька не достал, а совсем без них тоже нельзя, какое же тогда это будет путешествие?

Васька прыгал, оборачивался, и желтые крапинки в глазах блестели, как солнечные точки.

— Почему речка Ящеркой называется? — спрашивал Васька.

— Этого никто не знает, — объяснила умная Галина.

— А откуда течет, тоже совсем никто не знает?

— Вот это мы и узнаем, — сказала решительная девочка Таня.

— Я знаю! — выпалил Лех. — Все знаю. Она течет... догадайтесь, откуда! Эх вы... Она из пасти ящера течет. Это такое зеленое чудовище, вроде крокодила...

— На тебя похоже, — подсказала Таня.

Васька обрадованно хихикнул и с разбегу перепрыгнул через целый куст белых соцветий.

— Вроде крокодила, — спокойно продолжал Лех. — Только в сто раз больше. Поэтому и речка так называется. Вот придем, сами увидите.

— Мели, Емеля, — сказала Таня.

Лех молот:

— Поглядит ящер, откроет зубастую пасть. Хап! И привет

Ямала — нету барабанщика с барабаном. Только тибетейка по течению плывет.

Васька потрогал на макушке тибетейку, перестал прыгать и слегка задумался.

— Разве что палочками барабанными подавится... — вслух размышлял Лех. — Стоп! А где палочки? Потерял?!

Васька схватился за живот.

— Тут они. Я их под рубашку сунул.

— То-то же! Ты гляди, этот ящер зубастый.

— Их уж давным-давно нет на свете, — заявила Галина.

— Я и сам знаю, что нет, — сказал Васька.

— Они вымерли целые тысячелетия назад.

— Даже миллионы лет назад, — уточнил Игорь. — Сейчас только кости находят.

— Там посмотрим, от кого найдут кости, — пообещал Лех и покоился на Ваську.

Сеня шагал молча. Может, слушал, а может, думал о своих важных делах. Все-таки командир.

— Сень! — окликнула Таня. — Правда, что гигантские ящеры все давным-давно померли?

— Правда, — кивнул Сенья.

— Ты, Лех, всегда против науки споришь, — сказал Игорь.

— То есть, не совсем правда, — спохватился Сенья. — Еще кое-где живут гигантские ящерицы. В Африке, в Средней Азии. В газетах писали, что в каком-то озере большущий водяной змей живет. Только его никто не видел.

— В каком озере? — осторожно спросил Васька.

— Да я забыл. Где-то за границей.

— У нас-то, наверно, нет таких... — равнодушным голосом сказал Васька.

— Наверно... А вообще у Игоря спрашивать надо. Он же специалист.

Но синий берет и желтый сачок Игоря мелькали уже далеко среди лиловых кустов иван-чая.

И донеслось оттуда:

— Пресмыкающиеся — не моя специальность!

4. История с рогатым экспонатом

Специальностью Игоря в кружке была энтомология. Так называется изучение насекомых. Но сам Игорь этого умного слова еще не знал, насекомыми он стал заниматься совсем недавно, весной. Тогда, на экскурсии в музей, он увидел большую коллекцию бабочек. И онемел от удивления. Сколько их было! Переливались красками громадные махаоны, чернели бархатные крылья траурниц, мягким лиловым светом горели на темной бронзе кружочки «павлиньего глаза». Россыпью шелковых лоскуточков пестрели под стеклом витрины маленькие мотыльки.

И весь этот легкокрылый народец жил, оказывается, под самым городом: в сосновых лесах, березовых рощах, на лугах, пестреющих ромашками и синими цветами мышиного гороха...

Два чувства прожгли насквозь пятиклассника Игоря Василькова. Так же, как железный раскаленный прут прожигает ручку деревянного меча, чтобы сделать дыру для веревочной петли. Это были страсть коллекционера и жажда научных открытий.

Но знаменитым он стал не потому, что сделал важное открытие. Игоря прославил случай.

В конце апреля, на перемене между географией и немецким Игорь нашел жука. Жук неторопливо шагал вдоль школьного забора, усами раздвигая молодые травинки.

Какой это был красавец! Длинный, в мизинец Игоря. Усы прямо как крабьи клешни. Черная спина блестит под солнцем, словно вороненая сталь.

Игорь цапнул жука за вороненую спину. Замирая от счастья, помчался в химический кабинет. Ребята из 9 «а» готовились к лабораторной работе.

— Т-товарищи, — заикаясь от волнения, обратился Игорь. — Н-нельзя ли эфирчику? Д-для науки.

Стуча каблучками, девятиклассницы с визгом разлетелись по углам. Девятиклассники жука оценили. Таинственными путями эфир был добыт. Его щедро накапали на промокашку. Промокашку и жука сунули в круглую жестянку из-под леденцов, а леденцы разделили поровну.

На немецкий Игорь чуть не опоздал. Когда он ворвался в класс, на его парте сидела толстая тетенька в маленьких очках на кончике носа. Сосед Игоря болел, но тетенька занимала сразу два места. На соседних задних партах тоже сидели очень солидные дяди и тети, наверно, из горно или института. Урок должна была давать студентка-практикантка.

Игорь взял в охапку свое имущество — портфель, жестянку, книжку «Картины природы», которую читал на географии, и побрел на первую парту, к Ленке Масловой.

Студентка вбежала в класс немедленно после звонка. Она кивнула прической, похожей на извержение вулкана Этны, нарисованное желтыми красками. Бодрая улыбка сияла на ее лице.

— Гутен таг! — жизнерадостным голосом приветствовала она. — Зэти ойх.

Сели.

— Вэр ист хойте орднэр? — без передыха шпарила практикантка. Игорь толкнул Ленку локтем:

— Ты дежурная.

Ленка встала, не отрывая восторженных глаз от великолепного извержения Этны.

— Их... бин... хойте орднэр...

Рука в позолоченном браслетике часов описала плавную дугу и указала на доску, где были нарисованы несколько чертей разного возраста, худой большеглазый кот и мишень для попадания теннисным шариком.

— Во ист ди ляппэ?

Ленка не знала, где «ляппэ». А Игорь знал. Он видел, как на перемене Павлик Седых выкинул ее в окно. Он старался попасть мокрой «ляппэ» кому-то по затылку, но промазал.

— Разрешите, пожалуйста, я схожу, — вызвался Игорь.

Извержение Этны милостиво качнулось. Игорь выскочил из класса, не успев затолкать в парту свои вещи.

Когда он принес тряпку, студентка, мило улыбаясь, спрашивала Ленку:

— Дас ист ди крайде? — и розовым маникюром пыталась открыть жестянку с мелками.

Игорь подумал, что жестянка-то в точности такая, как у него с жуком.

Больше ничего подумать он не успел.

Раздался звон покатившейся крышки и визг.

Визжала студентка здорово. Не очень громко, но зато мелодично, переходя на все более высокие ноты. В то же время она быстро переступала с ноги на ногу и поднимала растопыренные пальцы к голове. То ли хотела поддержать свой вулкан, то ли уши заткнуть от собственного визга.

Визг длился долго. Кое-кто уже успел прийти в себя, а Павлик Седых даже сказал:

— Во дает!

Только тут увидел Игорь жука. Жук лежал на спине, скорбно сложив лапки на желто-сером брюшке. Игорь бросился к своему сокровищу.

Решительная рука ухватила его за плечо.

— Как это называется?!

— Я еще не знаю, я его недавно нашел, — растерянно пробормотал Игорь, и его ясные голубые глаза встретились с холодными очками полной дамы.

— Вон! — сказала дама.

Чьи-то осторожные пальцы брезгливо взяли жука промокашкой, и он отправился в свой последний полет — через открытую форточку.

Стоило так визжать! Ведь рогатый жук был мертв.

Бедняга! Лучше бы он бродил среди свежих травинок и грелся под апрельским солнцем. Все равно ему не суждено было украсить коллекцию.

И как это безголовая Ленка Маслова ухитрилась перепутать жестянки?

После уроков Игоря и Павлика, который сказал «во дает», водили к директору. Потом Игорь и Павлик водили к директору родителей...

В общем, дальше ничего интересного не было. Интересно другое. На следующий день про случай с жуком знала вся школа. Девятиклассники сказали, что достанут Игорю хоть цистерну эфира. Поэтому

Игорь не бросил заниматься насекомыми. Он только все время жалел потерянного жука-рогача и мечтал найти нового.

С этой мечтой он и отправился в поход. Дело в том, что такого жука даже в музее Игорь не видел.

5. Васька и «кукушкин ершик»

Пока Игорю не везло. Жук-рогач не попадался. А может, он в лесу совсем и не водится? Игорь не знал.

Лес толпился у берегов. Острые макушки елок и пышные верхушки берез отражались в воде. Ящерка разбивала отражения на мелкие темно-зеленые кусочки.

Игорь шел, тоскуя о черном рогатом жуке. Заглядывал под каждый кустик. Жука не нашел, а на одном из березовых листков увидел гусеницу. Темно-оранжевую, с длинной черной щетиной.

— Кукушкин ершик!

Все подошли поглядеть на мохнатую находку. Гусеница и правда походила на ершик от ружейного шомпола. Таня спросила:

— А почему кукушкин?

— Так называется. Не я же придумал. Может, ее кукушки любят. Может, вкусная.

Умная Галина поджала губы.

— Ты, Васильков, хоть бы немного теорией занялся. Собираешь, что придется, а толку нет. Даже названий научных не знаешь.

Игорь полюбовался гусеницей, научного названия которой он не знал, и не спеша ответил умной Галине:

— Я сперва накоплю материал, а потом буду си-сте-ма-тизи-ровать.

Это было солидно сказано, и Галина промолчала. О находке она тут же записала в дневник, для научного названия оставила свободное место.

Игорь уже хотел отправить «кукушкиного ершика» в морилку. Но вперед вылез Лех.

— Минуточку, граждане! — Лех подставил гусенице прутик, и она сразу обвилась вокруг него, превратилась в мохнатый шарик. — Проведем проверку нервов. Не хватай, Гарька, ничего с ней не стрясется.

Гусеница завертела оранжевой головкой с черными точками-глазами: что еще с ней хотят делать?

Лех поднял прутик и пошел к Тане. Он мог смело проводить свой опыт: Сеня ушел вперед выбирать полянку для привала.

Но узнать, боится ли Таня гусениц, Лех не смог. Таня отломила от сухой березы порядочную дубинку, прищурила левый глаз и пообещала:

— Ну, сунься. Сразу носом в чернозем зароешься, как американская ракета со спутником.

Лех, ясное дело, не хотел изображать американскую ракету. Он повернул к Галине. Галина сказала:

— Я уже запросто вокруг шеи могу узлом завязать. А ты? Можешь? Можешь?

— Лех, давай гусеницу, — велел Игорь. — Замучаешь раньше времени.

— Сейчас, — сказал Лех. — Последний опыт. Только поглядим, как она к барабанщику за шиворот поползет.

Васька остановился. Передернул лопатками.

— Чего ты, Лех, ко мне лезешь? — жалобно сказал Васька, и круглые веснушки снова сморщились у него на носу. — Я же тебе ничего не сделал. Лезешь и лезешь. Большой, да?

Толстые губы Леха растянулись в довольную улыбку. Он двигался медленно и торжественно.

— Ну, чего ты... — опять начал Васька и прижался рюкзачком к березе.

— Хи, — сказал Лех. — А барабанщик-то... нервный. Сейчас она тебя слопаёт, и привет с Сахалина. Бей тревогу!

— Лех! — не выдержала Таня. — Бессовестный!

Лех стал подносить «кукушкиного ершика» к Васькиному лицу. Васька поднял барабан, как щит. Он съежился. Он понял, что сейчас во весь голос заревет, потому что мохнатое страшилище извивалось на пруте и черными точками смотрело прямо в Васькины зрачки, огромные от ужаса. Черная щелочка рта прорезала голову «ершика». Оранжевые губы, наверное, были мясистые и холодные... Васька зажмурился и открыл рот...

— Алексей! Опять ты к Снегиреву привязался? Честное слово,

лопнет мое терпение! — Высокая Сенина Фигура показалась из-за березок.

Васька закрыл рот и открыл глаза.

Над «кукушкиным ершиком» захлопнулась морилка.

6. Когда надо барабанить

Очень плохо бывает человеку, если выберут его барабанщиком, а он испугается какой-то маленькой гусеницы.

Васька уже не прыгает. И рюкзачок, где лежит лишь лыжная курточка, да пачка ванильных сухарей, кажется тяжелым. Гора на плечах.

Лех идет впереди и оглядывается. Оглянется и тихонько пальцем пошевелит. Показывает, как «кукушкин ершик» выгибает мохнатое туловище. Смешно ему. А как быть Ваське, если он даже видеть спокойно не может, когда что-нибудь ползет да еще извивается? Пусть тебя хоть генералом выберут, все равно страшно.

Но Леху, кажется, надоело над Васькой смеяться. А Ваське грустить тоже понемногу надоело. Ну, пусть он боится всяких гусениц и червяков. А зато не боится с разбегу перемахнуть на другой берег Ящерки. Речка уже узкая стала и мелкая, видно, как на дне стелются тонкие водоросли. Длинные, будто зеленые волосы русалок.

Р-раз! Только барабан загудел от толчка, да рюкзак хлопнул по спине. И под ногами другой бережок. Ну-ка, Лех, попробуй так! Где тебе! Даже длинноногая Таня ойкнула, а Сеня погрозил кулаком.

Из леса бежит среди ромашек чуть заметная тропинка. К самой воде бежит. А у воды что-то блестит. Подкова! Значит, лошади приходили на водопой.

Выхватил Васька из-под рубашки палочки. Тр-рах! Находка!

Сеня вздрогнул даже:

— Ты чего, Снегирев? Барабан продырявишь!

— Подкова!

— Я думал, жук, — почему-то обиделся Игорь.

— Шла корова, потеряла подкову, барабанщик шел, подкову нашел, — сказал Лех.

Галина не стала писать про подкову в дневник.

— Если бы она была хоть старинная...

— Все равно открытие, — доказывал с того берега Васька. — Раз есть подкова, значит, здесь где-то деревня.

Сеня засмеялся.

— Эх, Васька, Васька... Открытие! Про деревню мы и так знаем. Называется Палкино. Вон и крыши видать.

Васька бросил подкову в воду. Сверкнула на солнце и скрылась в зеленых русалочьих волосах. Разбежался Васька и махнул снова на левый берег. А он выше правого. Попал Васька животом на глинистую кромку, а ноги в воде по колено. Животу больно, а все равно весело.

Солнце пляшет на воде и листьях. Трескотня кузнечиков на полянках. Небо перерезал наискось белой чертой быстрый реактивный лайнер. На Москву.

Вылил Васька воду из тапочек. Только собрался догонять ребят, видит — в траве мертвая стрекоза. Синяя, а крылья прозрачные с черными крапинками. Снова взметнул Васька палочки: Тр-рах!

Ну, хочется человеку побарабанить! До сих пор не удавалось. Сперва думал Васька, в походе все под барабан маршировать будут, а ничего не вышло. Сразу разбрелись. Лех идет, ворчит на кастрюлю. Сеня думает о чем-то, девчонки о своих делах говорят. А Игорь за бабочками гоняет... Тр-рах!

— Игорь! Гляди, стрекоза...

Все сбежались на сигнал. Поглядел Сеня на Ваську, попробовал пригладить свой ежик, сказал:

— Эх, Васька... Ну, чего ты, Снегирев, зря гром устраиваешь? Разве за этим барабан у тебя?

— А зачем? — сказал Васька и стал смотреть, как из мокрых тапочек идут пузыри. Шевельнешь ногой — пузырь.

— Для важного дела барабан... Вот если случится большое открытие, и надо позвать всех... или будет тревога...

Васька перестал смотреть на пузыри. Поднял Васька широко открытые глаза.

— Или если настанет очень важный момент, — тихо сказал Сеня, — вот тогда ты, пожалуйста, барабань, Васька.

— Ладно, — тоже тихо сказал Васька. — А какой это важный момент?

— Всякий... Знаешь, сказать трудно... Хочешь, я расскажу лучше, что я однажды видел?

Все хотели, не только Васька. И все пошли рядом.

7. Рассказ о важном моменте

Сеня был тогда чуть постарше Васьки и чуть помладше Игоря и Леха. Ему исполнилось одиннадцать лет. Со своим дядей моряком он приехал в Севастополь.

Дом, где жил дядя, стоял недалеко от Исторического бульвара. Над холмом, усеянным белыми домиками, поднималось круглое здание Севастопольской панорамы. Белый камень, серебряный купол, башенка и шпиль с маленьким парусником.

В первый же день Сеня уговорил дядю купить билет.

...Низенький экскурсовод в полотняных брюках и сандалиях на босу ногу что-то громко объяснял. Сеня почти не слушал. Он стоял на круглой площадке с медными, как на капитанском мостике, поручнями.

Громадное полотно окружало склоны Малахова кургана. Склоны были как настоящие: с траншеями и землянками, с перевернутыми зарядными ящиками, брустверами из корзин. С фигурами убитых. А дальше, на полотне (и как это сумели нарисовать такую громадную картину!), английские, французские, русские колонны, синий дым выстрелов, далекие британские фрегаты, мачты затопленных русских кораблей, желтые форты и Севастополь под первым лучом солнца.

Уже не поймешь, что нарисованное, а что настоящее. Все настоящее! Но почему оно застыло и молчит?

— А здесь отображен особенно важный момент... — донесся до Сени голос экскурсовода в сандалиях. Что за момент, он уже не слышал. Ему показалось, словно что-то слегка сдвинулось на громадном полотне, шевельнулось, словно чье-то волшебство разорвало заколдованную тишину и неподвижность. Сене показалось, что все ожило. Он увидел маленького барабанщика.

Круглые бомбы с треском выбрасывали желто-красные букеты взрывов. Громкое шелканье выстрелов било по ушам. Воздух гудел от криков тысяч людей, сотрясался от залпов тяжелых бомбических пушек и мортир. И, как ни странно, слышался сквозь шум боя спокойный голос

Нахимова, поднявшегося на оборонительную башню, ворчливый бас хирурга Пирогова, скрип ведер на коромысле сестры милосердия Даши Севастопольской. А маленький барабанщик в зеленом мундире с белой перевязью выбивал спокойную негромкую дробь.

Уже не нужен был сигнал тревоги. Солдаты пехотного полка почти построились в ошестинившуюся длинными штыками колонну.

Не нужен был сигнал атаки. Все и так знают, что начнется она сейчас.

И все-таки барабанщик бил. Он стоял совсем спокойно среди тонкого свиста пуль и шуршания тяжелых ядер. Он чуть расставил ноги и склонил голову, глядя, как ровно пляшут палочки на желтой коже высокого барабана.

И Сеня понял, что это и есть важный момент. Было очень важно, что мальчик-барабанщик оставался очень спокойным и палочки не сбивались с ровного ритма.

Вы слышали когда-нибудь, как в рокот грозного ливня, шум ветра и трескучие раскаты вливается негромкий звон струи, ударившей в пустое ведро? Кто-то выскочил на секунду и сунул его под водосточную трубу. «Тра-та-та-та», — часто бьют капли о металлическое дно. И гроза словно отходит и делается спокойнее.

Так же и ровная дробь маленького барабанщика в грохоте штурма.

— Здесь, товарищи, вы можете рассмотреть... — голос экскурсовода, усиленный микрофоном, ворвался в грохот боя. Вздрыгнул Сеня, и кончилось волшебство. Умолкли пушки. Неподвижно повисли синие дымы. Замерли на бегу солдаты.

А мальчик с барабаном стоял так же, как раньше. Чуть расставил ноги и склонил голову в зеленой с красным околышем бескозырке. Только палочки не мелькали в руках. Он отдыхал...

Экскурсия обходила площадку по кругу. И вот уже надо спускаться по лестнице, узкой и крутой, как корабельный трап. Сеня не спустился. Он протолкался осторожно и пристроился к другой группе. Вернулся к барабанщику.

Так он делал три раза...

Потом он ушел из панорамы к Четвертому бастиону. Черные корабельные пушки были горячими от солнца. Два загорелых малыша прыгали с бруствера в мелкие желтые цветы. Заберутся и прыгнут... Ветер

запутался в выгоревшей траве, и ее сладковатый запах смешался с запахом моря. Струился теплый воздух. В нем колебались белые ряды домиков на крутых склонах за Южной бухтой и темный памятник-танк на Красной горке.

Сеня сел на бруствер.

Он вспомнил барабанщика, сохранившего мужество в очень важный момент. И показалось Сене, что он встретил хорошего друга. Ведь он тоже был из беспокойного племени мальчишек. Он был таким же, как те мальчишки, которые помогали отстаивать Севастополь и в прошлом веке, и позже, когда немецкие снаряды разбивали памятники и дома.

И он подумал, что смог бы тоже...

Но этого Сеня ребятам уже не сказал. Об этом не говорят...

8. Мечты и травинка

Васька лежит на траве. Ноги у Васьки гудят. Ведь прошагали-то ой-ой сколько! Сеня говорит, что девять километров. А Лех говорит, что двенадцать.

Ваську только что отругали за легкомыслие: за то, что не взял с собой одеяло. Васька вместо того, чтобы расстроиться, обрадовался:

— А разве поход с ночевкой будет?

— Горе луковое! — ахнула Таня. — Ты и не знал?

Галина застонала. Лех засвистел сквозь зубы, стал разглядывать совершенно пустое небо и заметил между прочим:

— Я сразу говорил... Свяжись с мелкотой — хлебнешь соленого.

Сеня хотел выругать Ваську покрепче, но не стал. Себя ругать надо: не проверил даже, с чем идет в поход малыш Снегирев.

— Эх... — сказал Сеня. — Пустая голова!

Все думали, что это про Ваську, а он это про себя сказал.

— Можно двоим под одним одеялом, — рассудил Игорь. — Когда знаменитый путешественник Александр Гумбольдт путешествовал по Амазонке, он однажды...

Васька не узнал, что стало со знаменитым путешественником. Усталость как-то сразу налила ноги. Васька лег там, где стоял. Сунул под голову рюкзачок, где уже не было пачки ванильных сухарей.

Сквозь сомкнутые ресницы Васька смотрел на солнце. Оно разбилось на брызги. И вдруг потемнело. Открыл Васька глаза. Солнце спряталось за прозрачное облачко. Просвечивает сквозь него, стало ровное и круглое, без лучей. Похоже на маленький барабан.

Васька трогает локтем барабан, шупает под рубашкой палочки. Тут Васька начинает мечтать. Он теперь знает, что нельзя поднимать палочки из-за мертвой стрекозы или блестящей подковы. Вот если случится важное открытие, или нападут на путешественников враги, или встретится на пути такое, что потребует большой смелости и больших сил... Тогда вставай, Васька! И стой крепко, пусть палочки не сбиваются от страха. Барабанщик всегда должен оставаться спокойным. Ведь он подает сигналы. Что будет, если растеряется барабанщик?

Вот опустится ночь, и заплещут на деревьях желтые отблески костра. И все уснут. Кроме Васьки. А он сядет у огня. Будут тихонько трещать в пламени сучья, будет шептаться кругом темный лес. И вдруг... Бей тревогу! Из черных листьев протиснулась к огню страшная зеленая голова. Горят, как зеленые светофоры, глаза, шевелится в зубастой пасти красный раздвоенный язык, извивается чешуйчатая шея. Ящер!

Или, ну его, этого ящера. Все равно таких и на свете не бывает.

Лучше пускай будет бой у крепости, где враги держат в плену тех, кто за революцию. Пусть двинутся на приступ штурмовые колонны! Стены и башни опоясаны синим дымом выстрелов. Все равно вперед! Бьет Васькин барабан! Так бьет, что камни рушатся и сыплются со стен развалившиеся зубцы...

Но нет, не бывает так. Сейчас другие войны, и барабанщики не ходят в атаку впереди цепей.

Может быть, полететь на Луну, открыть там лунный город и ударить в барабан, чтобы все космонавты сбежались и помогли Ваське разузнать, какие здесь есть тайны?

Но читал Васька, что на Луне даже выстрелов не услышишь, а не только барабана. Потому что нет там воздуха.

Ладно! Если барабанщик смелый, дело ему найдется.

Будет трудная дорога, будут горы, пропасти и обвалы. И висит над одной страшной пропастью веревочный мост. Остановились путешественники. Даже самые смелые опустили глаза. А надо идти.

И Васька идет.

Натянулись тонкие веревки. Качается мост. Так качается, что кажется Ваське, будто уплывает он куда-то. Плышет, плывет. Но вот и берег. Над самой пропастью, на узком каменном карнизе, встал барабанщик и поднял палочки. Ровно стучат они, эхо рассыпалось в горах веселым горохом. Барабанщик спокоен. Значит, мост надежен. Значит, все будет хорошо, только не надо бояться...

Но что это щекотит Васькин локоть? Васька поднимает ресницы. Мохнатая зеленая гусеница!

Дернул Васька руку, вскочил.

Рядом на перевернутой кастрюле сидел улыбающийся Лех. Крутил в пальцах длинную травинку с пушистым зеленым колоском.

9. Барабанят капли

— Бессовестный ты, Лех, — сказала Таня. Но голос у нее был не сердитый. Ваське даже показалось, что она тихонько смеется. Правда, разглядеть Ваську не успел. Таня вдруг принялась рыться в своей санитарной сумке. И чего ей там понадобилось?

Сеня снова предупредил Леха, что у него лопнет терпение. Но и у Сени голос звучал несерьезно. Галина что-то черкала в дневнике и на Ваську не смотрела. Губы кусала.

Плохо стало Ваське. Опять смеются. Смешно, конечно, как он травинки испугался.

А может, он и не испугался! Может, вскочил он просто так.

Васька надел барабан. Хмуро сказал:

— Пора уж. А то сидим, сидим... Вечер скоро.

— Ну, раз ты все равно проснулся, значит, можно идти, — согласился Сеня. — Отдохнул?

— Я и не устал.

— Побарабань-ка. Игорь где-то своего жука ищет.

Васька сунул палочки под рубашку.

— Буду я из-за пустяка барабанить... Так позовем.

Хором позвали Игоря.

Пошли.

С запада подкрались серые и сизые облака. Дождь пошел. Сначала маленький, а потом как приударил!

Сеня раскинул под березой плащ-палатку, укрыл всех с головой. Залез сам.

Из-под плащ-палатки ничего не видно. Все сбились кучей, не поймешь, где чьи руки, ноги, головы. Зато тепло. Уютно.

Лех послушал, как барабанит по брезенту дождь. Определил:

— Зарядил на неделю.

Ему поверили. Лех — опытный путешественник. Стали думать, что делать. Ничего не придумали и решили пока сидеть просто так. Потом видно будет.

Сначала сидели тихо. Наконец Игорь сказал:

— На меня капает.

— Не размокнешь, — решил Лех.

— На морилки капает... И вообще, если не перестанет, мы плесенью обрастем.

— Плесень — ерундовщина, — грустно сказал Лех. — А вот в сырые места любят змеи заползать — это да.

— Какие змеи? — забеспокоился Васька.

— Всекие, — охотно сообщил Лех. Протянул назад руку и провел по Васькиной ноге сырой холодной травинкой. — Ядовитые.

Васька ойкнул и дрыгнул ногой. Здорово дрыгнул.

— Скажите вы вашему барабанщику, чтобы тихо сидел! — закричал Лех. — Он мне коленом затылок продолбил.

— Ничего я не продолбил, — стал оправдываться Васька. — Я о его затылок коленную чашечку разбил. Он твердый и колючий какой-то.

— Сам ты колючий! — разозлился Лех. — Чем ты мне под лопатку колешь?

— Это палочки, — виновато сказал Васька. — Ну, ладно. Я их уберу сейчас.

— Хоть бы ты их потерял скорее!.. Расселся тут со своим барабаном.

Лех толкнул ногой барабан, который лежал отдельно. Барабан выкатился из-под плащ-палатки. Подпрыгивая, покатился по траве: поляна шла под уклон.

— В речку свалится, — спокойно сказал Лех. — Беги. А то зачем тебе палочки, если без барабана.

Васька поежился. Дул ветер, и косой дождь порывами хлестал по брезенту.

— Алексей! — гаркнул Сеня. — Марш за барабаном! Домой отправлю! Одного! И с дежурных по костру я тебя снимаю! И вообще... Лопнуло мое терпение... Марш!

Но Васька уже выскочил под дождь.

Он долго не возвращался.

— Простудишься! — крикнула Таня. Она ведь заботилась о здоровье путешественников. И вдруг все услышали, как Васька смеется. Он смеялся и говорил:

— А дождя-то никакого нет. Это ветер березу качает и капли сбрасывает. Они и барабанят. А дождь совсем кончился. Сейчас будет солнце...

10. Лех кричит «помогите»

Знаменитый собиратель жуков и бабочек первым увидел место, откуда вытекала Ящерка. Он погнался за бабочкой «павлиний глаз» и наткнулся на родничок у серого камня, покрытого серыми чешуйками мха. От родничка бежал ручей. Он и был началом Ящерки.

Игорь закричал, чтобы посмотрели на родник. Васька опоздал. Когда он прибежал, все уже стояли у камня. И не пришлось барабанить Ваське. Зачем шум поднимать, когда каждый уже знает об открытии?

Обидно.

Сеня сказал, что задача выполнена. Галина пристала к Игорю, чтобы он описал в дневнике «условия открытия истоков реки Ящерки». Игорь только рукой махнул. Что ему эти истоки! Ведь он не собирал коллекций ручьев и речек.

— Вот если бы жука рогатого найти...

В лес уже пробрались сумерки. С самой середины неба смотрела неяркая звездочка. Перестали шуметь деревья, и громче стал голос родника. Решили, что построят у родника шалаш, переночуют, а утром — домой. Сеня велел Леху нарубить еловых лап для шалаша. Лех взял топор, плюнул и пообещал:

— Костер без меня вы все равно не зажжете, хоть лопните на все четыре стороны.

И ушел.

Ответственным за костер Сеня назначил Игоря. Помогать сам взялся. Вытащил зажигалку. Интересная зажигалка, сделана как пистолетик.

— Мне ее дядя подарил! Из Одессы привез, — сказал Сеня.

— Хорошая, — похвалил Васька.

Сеня надавил курок. Фитилек не загорелся. Игорь поглядел на зажигалку, тоже похвалил:

— Ничего, красивая.

— Мне ее дядя... — сказал Сеня и снова нажал курок. Потом он нажал еще сто или двести раз. Даже искорка не вылетела.

Сеня опустил на камень.

Подошли Таня и Галина.

— Без огня нам костер не зажечь, — сказала умная Галина.

— Спать и без костра можно, — вздохнула Таня. — Но кто согласен есть сырую картошку?

Никто не был согласен.

Игорь старательно шарил по карманам. Наконец вытащил коробок.

— Для жука взял, если попадется. Тут, по-моему, одна спичка застряла.

Спичка нашлась. Сеня взял ее двумя пальчиками, будто она могла загореться раньше времени. А она могла совсем не загореться. Или погаснуть сразу...

— Позвать Леха? — спросил Игорь. Все понимали, что надо позвать Леха. Он костер с одной спички зажжет, сумеет.

Лех вдалеке постукивал топором.

Сеня молчал. Васька понял его. Васька сказал:

— Зажигай сам.

— Дай-ка бумаги, — велел Сеня Галине. — Сучья совсем сырые после дождя. И кто этот дождь выдумал?

Галина протянула два листика, вырвала из тетради.

— От сердца отрываю.

Сеня погладил на голове ежик. Прищурился. Вздохнул. Чиркнул.

Спичка зашипела...

Зажглась!

Вспыхнула бумага. Нехотя загорелась сырая береста. Все опустились на корточки и стали дуть.

И наконец поползли среди сучьев желтые язычки огня.

— Уф! — сказал Васька. Выпрямился и потер ладонью закопченный нос.

И тут услышали, как Лех кричит издалека:

— Ой-ой! Рогатина-страхилатина! Помогите!

11. Рогатина-страхилатина

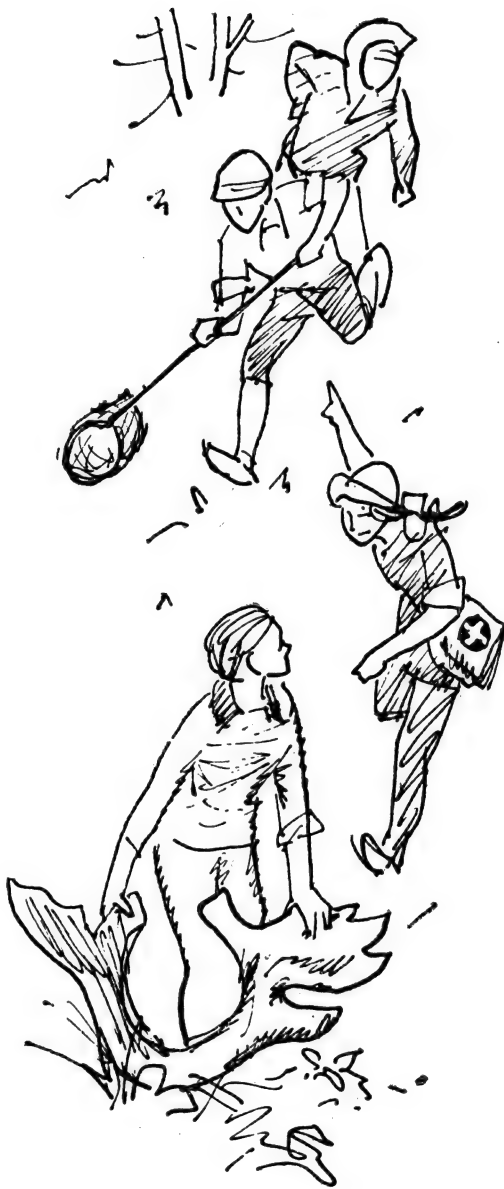
Игорь первый метнулся в чащу. Так рванул, что сачок свистнул в воздухе.

Таня схватила сумку и помчалась следом.

— Мама! — сказала Галя и зажала уши. Второй раз она сказала «мама» уже на бегу.

Васька вытянулся, как струнка, и задрожал. Не испугался Васька. Только почувствовал, будто воздух стал холодным, как в октябре. Стали громадными черные березы и ели, широко-широко раздвинулась поляна, небо поднялось на страшную высоту, и сразу глянули с него десятки новых звезд.

Тревога! Выхватил Васька палочки.

— Стой! — приказал Сеня. — Останься, следи за костром. Пойду, посмотрю.

И широкими шагами двинулся туда, где только что орал Лех.

А тревоги никакой не было. Лех тащил навстречу тяжелый лосиный рог. Большущий, широкий, как лопата. Отдуваясь, Лех похвастался:

— Лось весной сбросил, а я нашел. Видали находочку!

— Нашел, ну и тащи, — рассердилась Таня. — Заорал, будто его волки жрут.

— Тащи! Он застрял.

— Брось тогда, завтра притащим.

— Я тоже застрял.

— Лучше бы ты в городе застрял, — вздохнул Сеня. — Не вынесу я Васильков! Ты почему бросил костер?

— Ой, — испугался Игорь. — Я забыл. Я думал, Лех рогатого жука нашел. Кричит: «Рогатина»...

— Значит, жук виноват? — сказал Сеня. — Ну-ну...

— Васька где? — забеспокоилась Таня.

— Остался. Караулит костер.

— Эх, вы... — прохрипел застрявший Лех. — Он там один, а вы... Он же первый раз один... Помрет со страха... И никакого костра...

— Пошли. Быстро, — скомандовал Сеня, вытаскивая Леуха из развилки двойного березового ствола.

Затрещали ветки. Васька шел навстречу.

— Костер горит?

Васька тихо сказал:

— Горит.

12. Когда барабанщик плачет

Солнце пробило еловую крышу и разбудило командира. Васька лежал рядом, под одним одеялом.

Сеня пошевелил его локтем:

— Просыпайся, барабанщик, бей подъем.

Васька поднялся сразу.

— Ты что невеселый?? Не выпался?

— Выспался, — глядя в землю, сказал Васька. — Я давно не сплю.

Он ушел на другой край поляны и начал барабанить, стоя спиной к шалашу.

Лех вылез на солнце. Медленно стал подкрадываться к Ваське, чтобы пощекотать травинкой ему шею. Вот подскочит барабанщик!

И подкрался. Не слышал Васька.

— Братцы! — завопил Лех. — А палочек-то нет! У него сучочки березовые! Я говорил, потеряет!

Васька быстро обернулся. Бросил в траву два березовых сучка. И вдруг побежал в лесную глубину сквозь путаницу веток...

Его нашли у старой сосны. Он тихо плакал, прижавшись к смолистому стволу. Сеня взял его за плечо. Оно было мокрым от росы.

— Хватит, Васька, — сказал Сеня.

— Ладно, — всхлипнул Васька, но все еще плакал.

— Эх... — прошептал Сеня. — Беда мне с вами. — И он добавил очень тихо, так, что слышал только Васька: — Перестань. Ты же барабанщик.

Слезы снова прорвались у Васьки.

— Какой... барабанщик... если... без палочек...

Игорь, Таня, Галина, Лех стояли позади. Стояли в двух шагах и не знали, как скверно сейчас их командиру. Наверно, никогда он не научится быть настоящим вожатым, если не умеет даже успокоить плачущего октябренька. И напрасно говорила ему Светка Левакова, та, что ушла со вторым звеном к Чертовым Камням: «Ты родился, чтобы стать вожатым, Сенечка».

Ей хорошо, этой Светке Леваковой: у нее в группе одни семиклассники, не то что этот детский сад...

— Снегирев! — сказал Сеня. — Ты в походе! Ну-ка повернись. Смирно!

Он повернулся. Он стоял прямо, сдвинув вместе вымокшие в росе тапочки и опустив руки. На штанах и рубашке капли смолы и чешуйки коры — прижимался к стволу. На щеке тоже чешуйка — золотистая, как веснушки, только побольше. Слезинки скатываются по щеке и огибают смолистый кусочек коры, не трогают.

— Где же палочки?

— Сго...рели, — всхлипнул Васька.
— Да перестань ты, — вдруг принялась утешать его Таня. — Ну, сгорели. Помирать теперь, что ли? Ты же не нарочно.
Васька поднял влажные глаза.
— Нарочно.

13. Что было вечером

— Все тогда убежали, — прошептал Васька, — а костер совсем перестал гореть.

Он вытер кулаками глаза и поднял лицо.

— Ну, почти совсем... Только дым, а огня нету. Один маленький огонек остался. А ветки не горят, все сырые...

Ветки не хотели гореть. Они только шипели, как рассерженные змеи, и ждали, когда умрет последний желтый язычок огня. И не было больше спичек. И времени, чтобы думать, тоже не было. Васька кинулся животом в мокрую траву и дул, дул так, что в глазах затанцевали зеленые пауки. Пока он дул, огонь держался. Но Васька уже обессилел. Он задохнулся от дыма.

Васька вскочил. Не было слышно голосов! Что там за беда? Что случилось с Лехом? А может... там уж... и живых нет...

Если бы мог Васька разорваться, чтобы и у костра остаться и помчаться туда, на помощь!

Но тут и без разрывания не сберечь огонь. Не отстоять одному костер. Помощь нужна.

Поднял Васька палочки. И увидел, что совсем сжался огонек, погаснет вот-вот.

Ударить он не успел. Отдал палочки огоньку, потому что наступала ночь, а он, Васька, должен был как угодно сохранить костер.

Палочки были сухие. Ведь он их все время держал под рубашкой...

— Вот и все, — кончил Васька печальный рассказ.

Сеня взял его за плечо, и они пошли к шалашу. Васька нес барабан за ляжку. Барабан гудел, задевая ветки.

Таня, Галина и Лех шли следом. Сзади всех брел Игорь, волоча за собой сачок.

— Допрыгался, — сказала ему Галина. — Хорош бы ты был, если бы не Васька.

— Мы-то хоть думали, что с Лехом случилось что-то, — добавила с другого бока Таня. — А ученый наш за жуком помчался, костер бросил.

— Будто первый раз в походе, — ввернула Галина.

Игорь молчал. Потому что был не в первый раз в походе и знал, что дежурному нельзя бросать костер, особенно, если нет больше спичек. Такой в походе закон. Пусть хоть тысячи рогатых жуков ползают вокруг, пусть даже летают рядом тропические бабочки, живущие в лесах Амазонки, где путешествовал Александр Гумбольдт...

Таня догнала Ваську.

— Чего же ты сразу не сказал? — упрекнула она. — Скрывал за чем-то.

— Я хотел...

Он, правда, хотел сказать сразу. Когда пламя охватило палочки и расплзлось среди сучьев, он бросился, наконец, следом за всеми на выручку Леху.

Он бежал очень быстро и скоро услышал голоса.

— Он же первый раз один... — говорил Лех. — Он там от страха помрет...

И ничего не сказал Васька. Ведь подумают, что сжег он палочки, потому что испугался.

А он не боялся. Некогда ему было бояться.

И ничего не сказал Васька. Только сказал одно слово:

— Горит.

Это когда Сеня спросил о костре. Ответил Васька и только тут понял, что наделал! Нет у него палочек! Значит, не барабанщик он. Барабанщики не бросают палочки в огонь, это их оружие. И если случится тревога или надо будет дать важный сигнал, что станет делать Васька?..

Когда совсем стемнело, Васька выломал две березовые ветки, обрывал с них листья. Но разве это настоящие палочки? Это все равно, что деревянный наган вместо настоящего пистолета.

Никому не показал он эти два березовых сучка. А когда не признаешься в чем-нибудь сразу, потом в сто раз труднее...

14. Картошка будет в мундире

— Алексей! — сказал Сеня. — Иди-ка сюда.

— Не пойду, — сказал Лех.

— Ну!

— А зачем кулак показывал?

— Иди.

Лех перестал копаться в рюкзаке. Вздохнул. Пошел.

— Свинство это, — тихо проговорил Сеня. — Все из-за тебя. Извинись перед Васькой.

— Буду я еще извиняться... — хмуро сказал Лех. — Новости. Привет с Камчатки... Кастрюлю таскай да еще извиняйся...

Он ушел. Далеко ушел, за деревья.

Васька, сгорбившись, сидел у шалаша.

Сеня вытащил плащ-палатку, начал скручивать в пакет.

— Сеня, — тихо окликнул Васька и поднял глаза. — Сеня... Я теперь барабанщик или так просто?

Сеня помолчал. Он мог бы, конечно, ответить сразу, но решил иначе.

— Ладно, — сказал Сеня. — Спросим ребят, быть ли тебе барабанщиком.

Васька посмотрел на ребят. Леха где-то нет. Галина сидит на перевернутой Лехиной кастрюле, что-то пишет в дневнике. Пишет, наверно, как он потерял палочки. Конечно, умная Галина скажет, что незачем второклассника Ваську делать барабанщиком. И Лех скажет, когда придет. А Игорю, наверно, все равно. Вон сидит он на корточках и разжигает костер увеличительным стеклом, которое взял, чтобы разглядывать насекомых. И на Ваську не смотрит. А Таня?

Тане тоже не до Васьки. Она потеряла нож. Все перерыла в шалаше, рюкзаки перетрясла. Ругается:

— Зубами я должна чистить картошку?

— Чисти моим, — предложил Сеня.

— Или моим, — сказал Игорь.

— Вашими ножами только тесто месить! У меня кухонный.

Она пошла искать Леха. Лех сидел под кустом.

— Рогатина-страхилатина! — гаркнула Таня. — Сейчас ты получишь! Люди картошку ждут, а он ножичком играет. Давай!

Лех не обернулся.

— Не дам, — деловито сказал Лех. — Сваришь в мундире.

Таня подошла ближе, чтобы ухватить упрямого Леха за шиворот. И не ухватила.

С минуту она стояла у него за спиной. И смущенно сказала потом:

— Ладно... Сварю в мундире.

15. Будет много дорог...

Барабанщиков много. Целые миллионы.

Может быть, не стоило рассказывать о барабанщике Ваське. Ведь ничего особенного Васька не сделал. Даже в барабан ударить по-настоящему ему не пришлось ни разу. И если уж быть честным до конца, то мохнатых гусениц Васька боится до сих пор.

О чем же тут говорить?

Но снова звено собирается в поход.

— А Васька? — осторожно спрашивает Таня.

Галина пожимает плечами.

— Что Васька? Надо яснее выражать свои мысли.

— Пустят? — выразил мысль Игорь.

Ваське труднее теперь. Мама приехала из деревни, папа вернулся из командировки. Экзамены у Ольги кончились. За прошлый поход Ваське от Ольги влетело: он ведь не сказал, что уходит с ночевкой.

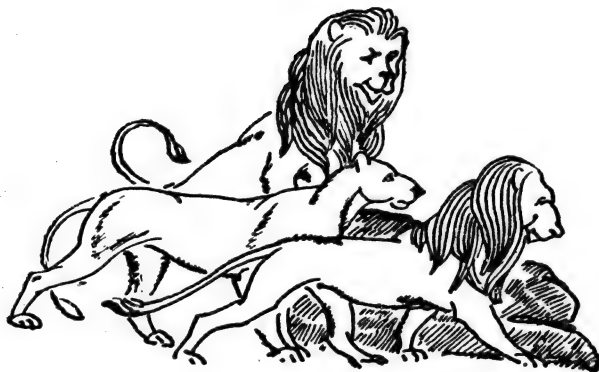
— Пустят, — ворчит Лех. — Всем гамозом пойдем, потребуем.

— Ну и выражения, — говорит Галина.

...Васька вытаскивает из-под кровати рюкзак. Скручивает одеяло. Потом Васька лезет за палочками. Барабан в школе, а скрепленные палочки для барабана висят над Васькиной кроватью, рядом с картой Урала и портретом космонавта Титова. На белом дереве коричневый кружевной узор. Игорь выжег своим увеличительным стеклом. С узором палочки кажутся даже красивее старых, хоть и не такие гладкие. А совсем гладкими сделать барабанные палочки Лех не сумел: ведь у него был только маленький кухонный ножик.

□

ЛВЫ ПРИХОДЯТ НА ДОРОГУ

За домом, где нет асфальта и много травы, стоит рассохшийся стол для пинг-понга. На столе Мишка и Владик мастерят из газеты змей. Мишка мажет клеем дранку и в то же время прислушивается. Сухие удары доносятся от забора: чак... чак... Это Мишкин младший брат с

завидной ловкостью всаживает в доски самодельный кинжал.

Ему шесть лет. Его зовут Сега. Вообще-то его надо было звать Сергеем или Сережкой, но вышло не так. Мишка хоть и перешел в четвертый класс, а не умеет выговаривать букву «р». Говорит, что в языке у него что-то не так устроено. Бывает... Вот и брата он пробовал звать Серьгой, а не получилось. Ну и пусть Сега так Сега. Это даже проще. Так его и другие стали называть.

Сега нарисовал на заборе чудовище: не то кита, не то бронепоезд с глазами. И тренируется. Кинжал у него сделан из обломка кухонного ножа. Опасно? Попробуйте отобрать. Мишка, например, уже пробовал.

Стук у забора вдруг прервался. Мишка нервно вздрагивает и оборачивается:

— Сега, ты здесь?

Из травы, где Сега ищет свое оружие, доносится ответ:

— Здесь пока...

Мишке очень даже понятно это «пока».

— У, м-мог-гда! — Это сказано с содроганием.

«Морда» поднимается из травы. И надо сказать, она симпатичная. Чуть лохматая, но зато глаза — как синие лампочки, и ресницы длинные.

— А чего ты... ругаешься?

Сега смотрит открыто, говорит удивленно и немного обиженно. И чуть-чуть нараспев. Только «р» он произносит резко и раскатисто. Наверно, все-таки назло Мишке.

— Посмей только смяться,— говорит Мишка.

Младшие братья обычно таскаются за старшими по пятам. Мешаются, канючат, лезут не в свои дела. А бывает наоборот. Реже, но бывает. Сега по пятам не таскается, на Мишкины дела ему плевать. Своих много. Но Мишке от этого не легче.

У Сеги гнусная привычка: уйдет куда-нибудь, и не дозовешься, хоть лопни. И не найдешь. Мама в панику: ребенок попал под машину, ребенок заблудился, ребенок свалился в колодец! Ребенок явится часа через четыре, глянет из под ресниц синими глазами... В общем, все ему сходит с рук из-за этих невинных глаз. А Мишке не сходит. Он старший, он следить обязан...

— Сега, где ты? Владька, он смылся! У, мог-гда!

Лес подходит к самому поселку. Сосны качают вершинами у окон четвертого этажа. И в комнатах, на стенах, лохматые тени машут большими ладонями.

Сосны тянутся вдоль домов узкой полосой. За соснами такой же полосой протянулся березняк, светлый и невысокий. А за ним начинается настоящий лес, и никто не знает, где у него конец. Ребята не бывали дальше просеки, на которой стоят мачты высоковольтной линии.

В этот бесконечный лес чаще всего и уходит Сега.

Ему нравится, как шумят деревья. Шум этот ровный и негромкий, он будто плывет издалека и снова уплывает вдаль, и сосны провожают его медленным качанием. Их очень много — прямых тонких сосен с золотистой корой. В просветах среди ближних стволов видны дальние деревья, а за ними совсем далекие, а за теми еще... И нет кругом ничего, кроме сосен, травы и солнца, которое пробивается сквозь высокую лесную крышу, сплетенную из веток.

Можно идти, идти и где-нибудь лечь в траву. Лес, громадный и доб-

рый, обступает Сегу, опрокидывает над ним темно-зеленые вершины и темно-синее небо. Шумит лес... И тогда уже не хочется всаживать в заборы кинжал, строить плотину у водопроводной колонки или запрягать в тачку соседского петуха Яшку. Все это не нужно в лесу...

Охота за Сегой измотала Мишку. Он сорвал голос. Круглые Мишкины щеки стали плоскими и бледными. После очередной облавы Мишка мрачно произнес:

— Я его лупить уже устал. Он даже не ревет. Я, Владька, скоро помру.

Владик шарахнул кулаком о теннисный стол:

— И чего его по лесу носит? Ну, скажи, что там волки его сожрут! Ну, придумай что-нибудь! Не будь тряпкой!

На Мишкином лице мелькнула горестная усмешка. Испугать Сегу можно было только одной вещью — зубным врачом. Но он был не дурак, он понимал, что зубные врачи в лесу не водятся.

— А все-таки... — Владик, прищурясь, глядел на чудовище, нарисованное Сегой на заборе. — А если не волки, а что-нибудь по-настоящему страшное!

Мишка с сомнением шмыгнул носом:

— Это ты умеешь сочинять. А я не умею.

Владик думал, думал, будто на контрольной по арифметике, когда совсем не у кого списать. Потом тихо сказал:

— Кажется, есть...

Мишка и Владик лежали в траве. Сегга сидел на столе, точил о кирпич кинжал и прислушивался к разговору.

— Сожрут они его, Мишка, — убеждал Владик. — Вот увидишь, сожрут. А ты будешь отвечать.

— Ну и наплевать, — устало и безнадежно сказал Мишка. — Пусть. Потом легче будет жить.

Владик покосился на Сегу, подумал. Потом заметил:

— Все-таки жалко. Все-таки он брат тебе или кто?

— А хоть кто... Сам виноват. Не будет по лесу шляться.

— Сожрут,— уверенно повторил Владик.— Вот увидишь. Они теперь все время в лесу околачиваются.

Сега, не переставая чиркать ножом о кирпич, наконец подал голос:

— Кто?

— Лучше не суйся, обезьяна! — плаксиво закричал Мишка. Владик сказал:

— Не ори, Михаил, не надо. Пусть он знает. Мы говорим о львах. Сега поднял от кирпича голову.

— О каких?

— О каких! С хвостами, с гривами. С зубами, конечно. Тебя черт по лесу носит, а люди переживают. Мишка скоро заикаться станет.

Сега лихо сплюнул на кирпич и снова зачиркал клинком. Потом сказал:

— Здесь львов нет. Они живут в Африке.

— Долго им, что ли, из Африки сюда добраться? — хмуро заметил Владик.— У них лапы сильные. Не то что твои цыплячьи ноги.

— Два драных осла,— хладнокровно сказал Сега. Мишка стал подниматься из травы.

— Сейчас я ему...

— Не надо,— Владик положил на Мишкино плечо ладонь.— Ты, Мишка, слушай. Мне дядя Ленья рассказывал. Львы приходят на дорогу у плоского камня, где поворот. Они сидят и нюхают воздух. У них знаешь, какой нюх! Говорят, съели одного монтера и двух старух, которые ходили за грибами...

Сега прервал свое полезное занятие, оттолкнул ногой кирпич. Встал. Посмотрел на вершины сосен и пошел в дом.

— Ключуло,— облегченно сказал Владик.— Я говорил...

Львы приходят на дорогу. Большие желтые львы приходят и невозможно садятся у обочины, подмыв колоски высокой травы. Удивленно качают верхушками сосны, сыплют вниз коричневые иголки. Эти иголки легкие, потому что сухие. Ветер запутывает их в львиных гривах песочного цвета...

Сега лег на большой плоский камень, покрытый серыми чешуйками мха. Камень лежал выше дороги, на склоне лесного холма. Деревья за-

гораживали солнце, и камень был холодный. Сега сразу же озяб, по спине пробежали мурашки. Но, может быть, это не от холода, а от волнения.

Сега придвинул к себе лук и стрелы с наконечниками из жести. Он выменял их у Вовки Валеева на свой кинжал. Сега не собирался стрелять. Он просто чувствовал себя спокойнее с оружием, но стрелять не собирался. Он верил львам.

Он видел однажды льва. В зоопарке, когда был с отцом в Москве. Положив голову на тяжелые лапы, лев грустно смотрел сквозь железные прутья. Он был громадный, но совсем не свирепый, а просто печальный. У правой лапы его спала черная собачонка.

И, вспоминая этого льва, Сега не боялся встречи с его сородичами. Он и сам точно не знал, почему не боится. Но он чувствовал, что львы не могут обидеть его. Они слишком большие, а он слишком маленький. Они сильные, а сильный должен быть добрым. Львы придут на дорогу, приоткроют розовые пасти и зарычат. Но в голосе их не будет ярости, а будет только сдержанная сила. И эхо загудит среди сосен.

С большими львами придут глупые веселые львята. Они отыщут в траве сухие сосновые шишки. Эти шишки похожи на маленьких сердитых ежат. Львята станут катать их по дороге и обижаться, что шишки колют им лапы... Смешные они...

Но в этот день львы не пришли. А Сеге впервые попало дома как следует за его лесную прогулку. Сега сидел в углу и размазывал слезы. Но делал это он уже машинально, а думал о другом — о завтрашней встрече с львами.

Зачем ему львы? Сега не знал. Но его тянуло к ним так же, как до этого тянуло просто в лес. Львы были могучими, лес необъятным...

На следующий день Сега ушел к лесной дороге ранним утром. Широкие лучи резали зеленый воздух. Трава была в росе, и тапочки у Сеги промокли. Камень тоже был сырым, но Сега лег на него и уже не дрожал.

Он ждал львов до обеда, а потом проголодался и пошел домой. Дома его заперли до вечера.

На третий день, прождав часа два, Сега заметил, как у дороги зака-

чалась трава. Что-то рыжее и лохматое мчалось прямо на него. Сега крикнул и успел выпустить две стрелы. Обе они впились в коричневый сосновый ствол. Сега увидел, как дрожат у них белые перья, и зажмурился.

— Зачем ты хочешь убить мою собаку?

Сега показалось, что это заговорила

самая большая сосна. Такой густой и громкий был голос. Сега открыл глаза.

Рыжая собака стояла в десяти шагах. Она посмотрела на Сегу и залаяла, не двигаясь с места.

Снова раздался голос. Сега повернулся на спину. Он лежал на камне, а над ним стоял человек в серой рубашке, в черных штанах с широким поясом и высоких сапогах. Он был похож на охотника, только не хватало ружья.

— Ну-ка, зачем? — повторил человек.

— Я думал, что это лев, — шепотом сказал Сега. — Я испугался. Я не хотел стрелять.

Конечно, он не хотел стрелять. Хорошо, что это оказался не лев.

Человек засмеялся. Он смеялся долго, и Сега успел подняться. Теперь он сидел, свесив с камня ноги, а охотник все смеялся.

— Здесь нет львов, — сказал он. — Здесь нет зверей крупнее белки. Но и белок стрелять нельзя.

— Я не буду, — выговорил Сега. — Но здесь должны быть львы. Они приходят сюда из Африки.

— Африка далеко, — возразил хозяин рыжей собаки.

— Ну и что? У них лапы сильные, не то что... — Он посмотрел на сапоги. — Не то что у людей.

— Все равно, — сказал человек. — Африка очень далеко. Здесь нет львов, поверь мне. Я ведь здешний лесник.

Сега думал, что все лесники носят бороды, а этот был даже без усов. Молодой.

— Правда? — недоверчиво пробормотал Сега.

— Да, — сказал лесник. Он уже не смеялся.

Сеге стало очень грустно. Подошла рыжая собака и лизнула ему ладонь. Это была, наверное, очень хорошая собака. Но она не была львом...

— Прощай, охотник, — сказал лесник и пошел вверх по холму. Собака пошла за ним...

Сега уходил из опустевшего леса. В березняке его встретили Мишка и Владик. Мишка ухватил Сегу за майку и треснул кулаком между лопаток. Это было не очень больно, и Сега стерпел. Мишку и его друга он презирал.

«Вруны,— хотел сказать он.— Трепачи!» Он мог сказать и что-нибудь другое. Мало ли обидных слов со звонкой и раскатистой буквой «р».

Но Сега не произнес ни одного слова.

Ему не хотелось говорить.

— Если хоть еще когда-нибудь сбежишь,— с надрывом начал Мишка.— Если хоть еще ты...

Глядя под ноги, чтобы не запнуться о корни, Сега равнодушно сказал:

— Не сбегу я...

Зачем? Все равно они не придут. Желтые косматые львы не придут на дорогу у большого плоского камня, и ветер не будет запутывать в гривах у них коричневые иголки. И веселые глупые львята не будут катать в траве колючие шишки...

А может быть, они придут?

Может быть, они все-таки придут, если пойти встречать их не к повороту дороги, а туда, где стальные мачты-великаны держат на раскинутых руках повисшие от тяжести провода?.. За дальнюю просеку...

□

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ НЕ ПЛАЧУТ

У Володьки пропала собака. Все мальчишки с маленькой улицы Трубников знали, что у него потерялась собака. И жалели. Жалели рыжего Гермеса, потому что привыкли к нему очень давно: еще до того, как он стал Володькиным псом. Жалели Володьку, потому что он был неплохой парнишка, хотя немного плакса.

Впрочем, о том, что он плакса, мальчишки сами не догадались бы. Это сообщил Володькин дядя Виталий Павлович, тоже проживавший на улице Трубников. Он подвел Володьку к ребятам, которые у соседних ворот колдовали над разобранным велосипедом, и сказал:

— Послушайте, доблестные рыцари. Возьмите этого отрока в свою компанию. Он человек неплохой. Правда, немного плакса, а все остальное на уровне.

Сашка Пономарев (Володька тогда еще не знал, что его Сашкой зовут) вытряхнул на масляную ладонь подшипники из втулки, посчитал шепотом, затем рассеянно глянул на дядю и на племянника:

— А пускай,— сказал он.— У нас приемных экзаменов нет.

Дядя Володя коротко сжал Володькино плечо: «Оставайся»,— и ушел. Он считал, что суровые законы мальчишеской компании пойдут Володьке на пользу.

Но никаких суровых законов не было. Володьку попросили подержать колесо, пока собирали втулку и надевали цепь, потом дали прокатиться на отремонтированном велосипеде (все катались по очереди). Потом спросили, как зовут.

И уж совсем потом, когда был вечер, маленький Сашкин брат Артур спросил без всякой насмешки, а просто с любопытством:

— Почему твой дядя Витя говорит, что ты плакса?

Володька увидел, как Сашкина ладонь поднялась для подзатыльника глупому Артуру, но нерешительно остановилась. Мальчишки молчали. И было непонятно, осуждают они неделикатного Сашкиного брата или ждут ответа.

И Володька сказал просто и честно:

— Я знаю, он сердится. Я при нем разревелся, когда с родителями прощался. Они в Крым уезжали, а меня сюда отправили... А он слез не любит.

Нельзя было смеяться над таким прямым и беззащитным ответом. Ребята помолчали немного. Сашка все-таки шлепнул Артура по шее и небрежно утешил Володьку:

— Ничего, привыкнешь...

— Наверно,— откликнулся Володька. Ему захотелось еще сказать, что привыкнет он обязательно, он умеет привыкать. Весной он распрошался с Юриком Верховским, и первые дни после этого тоже скребло в горле, а потом уже не скребло. Только иногда. А с Юркой они были всегда вместе еще с детского сада... Но ничего такого Володька говорить не стал, потому что иногда вредно тратить много слов...

Собака у него появилась через неделю после этого разговора. Женька Лопатин, который жил через два дома от Володьки, рано утром стукнул в его окошко. Подтянулся на высокий подоконник и спросил:

— Вовка, можешь взять собаку? Хоть не насовсем, а на время?

Сонный Володька спросил, конечно, что это за собака, и что он с ней будет делать. Оказалось, что делать с ней ничего не надо, только кормить и поить, чтобы не померла с голоду и не взбесилась от жары. Раньше этот пес жил у Женьки, а еще раньше у многих других ребят. Но по долгу он не жил нигде. Все родители ругались и прогоняли собаку. Сторож из нее был никудышный, а лопала она, как хорошая свинья.

Женькины слова не обрадовали Володьку. Но неудобно было отказываться, да и жаль собаку.

— Ну, давай, — сказал он, предчувствуя неприятности.

И Женька привел на веревке Гермеса.

Пес был величиной с овчарку, но лопоухий. Рыжий, клочкастый и тощий.

— Сидеть, — велел ему Женька. Гермес зевнул, сел, глянул на Володьку светло-коричневыми лукавыми глазами и вдруг замахал репьястым хвостом. Взлетели с земли клочки газеты и щепки, а по ногам прошелся пыльный ветер.

— Он, вроде бы, совсем не злой, — заметил Володька.

— В том-то и дело, — вздохнул Женька. — Он всех людей считает своими, потому что настоящего хозяина у него не было. Со щенячьего возраста живет беспризорный... Но он хороший. А ты собак любишь?

— Не знаю, — сказал Володька. Он в самом деле не знал. Он жалел собак, если им было плохо. И кошек жалел, и зверей в зоопарке, и птенцов, которые падают из гнезда. Но дядя Витя сказал однажды, что жалость и любовь разные вещи.

Гермеса Володька привязал в палисаднике среди геор-

гинов. Принес чашку с водой, тарелку со вчерашними макаронами. Гермес махал хвостом и улыбался розовой пастью.

Потом, конечно, был разговор с дядей Витей и тетей Таней, его женой. Тетя ахала, называла Гермеса чудовищем и вопросительно смотрела на дядю Витю. Тот назвал Володьку странным человеком, а Гермеса бесполезным существом. Но когда узнал, что Володька обещал ребятам держать у себя Гермеса, подтянулся и бодрым голосом сказал:

— Раз обещал, держи.

— Только, ради бога, уведи его из палисадника, — жалобно сказала тетя Таня. — Там цветы.

И Володька увел собаку за сарай, в тень, подальше от пышных георгинов, которые он презирал за нахальную красоту.

Потом он привык к Гермесу.

Однажды он загнал Гермеса в пруд и намылил туалетным мылом. Бедный пес тихо выл от ужаса, но терпел.

— Чего ты собаку мучишь! — вмешался Женька. Он все еще чувствовал себя хозяином.

— А что делать? — сказал Володька немного виновато. — Мне через две недели уже домой ехать. Как я его повезу, такого замурзанного?

— С собой возьмешь? — не поверил Женька.

— Ну, а куда его девать?

— А мать с отцом что скажут? — спросил рассудительный Сашка.

— Уговорю. Живут же у других собаки...

С того дня вся улица стала знать, что Гермес — Володькина собака.

А еще через два дня Гермес пропал.

Его искал Володька, искали все мальчишки. По всему поселку. Заглядывали в чужие дворы, спрашивали незнакомых людей. Потом пришли ребята с Ишимской улицы и сказали, что Гермеса сбил грузовик. Володька побежал за ним. В кювете лежала мертвая собака. Тоже большая и рыжая, но совсем не Гермес.

— Не он, — сказал Володька. И ушел домой. Вдруг почувствовал, что Гермеса не найдет.

— Ты странный человек, — сказал дядя Витя. — Как можно убиваться из-за ненужной бродячей собаки!

— Она была не бродячая, а моя, — ответил Володька и отвернулся.

— Можешь ты объяснить, зачем она? От любого домашнего животного должна быть польза.

Володька не мог объяснить. Пользы от Гермеса не было. Просто нравилось Володьке, как он тычется мокрым носом в ладони и как тепло дышит в ухо, когда они играют в пограничников и прячутся в кустах...

— Володя, — сказал дядя Витя с мягким нажимом. — Я удивляюсь, честное слово. Каждый мальчик должен быть мальчиком, а не плаксивой девчонкой. А ты все время киснешь. Чем ты недоволен?

— Всем... доволен, — тихо сказал Володька, с раздражением глядя на георгины. Их пунцовые, как петушиные гребни, головы, плавно качались в открытом окне.

Дядя Витя продолжал:

— Другой любой мальчишка на твоем месте был бы в восторге. Все к твоим услугам. Хочешь велосипед? Пожалуйста. Фотоаппарат? Бери, учись, снимай. Кататься на лодке? Пойдем попросим у Андрея, он не откажет. Хочешь пострелять из ружья? Давай, спустимся в овраг, постреляем...

— У твоего ружья отдача, как у гаубицы, — хмуро сказал Володька и пошевелил плечом.

— Просто ты боишься... Тебе почти одиннадцать лет, а глаза на мокром месте. Как у пятилетнего... — Он усмехнулся и добавил, вспоминая давний разговор: — А еще собирался стать путешественником. Путешественники не роняют слезы, как горох.

— Я не путешественник, — со сдержанной обидой ответил Володька. — Я ни разу не был ни в каком путешествии. — И, чувствуя, как защипало в глазах, он торопливо вышел из дома.

У калитки ему попала на глаза свежая сосновая щепка, широкая, как гладиаторский меч. Володька машинально поднял ее. Он пошел вдоль палисадника, щелкая по ноге липким от смолы сосновым клинком. Георгины над изгородью горели, как красные светофоры. Один, самый высокий, заносчиво поднял голову на прямом, словно спица, стебле. Володька не замедлил шага. Только рука его сделала молниеносный поворот, и деревянный меч, описав золотистый полукруг, чиркнул по стеблю.

Георгин не сразу понял, что случилось. Секунды две он удивленно смотрел вслед мальчишке. Потом его пышная голова качнулась, сорвалась и выкатилась на середину дощатого тротуара.

Вечером дядя Витя сказал:

— Путешественник, хочешь в глухие края? Озеро, лес, заросли. Рыбачить будем, костры жечь и открывать нехоженные места. Устраивает тебя такой план?

Володька не любил рыбачить. Но он представил костер на темном берегу, звезды в воде, смутную белизну берез в сумерках, и ему отчаянно захотелось в глухие края, к неизвестному озеру.

Они ехали на зеленом прыгучем «газике». Неровная травянистая дорога петляла по березовым рощицам и широким полянам с лиловыми разливами иван-чая. Володька устал подскакивать на заднем сиденье. Рубашка выбилась из-под штанов, и жесткий ремень натирал спину.

— Долго еще ехать? — осторожно спросил Володька.

— Устал? — откликнулся дядя Витя, обернувшись. В его голосе сразу были и забота, и насмешка. Володька раздраженно промолчал. Он так и знал: вместо ответа услышит что-нибудь ненужное и обидное.

Рядом с Володькой грузно трясся знакомый дяди Вити, начальник здешнего стройуправления Потапов. Это на его служебной машине они ехали к дальнему озеру.

Потапов шумно завоzilся на кожаной скамье и вытянул из кармана карту. Карта зашелестела и, развернувшись, упала Володьке на колени.

— Разбираешься? — спросил Потапов.

— Чуть-чуть...

Круглая лужица озера синела в сплошной зелени лесов. Дорога тянулась к нему паутинчатой нитью. Она пересекала коричневый шнурок шоссе, который убегал за край карты. Там у края Володька заметил мелкую-мелкую надпись: «На Крюково».

Он помолчал. Зачем-то даже потер пальцем буквы-малютки. Потом спросил у Потапова:

— Это большая дорога прямо в Крюково ведет?

— Прямехонько, — оживился Потапов. — Именно туда, в самую точку.

— Это там строят новую электростанцию?

— Вроде бы строят... Да, строят. Точно. Яковлев, один мой бригадир туда перевелся. Теперь дома только по выходным бывает. Каждый день ездить не будешь, почти сто верст по шоссе...

— А зачем тебе Крюково? — вмешался дядя Витя. — Озеро-то в стороне.

— Ни за чем. Так, — сказал Володька и стал смотреть в окно. В Крюково жил Юрка Верховский. Он уехал туда, потому что отца назначили начальником стройки. Два письма всего написал. Да и сам Володька тоже...

От рыбной ловли Володька сразу отказался. Если говорить честно, он жалел пойманных рыб, беспомощных, с кровью на жабрах. И немного боялся их — бьющихся, скользких. Он сказал, что займется костром и поставит палатку.

— Вот такой ты мне нравишься, — заметил дядя Витя.

Володька и сам себе нравился таким: быстрым, спокойным и деловитым. Правда, палатку ему помог поставить шофер, но потом он уехал, и костер Володька разжигал сам. Запалил такой огонь, что загудел окрестный лес.

Потом он устал и лег в стороне от огня. Небо стало темно-синим, а немного позже черным. Но звезды светили туманно, как сквозь марлю.

— Мы сходим на берег, — равнодушным голосом сообщил дядя Витя. — Посмотрим, как и что... Ты побудешь у костра?

— Побуду, — сказал Володька, не поворачивая головы.

— А мы, значит, на разведку, — вставил Потапов. — Быстренько. Туда и сюда.

Володька знал, что дело не в разведке. Просто им надо распить четвертинку, а делать это при племяннике дядя Витя не решается, считает непедagogичным. Кроме того, он хочет посмотреть, не боится ли Володька остаться один.

— Не заблудитесь там... в разведке,— серьезно сказал Володька.— Я пока чай поставлю.

Дядя Витя снял с пояса тяжелый охотничий нож.

— Возьми. На всякий случай.

— Зачем?

— Ты же останешься часовым. Кстати, надеюсь, ты не заснешь. Часовому, сам знаешь, спать нельзя никак.

— Ладно,— сказал Володька.

Дядя Витя и Потапов ушли, а он повесил нож на ремешок и вытянул клинок из чехла. Лезвие было широким и кривым, как у самурайского меча. На металле дрожали оранжевые змейки отблесков. Володька перерубил ножом несколько веток, бросил в костер, повесил над огнем ведерко с водой и снова лег, развернув на траве одеяло.

Он лежал и думал о том, что небо совсем черное, но деревья, обступившие поляну, еще чернее. Их вершины хорошо различимы на этом небе. Все верхушки острые, но сразу видно, где сосна, а где ель или береза.

Вершины стали медленно кружиться над ним. «Но-но — строго сказал Володька. — Не дурачьтесь. Часовые не спят, путешественники не плачут, деревья не танцуют. Они стоят и сторожат поляны». Он повернулся на бок и стал смотреть в огонь. Огонь был очень ярким, и Володька опустил веки. И тут он услышал шаги дяди Вити и Потапова.

Появилась у Володьки веселая мысль: притвориться, будто спит. А потом, когда дядя Витя скажет что-нибудь о беспечном часовом, Володька вскочит и завопит: «Руки вверх!»

Они подошли, беседуя вполголоса, и сначала Володька не разобрал слов. Но скоро понял, что говорят о нем.

— Ладно, пусть спит,— с привычной усмешкой сказал дядя Витя.— Замотался. Укачало, наверно, в машине.

— Зря ты его взял,— заметил Потапов.— Замучается. Слабоват он у тебя...

— И телом, и духом,— согласился дядя Витя. Но жестковато добавил: — Ничего. Сделаем покрепче. А то у родителей живет, как в аквариуме. В Крым не взяли, боятся, что перемена климата повредит... Мне в его годы никакие перемены не вредили... Володька, спишь?

Он не откликнулся, чтобы не вступать в неприятный разговор.

— Спит, — сказал Потапов. — Давай еще по одной. У меня во фляжке есть. И на боковую...

— А чай?

— Да аллах с ним. Сними, чтоб не выкипел.

Они звякнули алюминиевыми стаканчиками. Потом дядя Витя подошел к Володьке, сунул ему под голову свернутую куртку, бросил на него жесткий тяжелый плащ.

Володька дышал ровно и тихо.

— Не простынет? — спросил Потапов.

— Да что ты... Тепло, как в печке... — Дядя Витя помолчал и немного виновато объяснил: — Куда его было девать? Пришлось взять. А то он из-за этой чертовой собаки совсем извелся.

— А что с собакой?

— Да так... Притащил откуда-то пса. Не собака, а пугало. Жрет, между прочим, как корова. Татьяна меня совсем заела... Ну, я с неделю терпел, потом сказал Андрею. Он ее увел в карьер и хлопнул из винтовочки...

— Татьяну? — усмехнулся Потапов.

— Собаку, — сказал дядя Витя и тоже засмеялся.

«Не двигайся, — сказал себе Володька. — Теперь все равно». Он с удивлением почувствовал, что не хочется плакать, кричать, обвинять в предательстве.

Дядя Витя и Потапов забрались в палатку. Поговорили и затихли. Донесся булькающий храп.

Володька, не открывая глаз, повернулся на спину. Сейчас он не думал о своих взрослых попутчиках. Он думал о карте.

Стало чуть прохладнее. Ночь вкусно пахла осиновыми листьями, золой костра и близким дождем. Похоронно кричала какая-то незнакомая птица. Дрогнул воздух: где-то в страшной дали шел тяжелый самолет.

«А у Юрика брат — бортрадист», — неожиданно подумал Володька. И почему-то именно эта посторонняя мысль помогла ему все решить до конца.

Приняв решение, он открыл глаза.

Сквозь дымку душного неба пробивались звезды Медведицы. Володька скользнул глазами по краю «ковша» и увидел бледное пятнышко Полярной звезды. Тогда он встал, поправил пояс и застегнул куртку.

Неслышно двигаясь, Володька взял ведро и выплеснул воду в догорающее пламя. Костер взорвался негодующим шипением. Взметнул вихри золы и дыма. Но тут же огонь совсем обессилел, пробежался по пунцовым головешкам и пропал. Володька ногами раскидал недогоревшие ветки и угли. Он не боялся, что проснутся дядя Витя и Потапов. Они слишком откровенно храпели, уверенные, что ничего не может случиться.

Ночь стала совсем глухой, непроглядной. Была только темнота и красная россыпь углей. Они горели, как непонятные письмена на черной странице. словно какой-то кроссворд, нарисованный огненным пером. Володька подумал об этом и вспомнил, что сделал еще не все.

Он отыскал головешку покрупнее и при ее свете содрал с березового кругляка полоску коры. Кончиком ножа, на котором сидела рубиновая искра, он нацарапал на бересте:

Я УШЕЛ СОВСЕМ

Подумал и добавил:

В КРЮКОВО

Он был уверен, что прежде, чем поднимется шум и перекроют дороги, попутный грузовик домчит его до дальней стройки.

Потом Володька ножом пригвоздил записку к пню, сбросил с пояса ножны, отвернулся от углей и стал смотреть на север, где была дорога. Сначала в глазах плясали зеленые горошины, затем спустилась темнота. И наконец из ночи смутно выступили березовые стволы.

Тогда, словно в темные, но знакомые сени, Володька шагнул в лес.

□ □ □

СОДЕРЖАНИЕ

БЕЛЫЙ ЩЕНОК ИЩЕТ ХОЗЯИНА. <i>Повесть</i>	3
ПОЧЕМУ ТАКОЕ ИМЯ? <i>Рассказы</i>	85
Почему такое имя?	87
Айсберги проплывают рядом	96
Минута солнца	103
Рубикон	108
Подкова	113
Звезды пахнут полынью	125
Крылья	139
ПУТЕШЕСТВЕННИКИ НЕ ПЛАЧУТ. <i>Повесть и рассказы</i> .	143
Палочки для Васькиного барабана. <i>Повесть</i>	145
Львы приходят на дорогу	174
Путешественники не плачут	181

Крапивин Владислав Петрович. ПУТЕШЕСТВЕННИКИ НЕ ПЛАЧУТ

Редактор *И. Круглик*. Художник *Н. Моос*. Художественный редактор *Б. Попов*. Технический редактор *Т. Меньщикова*. Корректор *М. Проскурякова*.

Сдано в набор 4/III 1968 г. Подписано в печать 27/V 1968 г. Бумага типографская № 2. Формат 70×90^{1/16}. Уч.-изд. л. 11. Усл. печ. л. 14. НС 14200. Тираж 75 000. Заказ 157. Цена 43 коп. Средне-Уральское Книжное Издательство, Свердловск, Малышева, 24. Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49.

С-10
43. коп.

СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО. СВЕРДЛОВСК, 1983

THE NEW AMERICAN BIBLE COMPANY OF NEW YORK AND LONDON